НОВАЯ ПОЛЬША

№2(94) 2008

ЛЕОПОЛЬД УНГЕР: 60 ЛЕТ НА ДЕЖУРСТВЕ

Анна Ахматова в переводах Адама Поморского

КАК ПУШКИН РИСОВАЛ МИЦКЕВИЧА

Откровения бывшего большевика

Новые стихи Тадеуша Ружевича

Николай Бугай: Как нам жить рядом?

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Biblioteka Narodowa
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Номер счета: 55103010160000000003327001
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Адрес банка: ul. Traugutta 7/9 Warszawa
Номер счета: PL 55103010160000000003327001
SWIFT: CITIPLPX
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2(94)
2008
февраль

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Леопольд Унгер 3
МОЙ БАБИЙ ЯР

Ежи Помяновский 4
ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НА ДЕЖУРСТВЕ

Виктор Кулерский 7
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Николай Бугай 15
УМЕТЬ ЖИТЬ РЯДОМ…

Евгений Кринко, Татьяна Хлынина 18
РЕАБИЛИТАЦИЯ «НАКАЗАННЫХ НАРОДОВ»

Здислав Романовский 22
ИЗ ВСЕХ ПОЛЯКОВ МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ ОДИН...

Наталья Горбаневская 31
АХМАТОВА ПОМОРСКОГО

Адам Поморский 34
ПОЭТИКА ИНВЕРСИИ

Тадеуш Ружевич 37
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 45
ФЕНОМЕН РУЖЕВИЧА

Януш Андерман 47
ДВА РАССКАЗА

Лешек Шаруга 52
РАССКАЗЫ АНДЕРМАНА

Петр Стасяк 53
НЕБАНАЛЬНО, ВИРТУАЛЬНО

Галина Воропаева 57
ОН СТРОИЛ МОСТЫ

Войцех Орлинский 61
НЕОБХОДИМА ЛИ ПОЛЬША?

Никита Соколов 63
ДРУГАЯ РУСЬ

Тадеуш Любельский 66
ОКОЛДОВАННЫЙ КИНЕМАТОГРАФОМ

Эльжбета Савицкая 68
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Лешек Шаруга 72
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Ежи Помяновский 75
ЭТУ КНИГУ НЕОБХОДИМО ПРОЧИТАТЬ

Вацлав Сольский 77
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 83

Переводчики: М. Курганская, Н. Кузнецов, Н. Горбаневская, Е. Гендель, А. Базилевский, А. Ройтман.
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 4, 66), E. Lempp (стр. 32, 45, 52), Iwona Knura (стр. 84), Archiwum (стр. 21, 31, 60, 61).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Леопольд Унгер

МОЙ БАБИЙ ЯР

На фоне безумия мира депеша, казалось, не имела значения. То, что — как сообщало агентство — «Евгений Евтушенко читал в иерусалимском «Яд-Вашеме» свое стихотворение «Бабий Яр»», явно мало кого интересовало. Другое дело — мой личный счетчик Гейгера. Он сразу дрогнул. Для меня это было событие.

Прежде всего — кто есть кто. Молодые поляки, а таких большинство, Евтушенко, скорее всего, не знают, «Бабьего Яра» наверняка не читали. Да и где они могли бы его прочитать? Евтушенко, бывшему enfant terrible советской поэзии, 74 года, он доступен на 74 языках, но все это дела давно минувших дней.

«Бабий Яр», самое известное его стихотворение, — это потрясающий реквием, посвященный кровавой бойне в балке под Киевом, где гитлеровцы и местные наемники в сентябре 1941 года, в праздник Йом-Кипур, убили 35 тысяч украинских евреев (потом — гораздо больше). А «Яд-Вашем», как известно, — институт в Иерусалиме, хранитель памяти о Катастрофе.

Так случилось, что «Бабий Яр» сразу, с момента первой публикации, вошел в мою биографию — и остался в ней. Эпизоды, как в кинофильме, логически дополняют друг друга, у каждого свое место на фоне «Яра».

Когда в 1961 г. московская «Литературная газета» опубликовала стихи, в Варшаве это вызвало шок. Мы, специалисты по дешифровке советского языка, сразу поняли сигнал: это не только стихи, но и признак оттепели: впервые в Москве кто-то с такой силой напомнил о евреях, гибель которых прежде скромно камуфлировалась словосочетанием «граждане СССР».

Так началась моя жизнь с «Яром». Годом позже Евтушенко и его стихотворение — у меня в Гаване. Сюрреалистическая сцена: советский поэт за бутылкой польской водки в кубинских тропиках читает стихи о судьбе евреев из-под Киева и о русской памяти. Возвращение с Кубы в Варшаву, постепенно сжимаемую в смрадных объятьях Мочара*: всякий, даже легкий публичный намек на «Яр» уже был актом сопротивления гнилой диктатуре.

Потом приземление в Брюсселе, в разгар кампании «Let my people go» — за свободу эмиграции для советских евреев. В газете «Суар», где никто не знал этих стихов, я говорю о «Бабьем Яре» как об одной из отправных точек этой кампании.

Ну и — last but not least — год назад на меня обрушилась поразительная девятисотстраничная книга Джонатана Литтела «Les Bienveillantes». «Бабьему Яру» там отведено несколько страшных, феноменально написанных, редких в литературе, густых страниц. Повествователь, оберштурмфюрер доктор Ауэ рассказывает, как, «не ведая, что творит», смотрел, а потом и сам участвовал в резне, стрелял и убивал.

Жалею, что я не слышал, как Евтушенко читает в Иерусалиме:

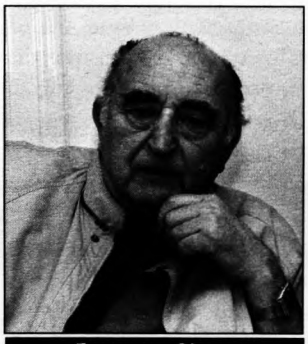
Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.

gazeta wyborcza

* Мечислав Мочар (1913-1986) — коммунистический общественный и политический деятель, в 1964-1968 гг. министр внутренних дел. Занимая эту должность, умело использовал антисемитские настроения в борьбе за власть. В результате развернутой им «антисионистской» кампании десятки тысяч польских евреев были вынуждены покинуть Польшу. — *Ред.*

Ежи Помяновский

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НА ДЕЖУРСТВЕ



Леопольд Унгер

Журналисты многих стран мира — в том числе Польши и Бельгии — отметили в Брюсселе, в салоне Европейской комиссии, 85-летие со дня рождения и 60-летие профессиональной работы Леопольда Унгера, политического комментатора «Газеты выборчей» и сотрудника брюссельской газеты «Суар», а в прошлом — многолетнего сотрудника парижской «Культуры» и польской редакции радио «Свободная Европа».

Феномен Леопольда Унгера прежде всего в том, что он, публицист редкого класса, не гнушается обыденной журналистской работой. Комментирует текущие события, без промедления ставит диагноз — как правило, точно. Направляет внимание читателя на суть дела, минуя обманчивые частности, хотя отнюдь не избегает анекдота, особенно когда хочет указать на исторический прецедент проблемы. Словом, ведет себя как опытный хирург на дежурстве в отделении скорой помощи, где обычно торчат молодые практиканты.

*

По милости историков словесности, лишь два жанра журналистики удостоились привилегии быть зачисленными в разряд художественной литературы: репортаж и публицистика. Однако даже их допускают в салоны условно и не без колебаний.

Немало выдающихся людей прошли репортерскую выучку. Их родоначальником слывет Плиний-младший: в частном письме историку Тациту он сжато и красочно описал событие, которое ему довелось увидеть в Неаполитанском заливе 24 августа 79 года от Рождества Христова. Это была гибель Помпеи. Среди последователей Плиния — целый рой государственных мужей, писателей, историков и прочих так называемых знаменитостей. Случай обеспечил им известность или помог сделать карьеру — лишь благодаря тому, что они сумели сообщить о необычном событии, свидетелями которого стали. Демулен описал штурм Бастилии (спровоцированный его собственными статьями). Генри Мортон Стэнли стал самым прославленным журналистом эпохи, когда ему удалось обнаружить в джунглях Африки Дэвида Ливингстона, искавшего истоки Нила; он тогда произнес знаменитую фразу: «Doctor Livingstone, I suppose?» Некий Уинстон Черчилль свою литературную карьеру, увенчанную Нобелевской премией, начал с короткой заметки об удачном побеге из лагеря военнопленных, где его держали буры. Джон Рид оказался в надлежащее время в надлежащем месте — 7 ноября 1917 г. он был в Петрограде и смог описать первый из «Десяти дней, которые потрясли мир»; эта книга его прославила. Курцио Малапарте в августе 1920-го пребывал в Варшаве, чтобы рассказать о вторжении Красной Армии — а увидел её поражение. Ксаверий Прушинский должен был посылать корреспонденции из ставки генерала Франко, но остался в Мадриде — так возникла замечательная книга «В красной Испании».

Не случайность, а особый талант превратил в сокровища литературы репортажи Редьярда Киплинга, Эгона Эрвина Киша, Мельхиора Ваньковича, Рышарда Капустинского. Секрет их таланта — умение видеть в событиях дня молекулы творимой истории. Эта способность превращает репортажи Ханны Кралль о встречах с человеческой «мелочью» в столь захватывающие повествования. Большой репортаж — не хроника событий, а свидетельство весомости человеческой судьбы.

*

Публицист, кажется, лишен таких преимуществ. Он вмешивается в общественную жизнь, рецензирует политические стычки, сплетни и выходки властей, за которыми обычно остается последнее слово. Он выступает по вопросам не только чуждым ему, но и мимолетным, обреченным на забвение, как вчерашняя газета. Несмотря на это статьи многих публицистов навсегда остались в памяти людей, да и в учебниках истории, хотя никто

уже не помнит речей, действий, даже имен политиков, принимавших участие в событиях, о которых идет речь. Достаточно упомянуть хотя бы дело Дрейфуса: если сегодня его и вспоминают, то в связи с именем Эмиля Золя, автора статьи «Я обвиняю!», которая радикально изменила ход событий.

В том-то и штука: речь идет о влиянии на события, сознательном влиянии.

На состояние умов в России при Александре III «король фельетона», либерал Дорошевич имел влияние почти такое же, как всемогущий Победоносцев, обер-прокурор Синода. Во время II Мировой войны статьи Уолтера Липмана или корреспонденции из России Александра Верта (а в России — комментарии Ильи Эренбурга в «Красной звезде») больше говорили дипломатам и самым проницательным из военачальников, чем донесения разведки и официальные директивы. Раймон Арон во Франции или Индро Монтанелли в Италии значили для общественного мнения больше, чем министры и депутаты, избранные сотнями тысяч голосов. Какая-нибудь шутка, которую удавалось контрабандой протащить Киселю [Стефану Киселевскому, фельетонисту католического еженедельника «Тыгодник повшехный»], отзывалась громче, чем десяток речей и угроз Гомулки.

Станислав Цат-Мацкевич утверждал, что публицист — это политик, временно лишенный власти. Полагаю, что он ошибался. Доказательство — его собственная судьба. Замечательный публицист, редактор виленской газеты «Слово», которую в Варшаве читали внимательней, чем столичную печать, в конце концов стал премьер-министром польского правительства в изгнании, в Лондоне, и закончил эту карьеру стыдливым возвращением в ПНР. Конечно, публицистом и автором романов был Дизраэли, прежде чем стать премьер-министром Великобритании, но — признаемся — никто сегодня его сочинений в руки не берет.

Серьезный публицист, особенно т.н. колумнист, не променяет редакционного стола на министерский кабинет. Джулиано Феррара, который из предпринимателя Берлускони сделал политика, недолго был министром в его правительстве, вскоре затосковал по самостоятельности, вновь взялся за перо и основал газету «Фолио», с чтения которой начинает свой день любой итальянский политик, будь то левый, будь то правый. Ежи Гедройц хорошо знал, что делает, когда, не обращая внимания на политические искушения и миражи польского Лондона, всё поставил на карту «Культуры». Вы скажете: он был не публицистом, а редактором. Но он был вождем и вдохновителем публицистов; пишущему эти слова он однажды сказал, что считает себя кем-то вроде суфлера. Да, это был суфлер в квадрате: он не только предлагал темы и концепции, но и предъявлял к авторам такие требования, которые придавали тексту летучесть и точность снаряда.

Леопольд Унгер — живое доказательство справедливости этого тезиса.

*

Ежемесячный комментарий «Брюссельца» в «Культуре» быстро занял место рядом с очередными фрагментами политического сериала «Лондонца» — Юлиуша Мерошевского. Когда-то Лондонец был журналистом-поденщиком в краковской газете «ИКЦ» («Илюстрованый курьер цодзенный»); в эмиграции, под опекой Редактора, он стал чем-то больше, чем его porte-parole; его заслуга — предложенный «Культурой» проект международной политики будущей, свободной Польши. За Брюссельцем закрепилась слава отличного профессионала, однако погруженного прежде всего в работу малозаметную: он был секретарем редакции крупной ежедневной газеты, достойным преемником Станислава Ротерта, того самого, который платил построчный гонорар за сокращения — тем больше, чем более сжатым получался текст. Да, длительное пребывание в красной Гаване, где Унгер был корреспондентом газеты «Жиче Варшавы», помогло ему осознать то, что слабо понимали на родине: если даже Куба — не изолированный остров, то Польша — тем более. Понимание значимости глобальных конфликтов открыло ему страницы европейской печати. Но именно ободрение и растущее внимание Гедройца позволили ему расправить крылья. В «Культуре» он стал выдающимся публицистом, диагностом мировых недугов, угроз и шансов, о которых в Польше обязательно надо было знать.

Два фактора обусловили то, что Унгер, он же Поль Матиль, на чужой, сложной территории приобрел такое влияние на общественное мнение, которого теперь никто не отрицает. Первый фактор — умение масштабно и точно ставить политический диагноз, приобретенное и развитое под руководством Гедройца. Второй — счастливое стечение обстоятельств, приведшее к тому, что отличный и любящий работать журналист с европейского Востока попал в столицу Европы как раз тогда, когда этот Восток приковал к себе внимание всего мира. Именно Леопольд Унгер в газетах «Суар» и «Интернэшнл геральд трибюн» обратил внимание читателей и авторов на первые признаки тех процессов, которым вскоре суждено было разрушить роковое равновесие страха, обеспечивавшее прочность советскому леднику. Его первая статья в «ИГТ» касалась вроде бы мелкого

факта: в Кракове, в подъезде дома по улице Шевской, 7, был обнаружен труп молодого человека, участника тайного, тогда еще слабого, движения сопротивления; затем следовал рассказ о заупокойной службе, что неделю спустя прошла в костеле, до отказа заполненном безмолвной толпой*. Сам стиль сообщения наводит на мысль, что описан взрыватель надвигающегося взрыва. Унгеру не нужны высокие слова, чтобы сказать о важных переменах. «Сталина уже не было в живых, разрядка и торговля диктовали свои законы, в западные салоны неловко было влезать через окно с наганом в руке», — вот и всё, что ему было нужно, чтобы дать представление об атмосфере времени, предшествовавшего избранию польского епископа на папский престол в Риме и началу усилий Москвы и Софии по предотвращению последствий этого избрания. Он вовсе не считает Польшу пупом земли, он был изгнан из нее дурнями и расточителями как чужак, потому что — хоть и убежденный агностик — не считал, что должен отрекаться от веры своих еврейских предков. Кроме того — никто так, как он, не умел перевести на язык западного общественного мнения смысл событий, происходящих в его родной стране. А также в Праге, Бухаресте, наконец — в Москве. Унгер первый показал своим бельгийским и французским читателям, что в Чернобыле «треснул догмат молчания, этот подлинный фундамент советизма... Именно в Чернобыле Советский Союз начал путь из XIX века в XXI-й». С подобной же прозорливостью он писал и об Аргентине, и о Японии.

Влияние, которое приобрел Унгер (в том числе благодаря популярности его передач на незабвенном радио «Свободная Европа») и которое он по-прежнему оказывает на польских читателей — благодаря своей рубрике в «Газете выборчей», а на иностранных — благодаря непререкаемой репутации в «Суар» (газете, которую внимательно читают на всем франкоязычном пространстве), — позволяет без особых колебаний сравнить его с другим польским публицистом, который в свое время считался самым заслуживающим доверия экспертом, если не высшим авторитетом в области международных отношений. Я имею в виду Юлиана Клячко, издателя парижских «Вядомостей польских», но прежде всего — постоянного комментатора влиятельных «Ревю де дё монд» и «Ревю де Пари», воспитателя сыновей Зигмунта Красинского, доверенного завсегдатая «Отеля Ламбер»**. Он был знатоком и историком итальянского искусства, историком и пропагандистом польской поэзии, но главное — отменным публицистом. Сын купца Герша Лейба, родившийся в Вильно 6 ноября 1825 г., скоро стал выдающимся польским публицистом (фамилию он сменил достаточно рано, а вероисповедание — только в 1856 году). Мицкевич его не любил, но Клячко первым (в 1861 г.) занялся научным исследованием переписки поэта. Граф Станислав Тарновский считал Клячко «одним из самых выдающихся умов XIX века». Однако не происхождение и не похвалы сильных мира сего позволяют сравнить с ним Леопольда Унгера, а необыкновенная способность к дальновидному анализу перспектив, вырисовывающихся при наблюдении международных отношений. Брюсселец не занимается гаданием на кофейной гуще — с тщательностью прирожденного журналиста он отбирает конкретные детали, даже мелкие, чтобы сделать из них важные выводы.

Обратимся к «Двум канцлерам» Юлиана Клячко, сочинению 60-х годов XIX века, написанному еще до прусских побед под Садовой и Седаном. Внимательный анализ с виду невинных шагов Горчакова, с одной стороны, и Бисмарка — с другой — позволяет ему предсказать гегемонию Пруссии в Германской империи и прийти к пониманию того, что сближение Германии и царской империи, достигнутое за счет разорванной Польши, неизбежно кончится кровавым конфликтом между обоими контрагентами.

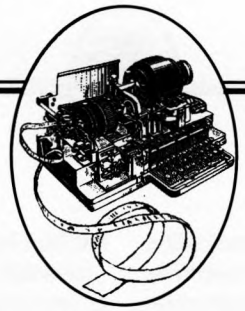
Заглянем теперь в какой-нибудь очерк Брюссельца из числа собранных в книге «Орёл и прочее». Необязательно об СССР. Довольно того, что он говорил об исламском терроризме во времена, когда многим казалось, что надо только упразднить Израиль, и проблема исчезнет. На страницах 160-161 парижского издания, после тщательного анализа одного из очередных угонов американского самолета и покорной, примиренческой реакции европейских правительств, Унгер в шести пунктах перечисляет те черты терроризма, понимание которых может помочь эффективной борьбе с ним. Он писал об этом в 1985 году. Человеку, который читает его сегодня, через шесть лет после 11 сентября 2001-го, приходит в голову грубая, но естественная мысль: если бы «Интернэшнл геральд трибюн» не прервала сотрудничества с Унгером (тот-де все время писал о несчастной Польше), возможно, эти советы вразумили бы американцев, и мир избежал бы кошмара?

Кто хочет, пусть назовет это наивностью. Но в Польше всё еще верят в силу разумного слова.

Текст одновременно выходит по-польски в сборнике, посвященном юбилею Леопольда Унгера (Люблин, изд. Университета им. Марии Кюри-Склодовской).

* Речь идет о гибели и похоронах студента Станислава Пыяса, сотрудника Комитета защиты рабочих (КОР). — *Ред.*

** Особняк кн. Адама Чарторыского, где собиралась «Великая эмиграция». – *Ред.*



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

«Вчера в Лиссабоне лидеры 27 государств подписали конституционное соглашение Евросоюза (...) В соответствии с ним будет создана должность председателя Совета ЕС, которая в дальнейшем может быть преобразована в пост президента Европы. В Евросоюзе появится также должность министра иностранных дел, который будет именоваться верховным комиссаром. В его распоряжении будет многочисленный дипломатический корпус и многомиллиардный бюджет. Верховный комиссар будет иметь право не только координировать внешнюю политику, но и требовать проведения курса, совместно выработанного странами-членами ЕС (...) Для принятия европейского закона теперь будет необходима поддержка 55% государств ЕС при условии, что в них проживает 65% населения сообщества (...) Когда премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский подписывали соглашение, президент Лех Качинский смотрел на них с доброжелательной улыбкой. А спустя несколько секунд он сердечно пожал им руки». ***(«Дзенник», 14 дек.)***

«Польша вошла в Шенгенскую зону. В ночь с 20 на 21 декабря исчезли шлагбаумы на границах с Германией, Чехией, Словакией и Литвой. Паспортный контроль в аэропортах будет отменен не позже конца марта». *(«Тыгодник повшехный», 6 янв.)*

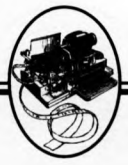
«В пятницу утром президент Польши Лех Качинский и президент Литвы Валдас Адамкус символически открыли границу на переходе в Будзисках (...) В это же самое время премьер-министр Дональд Туск вместе с канцлером Германии и премьер-министром Чехии пилили деревянный пограничный шлагбаум на стыке границ Польши, Германии и Чехии. Торжества, в которых приняли участие председатели Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и Европарламента — Ганс-Герт Поттеринг, прошли на польско-немецком пограничном пункте Пораюв—Циттау и менее чем в километре оттуда, на польско-чешском пограничном пункте Пораюв—Градек (...) «Когда мы с премьером Чехии перепиливали последнее препятствие, у меня было такое ощущение, что начинается что-то по-настоящему великое, — сказал взволнованный премьер-министр Туск. — Никто лучше поляков, немцев и чехов не знает, какое огромное значение имеют эти наши последние взмахи пилы»». ***(«Жечпосполита», 22-23)***

«28 фрагментов границы в виде предупреждающих и информационных табличек, а также шлагбаумов, будут проданы с аукциона, который совместно организуют «Газета выборча» и «Польская гуманитарная акция» (ПГА). Доход ПГА предназначит на стипендии для детей беженцев. Фрагменты границы можно будет приобрести с 27 по 31 декабря (...) Кроме шлагбаумов на аукцион будут выставлены таблички с надписями «Комендант поста пограничной охраны», «Пограничный контроль», «Пограничная зона. Фотографировать запрещается», «Государственная граница. Проход запрещен», «Пограничная дорога. Въезд запрещен» (...) Мы хотим собрать деньги на стипендии для детей иностранцев, пытающихся получить в Польше статус беженцев. Только в 2007 г. об этом ходатайствовали более 7 тыс. иностранцев, 90% которых прибыли из Чечни». *(«Газета выборча», 20 дек.)*

«В будущем году украинцы не будут строить наши дома, ремонтировать квартиры или нянчить наших детей. Это цена, которую нам придется заплатить за вступление Польши в Шенгенскую зону (...)«Мы ожидали резкого падения числа гостей из-за Буга. Это большая потеря», — говорит эксперт Фонда [им. Стефана] Батория Анита Шимборская. Причина состоит в навязанных Брюсселем высоких ценах на визы. За право приехать на три месяца в Польшу украинцы и россияне должны заплатить по 35 евро, белорусы — 60 (...) Одно из самых трудных условий получения разрешения на въезд — необходимость иметь соответствующие денежные средства на каждый день пребывания в ЕС (около 100 злотых). Польские консульства будут проверять, есть ли у потенциальных получателей виз страховой полис, обратный билет, приглашение от гражданина Польши». ***(«Дзенник», 21 дек.)***

«Мысль о том, что после нашего вступления в Шенгенскую зону польская граница с Россией, Белоруссией и Украиной уподобится той, прежней границе, не позволяет мне пить шампанское». *(Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 24-25 дек.)*

«Перед польским консульством во Львове украинцы покупают чистые бланки приглашений и вписывают в них свои данные (...) Поветовые управы выдают [польским] фермерам незаполненные бланки, а фамилии желающих выехать вписываются уже на месте. Хотя украинцы, едущие



в Польшу, скорее всего, никогда не покажутся в указанном в приглашении хозяйстве, для фермера это не будет иметь никаких негативных последствий». *(«Дзенник», 29-30 дек.)*

▌«С января Белоруссия будет требовать от поляков, следующих через ее территорию в Россию и другие страны СНГ, а также в Монголию и Китай, транзитные визы. До сих пор достаточно было виз страны назначения (...) позволявших находиться на территории Белоруссии 24 часа». *(«Газета выборча», 22-23 дек.)*

▌**«Строительство польско-российского пограничного пункта в Гжехотках обошлось в 116 млн. злотых. Еще 26 миллионов планируется предназначить на закупку техники: компьютеров, рентгенов и т.д. С польской стороны на пропускном пункте имеется 12 полос движения — шесть в российском направлении и шесть в обратном. В течение суток он может пропустить 6 тыс. грузовых автомобилей. Объект сдан в эксплуатацию в ноябре 2006 года. Тем не менее пока что через Гжехотки не проехала ни одна машина. Почему? Россия до сих пор не построила пропускной пункт со своей стороны. Там ничего нет (...) Переход не работает, но мы должны платить за его содержание миллион злотых в год». *(«Жечпосполита», 21 дек.)***

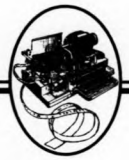
▌«Закон о карте поляка вступит в силу 28 марта 2008 года. О получении карты могут ходатайствовать соотечественники, проживающие на территории бывшего СССР. Карта была введена, в частности, для того, чтобы облегчить им въезд в Польшу после вступления нашей страны в Шенгенскую зону — она дает возможность освобождения от оплаты за шенгенскую визу. Карта поляка будет действительна 10 лет, по истечении которых ее можно будет продлить. Владельцу карты предоставляется: 1) освобождение от обязательного для иностранцев разрешения на работу; 2) возможность вести хозяйственную деятельность на тех же условиях, что и польские граждане; 3) возможность учиться на тех же основаниях, что и польские граждане; 4) право на бесплатную медицинскую помощь при несчастных случаях; 5) 37-процентная скидка при оплате за проезд в общественном транспорте (...) Больше всего поляков живет на Украине (около миллиона), в Литве (325 тыс.) и в Российской Федерации (350 тыс.)». *(«Газета выборча», 27 дек.)*

▌**«Почти 28 тыс. злотых удалось заработать на продаже с аукциона сувениров с пограничных переходов (...) Доходы пойдут в стипендиальный фонд для детей беженцев (...) Стипендии на один школьный семестр в размере 100-250 злотых в месяц присудит специальная комиссия, состоящая из представителей ПГА и Общества юридической помощи». *(«Газета выборча», 2 янв.)***

▌Янина Охойская, основательница ПГА: «Почему «Польская гуманитарная акция» отмечает 15-летие своего существования именно 26 декабря? В 1992 г. я поехала в Сараево и там впервые в жизни увидела, что такое война (...) Я вернулась в Польшу, но у меня ничего не было, никакой базы. Тогда я еще работала в лаборатории астрофизики ПАН в Торуни. Я встретилась с Константы Гебертом из «Газеты выборчей». Он помог мне связаться с Томеком Ковальчевским с 3-й программы радио, который сразу же предоставил мне время в эфире (...) После этой передачи многие люди предложили мне свою помощь. Меньше чем за месяц мы собрали 12 грузовиков с предметами первой необходимости. Колонна машин выехала 26 декабря 1992 года. Оказалось, что нужно отправить еще одну колонну, так как накопились новые пожертвования. Во втором конвое погибла Шанталь Годино из Франции, сербские снайперы ранили двоих водителей (...) Мы решили продолжать помощь. Спустя год я получила звание «Женщина Европы» (...) После Югославии был Казахстан, Чечня (...) С 1993 г. мы помогаем беженцам, оказавшимся в Польше (...) С 2000 г. мы занялись репатриацией поляков из Казахстана. Потом была акция «Марионетка» по обеспечению детей питанием, помощь жертвам стихийных бедствий и войн в 35 странах, в последний раз — в Бангладеш. А ведь я должна была заниматься изучением звезд!» *(«Газета выборча», 24-26 дек.)*

▌**«Первый благотворительный фонд на польских землях возник в 1073 г. по инициативе князя Владислава Германа, который учредил его в благодарность за рождение наследника. Сегодня, согласно исследованиям Института социальной политики Варшавского университета, в Польше действует около 67 тыс. благотворительных организаций — фондов, обществ и товариществ. Деньги на свою деятельность они получают из разных источников. Около 60% составляют т.н. собственные средства, поступающие от учредителей, от продажи продуктов, найма, процентов. Четверть средств эти организации получают от государства. Лишь 16% поступлений составляют личные пожертвования граждан и предпринимателей». *(Лонгина Гжегурская-Шпыт, «Ньюсуик-Польша», 6 янв.)***

▌Проф. Эдмунд Внук-Липинский, социолог, ректор Collegium Civitas: «Почти двадцать лет спустя Польша продолжает оставаться собой, но это уже другая Польша. Это свободная страна в период экономического процветания. У нас есть надежные союзники, мы можем свободно передвигаться в пределах огромного европейского пространства с одним лишь удостоверением личности в кармане (...) Зарплаты реально растут, как и благосостояние домашних хозяйств.



Безработица уменьшается, а в крупнейших городах ощущается нехватка рабочих рук. Молодые поляки образованы гораздо лучше, чем старшие поколения. За последние две декады мы пережили настоящий скачок уровня образованности общества (...) Никогда в прошлом поляки не были так довольны (если не сказать счастливы), как сегодня (...) Последние выборы 21 октября 2007 г. стали (...) важной вехой по нескольким причинам. Вероятно, они были последним столь драматическим столкновением старого менталитета поляков с новым, старых навязчивых идей и страхов с новыми надеждами, пробужденными вступлением в Евросоюз и открытием Польши к миру. Кроме того, они стали ареной борьбы мифологизированного взгляда на мир, полного недоверия к чужакам и инакомыслящим соотечественникам, со взглядами людей, не комплексующих перед Европой и отличающихся высокой степенью терпимости к мировоззренческим различиям. Это было столкновение анахронического понимания национальных интересов (...) с их более прагматическим истолкованием в категориях сотрудничества, а также внутреннего и внешнего диалога. Наконец, это была кульминация спора между двумя стилями политики: между пониманием демократии как поля непрестанных, иногда провоцируемых сверху конфликтов (...) и пониманием диалогическим, для которого поиски консенсуса (...) между главными актерами политической и общественной сцены — важная цель внутренней политики». *(«Тыгодник повшехный», 13 янв.)*

«Согласно всемирному опросу Института Гэллопа, в течение двух лет поддержка демократии в Польше снизилась на 14%. Из анкеты, которую заполнили 60 тыс. респондентов из 57 стран мира, вытекает, что лишь 70% поляков считают демократию лучшей системой правления. Два года назад в этом были уверены 84%». *(«Ньюсуик-Польша», 16 дек.)*

• Нил Ашерсон: «Проблема с демократией в период правления братьев Качинских заключалась в том, что они начали свой «долгий марш», чтобы сменить целый ряд институтов, влияющих на политические процессы. Они пытались ослабить их или подорвать их деятельность, старались влиять на выбор судей, на процесс люстрации, силились запугать оппозицию и взять под контроль СМИ. Все это выглядело довольно зловеще. Теперь, после выборов, мы уже знаем, что польские избиратели отвергли этот путь, заявив: эта система нам претит, она унизительна для Польши и опасна для нашей молодой демократии». *(«Ньюсуик-Польша», 27 дек.)*

Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в январе поляки голосовали бы следующим образом: «Гражданская платформа» (ГП) — 54% голосов, «Право и справедливость» (ПиС) — 24%, «Левые и демократы» — 12%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Лига польских семей» и «Самооборона» — по 1%. Избирательный барьер составляет 5%. *(«Газета выборча», 9 янв.)*

«В ноябре зарплаты в частном секторе повысились по сравнению с тем же периодом 2006 г. на целых 12% и в среднем перевалили за 3 тыс. злотых. В последний раз такой рост был отмечен в августе 2000 года. Уже несколько месяцев подряд масштаб повышения зарплат застает всех специалистов врасплох. Необходимость прибавок — результат высокого спроса на труд. В ноябре уровень занятости был на 5% выше, чем год назад. В то же время при уровне безработицы, упавшем ниже 10%, найти хорошего работника нелегко (...) Польской экономике не хватает четверти миллиона квалифицированных рабочих рук». *(«Жечпосполита», 18 дек.)*

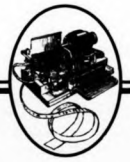
«Мы вошли в новый год с рекордной средней зарплатой. По данным Главного статистического управления (ГСУ), она уже превысила 3086 злотых (...) С другой стороны, половине трудящихся приходится довольствоваться 2,2 тыс. «грязными», а заработки 10% близки к минимальной зарплате. На противоположном полюсе находятся 6,6% поляков, чьи зарплаты в два раза выше средней. Только каждый сотый зарабатывает больше 10 тысяч». *(«Политика», 5 янв.)*

• «Сотни тысяч поляков, работающих за границей, ежедневно посылают деньги своим близким (...) В 2007 г. был побит рекорд: в течение года эмигранты прислали в Польшу 3,5 млрд. евро, т.е. около 15 млрд. злотых. Это всего лишь на 3 млрд. меньше бюджетного дефицита нашей страны». *(«Дзенник», 4 янв.)*

«Поляки (...) массово селятся за Одером (...) По некоторым оценкам, в последнее время дома в Мекленбурге и Бранденбурге купили около 2 тыс. поляков. Больше всего их живет в Пенкуне, Гарце и Лёкнице, где поселилось уже 200 польских семей. Последние несколько лет в Лёкнице работает немецко-польская гимназия». *(«Газета выборча», 12 дек.)*

• «В Польше растет число немецких работников (...) В нашей стране развернули деятельность около 7 тыс. малых и средних предприятий из Германии. Желая работать в обеих странах, немцы все чаще регистрируют у нас единоличные фирмы (...) В прошлом году собственные фирмы зарегистрировали в Германии 43,4 тыс. поляков, заняв первое место среди иноязычных предпринимателей». *(«Впрост», 13 янв.)*

«Такого роста благосостояния жителей деревни в Европе нет нигде, кроме прибалтийских государств. Согласно недавно опубликованным данным Евростата, за последние семь лет доходы



польских фермеров увеличились почти на 110% (...) Из самой евроскептической части польского общества деревня превратилась в самую проевропейскую». ***(«Дзенник», 7 янв.)***

▌«Путь от 300 гусей к 320 тыс. кур Мирослав Свержевский преодолел за 22 года (...) В 1995 г. он начал свою карьеру в промышленном птицеводстве с 18 тыс. цыплят (...) Первые пять недель своей короткой жизни цыплята быстро росли (...) Критической была шестая неделя, после которой они должны были попасть на птицебойню. «У них обнаружилась склонность к инфарктам», — объясняет птицевод. При генетической установке на прирост мышечной массы малюсенькие сердечки более слабых цыплят были не в состоянии качать кровь (...) В курятнике почти все время стоит день, так как свет гасится только на час. Благодаря этому откормка происходит 23 часа в сутки (...) «Нас связывают правила. У меня может быть максимум 17 цыплят на квадратный метр. В США сажают по 30, а в Германии — 25, и никаких проблем» [— говорит Свержевский]. «У птицы, которая за 42 дня из весящего несколько граммов цыпленка превращается в 2,5-килограммовую курицу, шансы выдержать собственный вес очень невелики (...) Их кости хрупки, как сухие палочки. Многие из этих цыплят, сев один раз, уже никогда не встают и в результате гибнут с голоду», — объясняет Яцек Божек из экологической организации «Гайя» (...) «Чтобы в такой давке птицы не заклевали более слабых особей, им отрезают кончики клювов. Должно быть, это болезненная операция», — переживает председатель Всепольской палаты птицеводов и производителей кормов проф. Станислав Венжик». *(Юлиуш Цвелюх, «Политика», 15 дек.)*

▌**«В этом году в Польше будет продано на 10% больше водки, чем в 2006-м (...) В 2007 г. поляки купят почти 200 млн. литров водки, потратив на это более 7,5 млрд. злотых (...) Большинство производителей водки считает, что 2008 год должен быть не хуже предыдущего. Продажа водки должна вырасти еще на 15% (...) Еще быстрее — более чем на 20% — должна вырасти продажа водки класса «люкс»».** ***(«Жечпосполита», 17 дек.)***

▌«Во всей Польше цены на землю растут непрерывно и все быстрее. С начала года они выросли в среднем на 15% (...) Недавно в щецинском отделении Агентства сельскохозяйственной недвижимости был установлен ценовой рекорд: 10 аров сельскохозяйственной земли были проданы за 234 тыс. злотых, что дает цену 2,34 млн. злотых за гектар (...) В среднем после трех кварталов 2007 г. цена гектара земли составляет 17,5 тыс. злотых (...) Агентство сельскохозяйственной недвижимости располагает 345 тыс. гектаров свободной земли. Больше всего ее там, где раньше были крупнейшие государственные хозяйства (...) В этом году на продажу предназначено 113 тыс. гектаров». *(«Жечпосполита», 10 дек.)*

▌**«Недоработанное строительное законодательство ставит под угрозу многомиллиардные дотации ЕС (...) Мы приводим свои законы в соответствие с европейскими с гигантским опозданием. Не хватает 99 законов. «Еврокомиссия возбудила против нас 94 формальных процедуры за нарушение законодательства ЕС», — признаёт новый директор Управления комитета европейской интеграции Миколай Довгелевич (...) Еще в начале 2007 г. против Польши велось только 48 таких процедур».** ***(«Газета выборча», 10 янв.)***

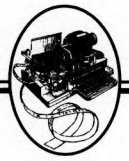
▌«Европейский суд по правам человека заявил о недопустимости применения в Польше предварительного заключения, которое в некоторых случаях продолжается несколько лет, и потребовал от нашего правительства отчета и объяснений относительно заключенных (...) Судей ЕСПЧ удивил также тот факт, что за последние семь лет Польша заплатила лицам, обратившимся в суд с требованием компенсации за долгое предварительное заключение, в общей сложности миллион злотых (...) ЕСПЧ сообщил нашему правительству, что поступило 78 очередных жалоб польских граждан. 31 декабря 2007 г. в польских следственных изоляторах находились 204 человека, арестованных не менее года назад, которым до сих пор не предъявлено обвинение». *(«Дзенник», 7 янв.)*

▌**«Прошлогоднее улучшение ситуации на легальном рынке труда привело к незначительному уменьшению теневого сектора. По некоторым оценкам, в нем работают более 1,2 млн. человек — всего на 100 тысяч меньше, чем 14 лет назад».** ***(«Дзенник», 3 янв.)***

▌«Десять польских городов решили проблему безработицы — она составляет в них менее 5%. Уровень безработицы в этих городах ниже т.н. естественного (4-5%) (...) В Сопоте безработица составляет 2,4%; в Гдыне — 2,5; в Познани — 3,0; в Варшаве — 3,1; в Катовице — 3,4; в Гданьске и Кракове — по 3,9; в Ольштыне — 4,5; в Кросно — 4,7; во Вроцлаве — 4,8% (...) Уровень безработицы в Польше по-прежнему высок и кое-где превышает 30%. Более того, половина поляков вообще не работает». *(«Жечпосполита», 29-30 дек.)*

▌**«В декабре среднегодовая инфляция выросла в Польше до 4%. Сейчас она выше установленной Польским национальным банком (ПНБ) инфляционной цели и выше, чем ожидала Еврокомиссия».** ***(«Политика», 12 янв.)***

▌«Уже несколько месяцев быстро дорожают продукты питания, топливо, алкогольные напитки и табачные изделия, а также рестораны и гостиницы. По подсчетам



ГСУ, за год цены на «топливо для частных транспортных средств» выросли на целых 13,2%, а на «продукты питания и безалкогольные напитки» — на 7,6%. К счастью, многие другие товары и услуги дорожают медленнее». *(«Политика», 22-29 дек.)*

«Вчера в Светлогорске был подписан меморандум об отмене российского эмбарго на мясо из Польши (...) Эмбарго на польское мясо и растительные продукты было введено Россией в ноябре 2005 года. Причиной послужили подделки российских ветеринарных и фитосанитарных сертификатов (...) Следствие показало, что польские фирмы к этому непричастны (...) Об отмене эмбарго на польские растительные продукты министр Марек Савицкий будет вести переговоры с министром сельского хозяйства России Алексеем Гордиевым». *(«Жечпосполита», 20 дек.)*

«Как сообщил вчера пресс-секретарь Россельхознадзора Алексей Алексеенко, еще 29 польских предприятий получили сертификаты, необходимые для экспорта в Россию. В настоящее время разрешения на ввоз в Россию свинины, говядины, мяса домашней птицы, молока и молокопродуктов есть у 60 с лишним польских комбинатов (...) Выгоду от отмены российского эмбарго уже начинают ощущать польские крестьяне (...) Закупочные цены на убойный скот в Польше начали расти. По всей стране они поднялись на 3%». *(«Дзенник», 28 дек.)*

«Россия удовлетворена готовностью Варшавы вести переговоры об элементах ПРО. «Предшественники министра Радека Сикорского игнорировали наши предложения относительно консультаций», — сказал министр Сергей Лавров. Встреча Сикорского с Лавровым в Брюсселе не была замечена крупнейшими российскими СМИ». *(«Газета выборча», 10 дек.)*

Адам Даниэль Ротфельд, сопредседатель польско-российской рабочей группы по трудным вопросам, бывший министр иностранных дел Польши: «Ситуация необычна: впервые в истории мы строим отношения с Россией, будучи членом большого сообщества. Уже хотя бы по этой причине правильно понимаемым национальным интересам Польши отвечает укрепление Евросоюза, экономика которого в пятнадцать раз сильнее, а население — в три раза больше, чем у России (...) В сопоставлении с Россией ЕС — это мощь, уступающая только с точки зрения ядерного потенциала. Однако какой толк от этого потенциала сегодня? Главная слабость ЕС — это отсутствие единства, поэтому мы должны особенно активно призывать к выработке единой внешней и оборонной политики. (...) [Надо] отстаивать политику взаимозависимости. Европа нуждается в России, а не только в ее ресурсах, но и Россия, возможно, даже в большей степени, нуждается в Западе (...) Сутью стратегии в отношении России должна быть конструктивная программа, предусматривающая соблюдение единых правил игры и взаимную ответственность за политическую, военную, энергетическую и экологическую безопасность в глобальных масштабах». *(«Тыгодник повшехный», 23-30 дек.)*

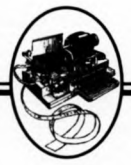
«В списке вопросов, которые нужно решить с Россией, у польского правительства есть и газовый спор (...) Российский концерн платит за транспортировку газа по ямальскому газопроводу меньше, чем «Польская нефте- и газодобыча» (ПНиГ), которая тоже получает российский газ из этого газопровода (...) Спор касается ставок, которые, по мнению «Газпрома», должны уменьшаться, а по мнению ПНиГ — гарантировать компании «ЕвроПолГаз» соответствующую прибыль и давать ей возможность выплачивать кредиты. Компания взяла кредит на строительство Ямальского трубопровода в «Газпромбанке», причем на маловыгодных условиях. Другая щекотливая тема — проект Балтийского газопровода (...) По мнению экспертов, эта инвестиция носит скорее политический, нежели экономический характер: ее стоимость значительно превысит стоимость прокладки трубопровода вдоль первой нитки Ямальского газопровода». *(«Жечпосполита», 31 дек. — 1 янв.)*

Премьер-министр Дональд Туск: «Мы должны узнать, почему Россия заинтересована в балтийском проекте, который в три раза дороже, чем трубопровод через Польшу». *(«Ньюсуик-Польша», 13 янв.)*

«По новому соглашению, до конца 2010 г. по трубопроводу с Украины в окрестности Грубешова будет ежегодно поступать до 9 млн. кубометров газа. В 2006 г. ПНиГ импортировала по этому трубопроводу около 4 млн. кубометров газа (...) Согласованные поставки с Украины составляют не более 0,1% всего импорта ПНиГ (...) А всего по этому газопроводу можно было бы поставлять до 1 млрд. кубометров газа в год». *(«Газета выборча», 29-30 дек.)*

«Вчера группа «Лотос» сообщила, что зависящая от нее компания «Петробалтик» начала эксплуатацию месторождения B8 на Балтийском море, отдаленного на 68 км от береговой линии на высоте Хельского полуострова». *(«Жечпосполита», 20 дек.)*

«Российский МИД возмущен опубликованным в среду в «Жечпосполитой» интервью с лидером чеченских сепаратистов Ахмедом Закаевым (...) Интересно, почему интервью, напечатанное в независимой газете, должно влиять на межгосударственные отношения? (...) Свобода печати заключается, в частности, в представлении читателю взглядов спорных фигур. Мы охотно



взяли бы интервью у Александра Лукашенко, которому запрещено въезжать в Евросоюз, а также у Фиделя Кастро и Роберта Мугабе. В своем заявлении пресс-секретарь российского МИДа называет Закаева «обвиняемым в терроризме». Этих обвинений не подтвердил британский суд, в беспристрастности которого не сомневается никто в Европе. Закаев получил в Великобритании политическое убежище». ***(Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 14 дек.)***

«Дзержинский был белорусом, а не поляком. Так утверждает белорусский КГБ, который по случаю 90-летия своего существования решил открыть правду о создателе советской госбезопасности (...) Историки КГБ пришли к выводу, что дома создатель ЧК говорил по-польски и по-белорусски (...) Белорусское происхождение Дзержинского подтверждает также тот факт, что распространенный в мире образ кровавого палача не укоренился в Белоруссии». ***(«Газета выборча», 20 дек.)***

«Белорусские актеры, изгнанные из государственных театров, играют в телевизионной постановке пьесы, включенной в лукашенковский «черный список». Спектакль покажет телевидение «Белсат» (...) Телеканал «Белсат», предназначенный для белорусов, был создан в Польше (...) Сейчас он вещает три часа в сутки (с пяти до восьми вечера по польскому времени), в дальнейшем планируется довести время вещания до 18 часов (...) Главная информационная программа называется «Объектив», основные публицистические передачи — это «Форум» (...) (в работе над которым участвует Литовское телевидение) и «Неделя со «Свободой»» (эксперты радио «Свобода» комментируют главные события) (...) В создании передач на белорусском языке участвуют сотрудники ТВП и оппозиционные белорусские журналисты. Первый [белорусский] спектакль Театра телевидения — это трагикомедия Янки Купалы (1882-1942) «Тутошние» (...) Купала был сторонником независимости Белоруссии (...) Он погиб при невыясненных обстоятельствах, скорее всего был убит НКВД (...) Недавно белорусское министерство образования исключило пьесу Купалы из школьной программы». *(Моника Жмиевская, «Газета выборча», 10 дек.)*

Татьяна Косинова, сотрудница «Мемориала»: «Во многих разговорах, в которых я участвовала, всплывала тема «Солидарности». Многие с волнением вспоминают тот период истории Польши (...) «Солидарность» была как глоток свежего воздуха — многие русские смотрели на вас. «В Польше получилось, значит, есть надежда» (...) Важно было также то, что «Солидарность» создали рабочие, а мы жили в уверенности, что социализм и коммунизм мы строим как раз во имя рабочего класса. В России никто не говорил о правах рабочих. Польша показала нам, что рабочие и интеллигенция могут сотрудничать (...) Недавно я увидела российского Валенсу — это был лидер профсоюза шахтеров (...) Меня радует, что в России, в районах, где есть рабочие, возникают такие движения. У них даже то же самое название — «Солидарность»». ***(«Тыгодник повшехный», 6 янв.)***

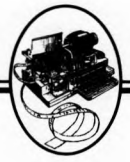
«Вышел второй номер журнала «Тайны мира. Мир удивителен», издаваемого антисемитом Лешеком Бубелем. Тираж 200 тыс. экземпляров, цена — 9,90 зл. Журнал можно приобрести в почтовых отделениях (...) «Мы направили руководству нашей фирмы письмо с требованием прекратить его продажу, — говорит Бартош Канторчик из почтового профсоюза «Рабочая инициатива», один из лидеров недавней забастовки почтальонов. — Почта — это общественно полезное предприятие, она не может заниматься распространением расистской литературы. Я убеждаю своих сослуживцев не разносить этот журнал и не продавать его в отделениях связи»». *(«Газета выборча», 21 дек.)*

«Протест почтальонов, выступивших против распространения Польской почтой антисемитского журнала Лешека Бубеля, возымел действие. «Такие сомнительные издания нам не нужны. Мы изымаем из продажи имеющиеся экземпляры и не будем заказывать новых», — сказал пресс-секретарь почты Радослав Казимерский (...) Казимерский подчеркнул, что почта не будет распространять журнал, в частности, из-за того, что его негативно оценили ее работники». ***(«Газета выборча», 24-26 дек.)***

В мире живет около 200 тыс. амишей, в Польше — только одна семья. «Опыт амишей из деревни Тентива, которых местная общественность безоговорочно приняла, показывает, что при непосредственном контакте с «чужими» социальная дистанция уменьшается. Лучший метод освоения с чуждым — это опыт», — говорит социолог Бартломей Валясек из Высшей школы педагогики перевоспитания. *(«Жечпосполита», 29-30 дек.)*

«Вчера у польских мусульман начались торжества в честь праздника жертвоприношения Курбан-байрам, одного из важнейших в исламе. В Подлесье, где живет больше всего польских мусульман татарского происхождения, праздник проходил, в частности, в старинной мечети в Бохониках (...) Мусульманский религиозный союз Республики Польша насчитывает около 5 тыс. членов». ***(«Дзенник», 21 дек.)***

«Более 200 человек молились на рождественской литургии в церкви св. Марии Магдалины в Праге [правобережный район Варшавы]. Литургию совершил глава польской православной Церкви митрополит



Савва (...) По некоторым оценкам, в Варшаве живет 5 тыс. православных». *(«Жечпосполита», 7 янв.)*

• **«Они поднялись на гидроподъемнике и зажгли девять ламп на меноре, огромном подсвечнике, установленном на площади Парадов. Вчера Хануку, один из главных и самых веселых еврейских праздников, праздновали президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, посол Израиля Давид Пелег и вице-премьер Вальдемар Павляк (...) Варшава была одним из 11 тыс. городов в мире, где зажегся «свет свободы»». *(«Газета выборча», 10 дек.)***

▌«Семеро поляков удостоились вчера одного из самых почетных званий — «Праведник среди народов мира». Звание это присваивается людям, помогавшим евреям во время II Мировой войны (...) На этот раз его получила Любомира Карвовская, а также (посмертно) ее родители Мирослава и Зигмунт Уггла, муж Хьялмар, граф Ян Гуттаковский и его жена Анна. Они спасли жизнь пятидесяти с лишним людям. «Все они герои — не только Израиля, но и Польши», — сказал посол Израиля в Польше Давид Пелег (...) С инициативой присвоить им почетное звание выступил один из спасенных, Касс Леварт (Казимеж Левартович)». *(«Дзенник», 17 дек.)*

▌**«Медаль им. Флоренс Найтингейл — высшая награда, какой может удостоиться медсестра. В этом году медали вручены двум медсестрам из Варшавы (...) Уже почти сто лет подряд (...) медаль присуждает Международный комитет Красного Креста (...) Камила Лукашевич организовала медпункт во время Варшавского восстания (...) После войны она работала по специальности и занималась подготовкой медсестер (...) Вторая лауреатка, Анна Гинальская, написала несколько пособий по уходу за больными. Она обучала своей профессии в Лаосе и Нигерии (...) Медаль была учреждена в честь Флоренс Найтингейл, которая во время Крымской войны организовала уход за ранеными британскими солдатами». *(«Жечпосполита», 10 дек.)***

▌«В настоящее время в разных уголках мира служат 3,5 тыс. польских солдат. В конце октября 900 из них вернутся из Ирака, но зато другие подразделения попадут в такие места, по сравнению с которыми Ирак может показаться спокойным оазисом (...) Иракская миссия стоила жизни 26 полякам (...) В конце апреля — начале мая мы пошлем в Афганистан еще 400 солдат (сейчас их там 1200, один погиб). В конце февраля — начале марта 350 поляков должны начать службу в Чаде в рамках миссии Евросоюза (...) Опасности могут подвергнуться и поляки, служащие в Косове, — 300 военнослужащих и полицейских». *(«Жечпосполита», 2 янв.)*

▌**«Вчера премьер-министр Дональд Туск нанес визит польским военным в Ираке (...) «В 2008 г. мы завершаем нашу миссию в глубоком убеждении, что польские солдаты с лихвой выполнили свой долг, сделали это очень хорошо, совершили больше, чем кто-либо мог ожидать, когда мы ее начинали», — сказал премьер-министр». *(«Газета выборча», 20 дек.)***

▌«В прошлом году из армии уволилось 5 тыс. профессиональных военных (...) Сейчас в армии уже около 12,5 тыс. вакансий. Людей не хватает практически во всех родах войск, на разных должностях (...) Уходят профессионалы, окончившие военные училища, которые без труда находят себе работу на гражданке». *(«Жечпосполита», 11 янв.)*

▌**Две золотых и три серебряных медали завоевали наши школьники на I Международной олимпиаде по астрономии и астрофизике, проходившей с 30 ноября по 9 декабря в таиландском городе Чанг-Май. Среди 87 школьников из 21 государства было пять представителей Польши. («Дзенник», 11 дек.)**

▌«Международное обследование PIRLS-2006 («Progress in International Reading Literacy Study») — это самый репрезентативный в мире анализ качества чтения у учащихся начальных школ. В исследовании, проведенном специалистами Бостонского колледжа, участвовало 215 тыс. выпускников четвертых классов из 45 стран. Лучшими оказались россияне (...) Польша впервые приняла участие в обследовании. 29-е место — это предупреждение нашим школам. Другие европейские страны опередили нас». *(«Жечпосполита», 11 дек.)*

▌**«Начиная с 1991 г. польский книжный рынок вырос в десять раз. В прошлом году доходы издательств побили все рекорды, было издано почти 13 тыс. новых наименований (...) Разумеется, бóльшая часть рекордных доходов (2490 млн. злотых) пришлась на профессиональные издания (по праву, бизнесу и информатике), словари, энциклопедии и учебники». *(«Газета выборча», 8 янв.)***

▌Дариуш Л. Шляхетко: «Я описал около тысячи новых видов и 80-100 новых родов орхидей. Я принадлежу к первой десятке орхидологов мира. Большинству моих коллег уже по 80 лет, а мне только 46. Может, я их еще перегоню? (...) В Польше растет всего 50 видов орхидей. Столько же можно без труда найти на одном дереве в Эквадоре. В Андах растет четверть всех видов орхидей. Я был во Французской Гвиане, Перу и Эквадоре. Больше всего видов растет в Эквадоре. К сожалению, окружающая среда в этой стране уничтожается в устрашающем темпе. За последние 40 лет площадь лесов уменьшилась там на

одну пятую (...) Вырубка и выжигание леса — это катаклизм экосистем, формировавшихся миллионы лет». *(«Газета выборча», 19 дек.)*

Новогодние пожелания Адама Вайрака: «Дорогие читатели! Поскольку это первый фельетон в 2008 году, я желаю вам всего самого лучшего (...) Желаю вам, чтобы политики наконец поняли, что болота Роспуды нельзя уничтожить, а объездную дорогу вокруг Августова надо проложить в другом месте; что нельзя продолжать вырубку Беловежской пущи и в конце концов ее нужно будет превратить в национальный парк; что Татры не могут быть вытоптаны и туристическое движение в них надо ограничивать, а не увеличивать. Желаю вам, чтобы закончилось никому не нужное уничтожение придорожных деревьев на Мазурах и в западной Польше — ведь именно придорожные аллеи придают этим регионам неповторимый характер; чтобы те, кто несет за это ответственность, наконец отказались от работ и планов по выпрямлению крупных и мелких рек — регуляция и плотины ничуть не помогут защититься от наводнений». *(«Газета выборча», 2 янв.)*

«Защитники животных борются за сохранение минимальных условий перевозки и продажи рыб (...) «Каждый год мы документировали условия продажи и посылали данные в прокуратуру, чтобы она возбудила дело об издевательстве над животными. Безрезультатно», — рассказывает Дарек Гзыра из общества «Эмпатия» (...) Прокуроры ссылаются на отсутствие предписаний о том, как должны выглядеть разведение рыб и торговля ими. «Мы обратились к министру сельского хозяйства с просьбой выдать такие предписания. Он обязан сделать это согласно директиве Евросоюза 98/58/WE, — говорит Яцек Божек из клуба «Гайя», — (...) У нас есть правовая экспертиза, свидетельствующая, что если Польша не зачислит рыб в категорию сельскохозяйственных животных, то нарушит законодательство Евросоюза. Чтобы добиться этого от правительства, мы готовы воспользоваться тем же методом, что и в случае долины Роспуды, — подать жалобу на нарушение законодательства ЕС в Еврокомиссию»». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 19 дек.)*

«Двое мужчин утонули в Кортовском озере в Ольштыне, пытаясь спасти тонущую собаку, которая провалилась под лед». *(«Газета выборча», 31 дек. — 1 янв.)*

Ванда Дейнарович, сотрудница варшавского приюта для бездомных животных «На Палюху»: «В Новый год к нам привозят на 30-40% больше животных, чем обычно. Поэтому в первые дни нового года мы не отдаем животных всем желающим, а лишь возвращаем потерявшихся». *(«Жечпосполита», 31 дек. — 1 янв.)*

«20 тыс. варшавян, встречавших Новый год на площади Парадов, — это очень хороший знак. В 2004 г. их было только 12 тысяч, годом раньше — 5 тысяч (...) Последние два года (2005-2006) никаких мероприятий на площади вообще не проводилось». *(«Дзенник», 2 янв.)*

«Взрыв популяции лис в Варшаве (...) В общей сложности в городе постоянно живет 600-700 лис. Это в шесть раз больше, чем в 70-е годы». *(«Дзенник», 10 янв.)*

Французский публицист, экономист и политолог Ги Сорман: «По данным Всемирного банка, в 2007 г. общее число жителей городов впервые за всю историю человечества превысило число людей, живущих в деревне (...) В 2007 г. природа проиграла... однако имя победителя все еще неизвестно». *(«Дзенник», 27 дек.)*

Николай Бугай

УМЕТЬ ЖИТЬ РЯДОМ...

Это основная установка и вывод, прозвучавшие на состоявшейся в Москве, в польском посольстве, презентации IV тома сборника документов под лаконичным названием «Катынь»*. Документы сборника соединили в себе три эпохи: период кануна Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., послевоенное развитие событий, современное состояние отношений между Россией и Польшей.

Представленный том — заключительная часть совместной польско-российской публикации «Катынь. Документы преступления», связанной с одним из самых драматических сюжетов в истории польско-российских отношений XX века.

Первые три тома были опубликованы в 1995, 1998 и 2002 годах. Настоящий том охватывает свидетельства источников, созданных в период с апреля 1943-го по март 2005 года. Сюда вошли, в частности, сообщение берлинского радио от 13 апреля 1943 г. об обнаружении в катынском лесу под Смоленском могил польских военнопленных, документы, представляющие события на международной арене после информации о преступлении, дипломатическая переписка Великобритании, США и СССР в период кризиса в польско-советских отношениях и после их разрыва. Ряд документов касается комиссии Н.Н.Бурденко (1944), а также правительственной комиссии, создававшейся для руководства советской делегацией на Нюрнбергском процессе (1946).

Среди представленных документов есть также датированная 1959 годом записка возглавлявшего КГБ СССР Н.А.Шелепина Н.С.Хрущеву с предложением уничтожить учетные акты расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных и предназначавшийся членам Политбюро КПСС мартовский циркуляр (1976) относительно совместной польско-советской пропаганды по «катынскому вопросу». Новую главу в катынской истории открывает записка секретаря ЦК КПСС В.М.Фалина от апреля 1990 г. о порядке передачи польской стороне документов преступления. Отдельный раздел в IV томе посвящен открытию польских военных кладбищ 22 марта 2005 г., в 65-ю годовщину катынского преступления.

Сборник подготовлен при участии государственных управлений архивов двух стран, ученых Польши и России (Институт всеобщей истории Российской Академии наук).

По своему содержанию и направленности презентация трансформировалась в заседание «круглого стола» с выступлениями ведущих ученых, представителей общественности, сотрудников посольства.

Заседание «круглого стола» проходило под руководством директора Центра польской культуры в России, советника посольства Хиеронима Грали и приняло оживленный дискуссионный характер.

В работе «круглого стола» приняли участие представители МИД России, Минрегиона России, Государственного управления архивов при президенте РФ, ученые институтов РАН (Института всеобщей истории, Института российской истории и др.), сотрудники польского посольства, польских институтов, польских общественных организаций в Москве.

Судя по всему, презентацией IV тома, изданного по-польски и по-русски, в публикации на русском языке основополагающих документов по этой проблеме поставлена многозначительная точка. Эта продолжавшаяся годами незавершенность, недосказанность в отношениях между двумя государствами потребовала, по определению профессора В.Матерского, «огромного шмата времени» — длиною в 14 лет. Ученые-историки после долгих поисков представили последний том документов, которые

* Катынь. Документы преступления. Том IV: Эхо Катыни / Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom IV: Echa Katynia. /Издательство Главной дирекции государственных архивов / Wydawnictwo Naczelnej Dyrekcji Archiwów Państwowych, 2007/. Официальная польская презентация издания состоялась в варшавском Главном архиве древних актов 12 апреля 2007.

начали издаваться еще в середине 1990-х. Можно сказать, что это своеобразное покаяние, связанное с судьбами польского офицерства накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, покаяние во имя будущего, во имя улучшения отношений двух соседних государств.

За изданными томами стоит огромная кропотливая работа коллектива ученых, направленная на формирование совершенно новых отношений между государствами, на взаимопонимание, на решение такой важной актуальной задачи, как воспитание культуры межнационального общения в каждом из государств.

А по данным руководителя следственной группы Военной прокуратуры России Третицкого, это еще и огромные усилия специалистов прокуратуры, криминалистов, следователей, судебных и медицинских экспертов, это их продолжительная работа в Харькове, Смоленске, это бесконечные поиски в архивах. Представители названных структур были и с польской стороны — Здислав Комаровский и другие. Именно Здислав Комаровский смог найти в ходе исследований прах своего отца, польского офицера.

Безусловно, такую проблему необходимо глубоко осмыслить, пережить, сделать все необходимое и зависящее от нас, чтобы она никогда не возникала вновь. Вряд ли можно в связи с этим не поддержать выступавшего на заседании «круглого стола» представителя польского посольства Марека Голковского, выразившего полное согласие с решением проблемы в научном и социальным плане. Весьма уместным стало и его предложение «передать» проблему историкам, аналитикам, они и «доскажут недосказанное». Главное, чтобы в отношениях между двумя государствами не было недоразумений. История как наука расставляет все по своим местам, в том числе и в спорных проблемах.

Профессор А.О.Чубарьян, поделившись воспоминаниями о возникновении самой идеи создания этого труда, раскрыл и сложный путь прохождения ее через все — еще действовавшие в конце 1980-х — идеологические структуры государственной власти в СССР. Было сделано заключение, что выход в свет очередного тома документов — это событие огромной исторической важности, имеющее непреложное значение в идеологическом плане для России и Польши, но «больше все-таки для России».

А.О.Чубарьян рассмотрел и роль существовавшей некогда Комиссии историков СССР и Польши (т.н. комиссия по «белым пятнам» истории России и Польши), внесшей ощутимый вклад в развитие исторической науки в СССР и Польше. Были отмечены такие ученые, как академик А.А.Гейштор, Н.С.Лебедева, С.Модайчик и другие. Несомненно, рассматриваемая тема вызывала и вызывает живой интерес. К ней, конечно же, обратятся и на предстоящей международной научной конференции «Польша и Россия в Европе», которую предполагается провести в Париже.

Мысли А.О.Чубарьяна получили развитие в выступлении профессора Р.Г.Пихои, раскрывшего роль бывшего президента Бориса Ельцина, который ратовал за справедливое освещение событий, связанных с расстрелом тысяч польских офицеров. При этом Р.Г.Пихоя остановился на характеристике одной из непременных составляющих этого процесса — наличия политической воли в государстве.

Прозвучали мнения польских ученых. Профессор В.Матерский уверен в своих выводах: научный труд удался, работа проделана не зря. С этой точкой зрения согласился и глава Архивного управления при президенте Российской Федерации доктор исторических наук В.П.Козлов. Он уделил особое внимание анализу роли и места архивов «на постсоветском и постпольском пространстве».

Реализация рассматривавшегося проекта — это, по мнению В.П.Козлова, свидетельство реальных демократических преобразований в российском государстве. Решалась и такая важная задача, как работа с общественностью по этой сложной проблеме исторической науки. Создана база данных о местах хранения документов по истории Польши в РФ. Для дальнейшего развития отношений между государствами, да и решения многих проблем межнациональных отношений в Российской Федерации с учетом польской компоненты*, оставалось важным переведение проблемы из политической плоскости в историческую, научную. По мнению В.П. Козлова, ученые-архивисты (России, Польши, Германии) справились с этой сложной задачей. В процессе взаимодействия было устранено и имевшее место определенное недоверие.

* Координацией взаимоотношений органов исполнительной и законодательной власти с институтами гражданского общества, в том числе и с польскими общественными объединениями, занимается департамент межнациональных отношений министерства регионального развития РФ.

За полтора десятка лет удалось накопить богатый опыт совместной работы, подготовить многие другие издания по истории отношений Польши и России на разных временных срезах.

Несомненно, для ученых остается актуальным и определение новых направлений сотрудничества. В связи с этим необходимы новые научные проекты, которые потребуют нового подхода к раскрытию малоизученных вопросов истории отношений Польши и России.

Конечно, среди выступлений, прозвучавших на заседании «круглого стола», особенно важны были мнения составителей труда, которые сообщили о трудностях в работе над изданием, в выявлении многих деталей. Эта сторона работы была раскрыта в выступлении профессора Н.С.Лебедевой и представителя общественной организации «Мемориал» Александра Гурьянова, выдвинувшего предложение более широко представить издание не только в Москве, но и в других субъектах Российской Федерации с компактным проживанием поляков, где эта проблема долгое время оставалась на слуху, где ощущается необходимость — с учетом человеческого фактора (еще живы родственники расстрелянных польских офицеров) — новых толкований случившегося. Ценные предложения высказала также Э.О.Россовская-Якубчик и др.

Вывод однозначный: сделан важный исторический шаг. Ничто не должно омрачать отношений двух славянских государств. Российские поляки солидарны с подобной установкой. На ее проведение в жизнь направлены усилия польских институтов гражданского общества в Российской Федерации — ФПНКА «Конгресс поляков в России», региональных и местных национально-культурных автономий. 30 ноября 2007 г. эта установка получила свое развитие на презентации новой книги «Дорога на Восток. Документальная хроника из жизни депортированных поляков в Оренбургской области (1937-1955 гг.)». Оренбург-Москва, 2007, составители профессор Н.Ф.Бугай, юрист 1-го класса Ф.А.Ишбулатов, председатель Оренбургского областного культурно-просветительского центра «Червонэ маки» В.Я.Селивановская (книга издана при непосредственной поддержке варшавского фонда «Помощь полякам на Востоке»). Эти же аспекты были в центре обсуждения и на состоявшемся 1 декабря 2007 г. в Москве IV съезде ФПНКА «Конгресс поляков в России».

Евгений Кринко
Татьяна Хлынина

РЕАБИЛИТАЦИЯ «НАКАЗАННЫХ НАРОДОВ»

Историю массовых политических репрессий и последующей реабилитации российских граждан с большим трудом можно было бы отнести к разряду «недостаточно изученных сюжетов отечественной историографии». За последние двадцать лет благодаря усилиям исследователей и ряда общественных организаций достоянием гласности стали «реабилитационные» документы законодательных и исполнительных органов власти, судьбы отдельных граждан и целых «наказанных народов». Тем не менее неоднозначность восприятия данных событий, отягченных болевым синдромом исторической памяти и до сих пор сказывающихся на практике повседневного взаимодействия отдельных народов, позволяет рассматривать их в качестве «горячих точек» современных исторических исследований. Актуализирует дальнейшее изучение данной темы и необходимость выработки оптимальной модели взаимоотношений между различными этническими общностями в самой России, а также ее отношений с другими странами, проявляющими интерес к судьбе своих соотечественников.

Именно поэтому появление новой книги известного специалиста по истории советской национальной политики Н.Ф.Бугая представляется своевременным ответом исторической науки на вызовы нашего недавнего и все еще не пережитого прошлого. С глубоким знанием дела написал ее человек, не только внесший немалый вклад в изучение рассматриваемой проблемы, но и в течение почти полутора десятилетий непосредственно участвовавший в работе государственных органов власти по принятию и реализации реабилитационных мер. Автору удалось показать, как с постепенным изменением политической обстановки и идеологического климата складывались условия для реабилитации, раскрыть ее содержание, дать оценку действий органов власти Российской Федерации и правительств бывших союзных республик, ставших впоследствии самостоятельными государствами.

Несомненное достоинство книги — ее широкая источниковая база, сочетающая в себе как опубликованные, так и неопубликованные документы. Среди них материалы партийных съездов и пленумов, постановления и распоряжения Верховного Совета СССР, совета министров СССР, совета министров РСФСР, указы президента России, постановления и распоряжения правительства Российской Федерации, материалы парламентских слушаний, международных организаций. В научный оборот впервые вводятся многочисленные отчеты, справки, материалы совещаний специалистов министерств и ведомств по вопросам реабилитации репрессированных граждан, администраций субъектов Российской Федерации и другие документы, многие из которых не только не доступны, но и неизвестны широкому кругу исследователей.

Во введении Н.Ф.Бугай предлагает читателю разобраться в том, что представляет собой сущность и значение реабилитации, рассматривая ее как наследие тоталитарного режима и одновременно как свидетельство «провала и неэффективности административно-командных, тоталитарно-идеологических методов руководства обществом, процесса социальных трансформаций». Он отмечает, что с течением времени эволюционировали не только сама реабилитация как процесс восстановления в правах репрессированных граждан, но и значение данного понятия, приобретая наряду с политическим компонентом духовно-культурные, социальные, территориальные и другие аспекты.

В работе анализируется сложившаяся историография проблем депортации и реабилитации, значительную часть которой составляют исследования и публикации документов, подготовленные самим Н.Ф.Бугаем или при его участии. Автор выделяет не только положительные результаты, но и такие негативные тенденции в освещении проблемы, как попытки поиска «антиреабилитационных сил», стремление «выстроить цепь доказательств степени «наказанности» того или иного народа, а отсюда и дележа реабилитации по формуле: «этих — надо, этих — нет»».

Основная часть монографии состоит из четырех глав, в первой из которых раскрывается депортация репрессированных граждан СССР в 1920-1950 годах. Н.Ф.Бугай отмечает, что первыми репрессиям подверглись казаки, затем поляки и немцы на Украине. Следует особо подчеркнуть, что проблемы, связанные с принудительным переселением польских граждан, в таком ракурсе в отечественной историографии рассматриваются впервые. Отнеся их к разряду превентивных переселений, автор указывает, что «уже в середине 1930-х годов И.Сталин рассматривал поляков, проживавших на западных окраинах СССР, как «неблагонадежный элемент»». В ситуации надвигавшейся угрозы войны с Германией в 1930 г. из Белоруссии и Украины было депортировано 15 тыс. семей кулаков «польской национальности». В 1936 г. из пограничной зоны западной границы в Карагандинскую область вместе с немцами были переселены и более 35 тыс. поляков; в разгар борьбы со «шпионско-диверсионными и повстанческими группами» 1937-1938 гг. поляки оказались в составе 675 семей, переселяемых в Алтайский край. Репрессиям подверглись и «осадники» — бывшие военнослужащие польской армии, и беженцы, спасавшиеся от фашистской оккупации, и «социально чуждый советской власти контингент», представленный бывшими помещиками, фабрикантами и торговцами. Их судьба, как и судьба многих других репрессированных народов СССР, оказалась печальной.

Пик депортаций народов пришелся на время Великой Отечественной войны, когда принудительному выселению подлежали представители 61 национальности. Но и после войны переселения были продолжены с территории Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, Молдавии и других областей. Следует согласиться с выводом автора о том, что «нельзя оправдать примененные ко многим народам репрессивные насильственные меры. Ведь суровому наказанию подвергались не только виновные, но и народы в целом».

Вторая, сравнительно небольшая по объему глава раскрывает осуществление реабилитации граждан в 1940-1970-е гг. В ней рассматривается выработка законодательной базы, осуществление мер по реабилитации репрессированных граждан в социально-экономической и культурной сфере. Автор отмечает, что уже в начале 1940-х становилась очевидной непродуманность ряда мер по отношению к «отдельным этническим общностям, наказанным группам граждан разных национальностей», причиной чему нередко оказывались соображения политического характера. На примере «облегчения положения граждан польской национальности» он подробно анализирует все тяготы и издержки их «уже третьего перемещения из северных в южные районы страны», где «особенно никто не ждал польских переселенцев»; раскрывает сложности работы советско-польской комиссии по эвакуации. Н.Ф.Бугай показывает, что снятие ограничений с репрессированных граждан различных национальностей в этот период было половинчатой мерой. К сожалению, в книге не содержится четкого ответа на вопрос о том, почему во второй половине 1950-х была восстановлена государственность одних народов и не восстановлена —других (немцев, крымских татар).

Наиболее удачной представляется следующая, самая большая глава, посвященная реабилитации репрессированных граждан в 1980-е — 2000-е годы. Подчеркивая, что она оказалась возможна только на основе соответствующей нормативно-правовой базы, Н.Ф.Бугай анализирует принятие законодательных актов о реабилитации граждан России и соответствующих документов в субъектах федерации. Он показывает создание структур, призванных регулировать вопросы межэтнических отношений: Государственного комитета СССР по национальным вопросам, Государственного комитета по делам национальностей РСФСР, министерства по делам национальностей России, деятельность их соответствующих подразделений, занимавшихся проблемами репрессированных народов.

Уделив немало внимания социальной реабилитации, автор раскрыл конкретные действия, направленные на возмещение ущерба гражданам, меры по культурному возрождению отдельных народов — балкарцев, греков, ингушей, калмыков, карачаевцев, корейцев, курдов, крымских татар, немцев, поляков, турок-месхетинцев, финнов, чеченцев, а также казачества. Показан механизм осуществления национально-культурной реабилитации на региональном уровне. Значительное внимание уделено и работе национальных общественно-культурных объединений. Так, результатами деятельности общественных объединений поляков Оренбургской, Новосибирской областей и Краснодарского края стало проведение дней польской культуры, создание специальных классов и школ по изучению польского языка, организация отдыха в Польше детей из семей репрессированных российских поляков.

Анализ практики реализации закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. позволил Н.Ф.Бугаю сделать обоснованный вывод о том, что решить все проблемы на его основе не удается. Прежде всего это касается вопросов территориальной реабилитации. Наиболее остро попытки ее осуществления выразились в осетино-ингушском конфликте, принявшем форму открытого вооруженного противостояния, однако свои территориальные претензии выдвигали и представители других пострадавших народов. Все это позволило автору констатировать, что «провозглашенные лозунги территориальной реабилитации, кроме вреда, ничего не принесли».

Вызывает интерес и завершающая глава, посвященная международным аспектам реабилитации граждан. Н.Ф.Бугай анализирует в ней политику реабилитации в странах СНГ: Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, Туркменистане, Узбекистане, Украине. Зарубежный опыт проведения реабилитации рассматривается также на материалах Германии, Греции, Польши, Южной Кореи, стран Прибалтики, Финляндии. Интерес к осуществляемым в этих странах мероприятиям не случаен, так как по российским законам реабилитации подлежат только лица, репрессии к которым применялись на территории России. Поэтому только совместными усилиями можно обеспечить комплексное восстановление прав репрессированных граждан, получение ими соответствующей компенсации.

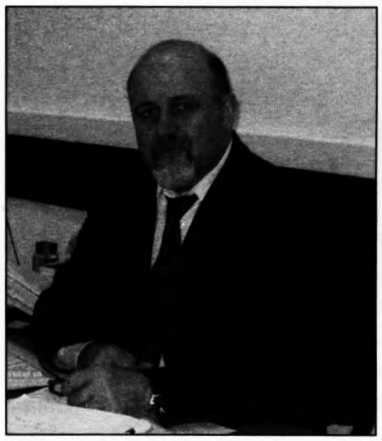
Самостоятельную ценность имеют приложения к монографии, в которых приводятся документы по реабилитации народов на примере российских немцев. Политика в отношении советских немцев рассматривается как своеобразная модель других принудительных массовых переселений и последующей реабилитации.

Отдавая должное работе, проделанной автором по подготовке монографии, и высоко оценивая ее в целом, необходимо отметить и ряд присущих ей недостатков. Само название работы подразумевает характеристику реабилитации в отношении всех граждан, подвергавшихся репрессиям в годы советской власти, а в книге главное внимание уделено репрессированным народам, лишь несколько страниц посвящено реабилитации других жертв политических репрессий. Не совсем ясно и то, что означает заявленный жанр исследования: «книга-мониторинг».

Как и другие работы Н.Ф.Бугая, рецензируемая монография опирается на широкую фактологическую основу. При этом автор порой чересчур увлекается описательной стороной вопроса в ущерб его аналитической составляющей. Выполненная преимущественно на новых архивных материалах, а также с использованием новых исследовательских подходов, в терминологическом отношении работа нередко отдает дань историографии предыдущих лет. Так, на с.57 сообщается о победе Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 г., на с.80 говорится о «засилье клерикализма» в Чечено-Ингушской АССР. Необходимо отметить и отдельные неточности: в работе упоминается о ликвидации Карачаево-Черкесской автономной области (правильно — Карачаевской автономной области), существовании Адыгейской Республики (правильно — Республики Адыгея). Наконец, необходимо отметить ряд нарушений современных правил библиографического описания используемой литературы, а также наличие в тексте грамматических ошибок.

Впрочем, несмотря на отмеченные и легко устраняемые недочеты, новое монографическое исследование Н.Ф.Бугая остается несомненным вкладом в изучение проблем реабилитации российских граждан и будет полезно не только профессиональным исследователям, специалистам в области государственного управления, но и широкому кругу читателей.

Н.Ф.Бугай. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века): Книга-мониторинг. М.: ЗАО «МСНК-Пресс», 2006. 464 с. Тир. 1000 экз.



Николай Бугай (1941 г.р.) — историк, доктор исторических наук, профессор. В 1993–2001 — руководитель департаментов по делам депортированных и репрессированных народов, по делам Северного Кавказа, русского народа, по делам национальностей в министерстве по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации. С 2004 — ведущий специалист Института российской истории РАН. Основные труды: И. Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать ...». М., 1992; Операция «Улусы». Элиста, 1991; «По сведениям НКВД были переселены...». Киев, 1992; Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994 (в соавторстве); Советские курды: время перемен. М.,1993 (в соавторстве); Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994 (сост.); Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944 –1994. М., 1994; Л. Берия — И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1996 (на англ. яз.); Очерки истории Тамани. М., 1996 (в соавторстве); «Переселить все корейское население... В.Молотов. И.Сталин». Сеул, 1996 (на корейск. яз.); Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (в соавторстве). Ростов-на-Дону, 1997 (сост.); «Обязать НКВД... выселить греков». М., 1998 (в соавторстве); «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин». М., 1998 (сост.); Кавказ: народы в эшелонах. 20-60-е годы. М., 1998 (в соавторстве); Реабилитация народов России. М., 2000 (сост.); Казаки России. Историко-правовой аспект. Документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. Нальчик, 1999 (сост.); Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР. (1940-1950-е годы). Документы, факты, комментарии. М., 2001 (сост.); Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002; Депортация народов Крыма. М., 2002; Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940-е — 1950-е годы) Документированная история. Штуттгарт, 2005; Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2005 (в соавторстве); Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., «Наука», 2006; Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века. М., ЗАО «МСНК»—Пресс, 2006; Дорога на Восток. Документальная хроника из жизни депортированных поляков в Оренбургской области (1937-1955 гг.). Москва—Оренбург, 2006 (автор и составитель); Корейцы стран СНГ: общественно-географический синтез (начало XXI века). М., 2007, и др. Опубликовал также в различных российских и зарубежных изданиях более 300 научных статей, докладов. Печатался у Ежи Гедройца в журнале «Зешиты хисторичне» (1994).

Здислав Романовский

ИЗ ВСЕХ ПОЛЯКОВ МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ ОДИН...[1]

Мицкевич в рисунках Пушкина

19 марта 1828 г. Елена Шимановская записала в своем дневнике: «Перед полуднем г-н Малевский, кн. Вяземский и г-н Пушкин — пришли к нам. Г-н Пушкин принес альбом, в котором сделал запись. Мы поехали вместе с этими господами на Васильевский остров, где живет художник Ванькович. Посмотрели портреты Мицкевича и Пушкина, которые он сделал для Варшавы на выставку. Оба очень похожи»[2].

А два месяца спустя Пушкин, прежде чем записать на листе бумаги черновик второй части стихотворения «Воспоминание», набросал на ней легким движением пера профиль Мицкевича. Профиль появился раньше, чем текст, о чем свидетельствуют слова, несколько раз заходящие на рисунок.

Любой, кто занимается жизнью и творчеством Мицкевича, знает, что «Воспоминание» — единственное стихотворение Пушкина, которое он перевел. Известно также, что это стихотворение, выражающее муки и терзания Пушкина, на вид в то время беззаботного и легкомысленного, возникло за день до встречи двух поэтов. Но то, что в черновике «Воспоминания» обнаружен профиль Мицкевича, свидетельствующий, что мысль о польском поэте была у истоков творческого импульса, может бросить новый свет как на «мрачное и загадочное лирическое стихотворение» (Виктор Ворошильский), так и на отношения обоих поэтов.

Над рукописями Пушкина работали сотни ученых, каждое находящееся в них предложение, каждый вариант текста, каждое буквенное сокращение — всё было подвергнуто проницательному анализу, а фрагменты, зашифрованные поэтом из опасения перлюстрации, — расшифрованы. Зато и по сей день не до конца проведена работа над рисунками, сопровождающими пушкинские черновики. Свыше 900 пушкинских страниц содержат графику, в том числе несколько сот портретов. Поначалу считали, что бесчисленные профили, иногда прямо громоздящиеся на полях пушкинских рукописей, — это пробы пера, плоды фантазии, с конкретными людьми их не связывали. Но когда стало ясно, что это портреты людей из пушкинского окружения или же исторических личностей, известных ему по разным изображениям, тогда начался процесс определения.

Лариса Керцелли в статье, написанной в 1980-е годы для польского читателя, перечисляла портретные изображения на пушкинских рисунках: Жуковский и Вяземский, Рылеев и Дельвиг, Грибоедов и Гоголь, Чаадаев и Батюшков... — и неслучайно рядом с видными представителями русской литературы назвала Адама Мицкевича. Польский поэт был, как мы теперь знаем, одним из тех, кого Пушкин рисовал не раз. До сих пор среди внушительного собрания портретов и набросков, оставленных Пушкиным, обнаружены пять изображений Мицкевича[3]. Эти профили, каждый — сразу подчеркну — отличающийся от других, и обстоятельства их возникновения, конечно, больше говорят нам об их создателе, о его отношении к польскому поэту, чем о самом Адаме Мицкевиче. Тем не менее они должны составлять часть наших знаний о пребывании Мицкевича в России, представляя иногда не столько в новом свете, сколько с новыми оттенками факты, известные из трудов историков литературы.

I

Мы не знаем точной даты первой встречи Пушкина и Мицкевича. Мы знаем, что она произошла в 1826 г. в Москве, вскоре после того, как Пушкина привезли из Михайловского на беседу с Николаем I, когда царь, с виду великодушный, помиловал поэта. До того момента статус русского и польского поэтов был одинаковый: оба были ссыльными, только у Пушкина местом ссылки было его родовое

имение в Псковской губернии, а у Мицкевича — столица России. Точно известно, что Мицкевич и Пушкин встретились 24 октября 1826 г. на обеде по случаю основания журнала «Московский вестник». Между ними сразу же установились добрые отношения. В мартовском (1827 г.) письме к Антонию Одынцу, находившемуся в Варшаве, Мицкевич сообщает ему, что Пушкин — «сильнейшая опора» «Московского вестника» и обещает: «Когда-нибудь напишу о нем подробнее; теперь лишь добавлю, что знаком с ним и мы часто видимся. Пушкин почти одного со мной возраста (двумя месяцами младше), в разговоре очень остроумен и увлечен; много читал и хорошо знает современную литературу, о поэзии имеет чистое и возвышенное понятие. Теперь он написал трагедию «Борис Годунов»; я знаю несколько сцен ее, в историческом роде, хорошо продуманы, и детали прекрасны».

В Москве оба поэта встречались неоднократно. Однако самые интенсивные их контакты пришлись на третье пребывание Мицкевича в Петербурге. Его первое пребывание здесь, начинавшее ссылку в Россию, было ознаменовано встречами с будущими декабристами — Кондратием Рылеевым и Александром Бестужевым. Второе, с декабря 1827 до конца января 1828 г., когда он приехал в столицу, сопровождая своего начальника князя Голицына, — это период прохождения через цензуру и корректуры «Конрада Валленрода», а также неудачных хлопот об издании литературного журнала «Ирис». И — неустанного поклонения ему многочисленной польской колонии, всё новых знаков интереса русской культурной элиты к польскому поэту. С Пушкиным в этот приезд он встретился 8 января 1828 г. на многолюдном обеде у Булгарина.

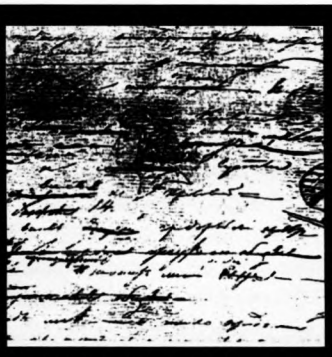
Третий период наступил, когда Мицкевич, как он это называл, осел в Петербурге, ожидая выезда за границу. Он прибыл туда 22 апреля; мы знаем ряд дат и подробностей его встреч с Пушкиным. 30 апреля Мицкевич провел у Пушкина вечер и ночь в обществе, в частности, Жуковского, Вяземского и Крылова и импровизировал прозой по-французски на заданную ему тему: «приплытие Черным морем к одесскому берегу тела Константинопольского православного патриарха, убитого турецкой чернью» (Вяземский). 11 мая — обед с устрицами у Перовского, где Мицкевич прислушивался к шутливому обмену мнениями о «Борисе Годунове» между Пушкиным и Крыловым, сторонником классической драматургии, известным своим остроумием. 16 мая Пушкин читал «Бориса Годунова» в известном литературном салоне графа де Лаваль. Кроме Мицкевича, здесь были, в частности, Вяземский и Грибоедов. Третьесортный петербургский литератор Борис Федоров записал в своем дневнике, что Пушкин, желая ознакомить Мицкевича с русской народной поэзией, собирается отвезти его в деревню к поэту-самоучке Федору Слепушкину, автору буколических стихотворений. 16 июня Мицкевич дал у себя на квартире званый обед, где, кроме Марии Шимановской с дочерьми, Олешкевича и Вяземского, был и Пушкин. Тогда Пушкин слышал, как Мицкевич импровизирует по-польски, притом стихами. Напомню, что 7 января этого года Пушкин написал официальную записку о Мицкевиче, которую традиционно считают направленной на то, чтобы Мицкевичу разрешили ненадолго вернуться в Литву («в Польшу»), а в феврале-марте перевел начало «Конрада Валленрода»: «Сто лет минуло, как Тевтон...»

Следовательно, не должно удивлять, что 19 мая в черновике стихотворения «Воспоминание» появляется профиль польского поэта. Этот портрет мне удалось опознать в Москве осенью 1980 г.[4], когда я увидел репродукцию черновика стихотворения и известную литографию Ваньковича. Нет никакого сомнения, что хронологически первый из пушкинских профилей Мицкевича[5] воссоздает рисунок Ваньковича, поэтому его можно считать наименее оригинальным. Пушкин заканчивал «Воспоминание» 19 мая в пору петербургских белых ночей, зная, что завтра встретится с Мицкевичем и Вяземским в имении Олениных Приютино. Вяземский писал 21 мая жене: «Там [нашли] мы и Пушкина с своими любовными гримасами (речь идет об Анне Олениной. — *З.Р.*). Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видел подобного множества. (...) Mickiewicz говорил, que c'est une journée sanglante [что это кровавый день]. Пушкин был весь в прыщах и осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко».

Об истинном настроении Пушкина свидетельствуют обе части «Воспоминания». В первой он производил расчет с самим собой, поэтому мог ее напечатать. Вторую, заранее предназначенную оставаться в черновиках, он посвятил полемике с общественным мнением, в том числе и с людьми,

Типичный фрагмент черновика Пушкина с нагромождением профилей. 1823.
Среди опознанных фигур внизу страницы — люди, с которыми Мицкевич познакомился в Одессе: граф Иван Витт и граф Густав Олизар.

Адам Мицкевич. Гравюра по портрету Ваньковича.



Черновик стихотворения «Воспоминание».

которые считали себя его друзьями и были недовольны его доверием к доброй воле Николая I, похвалами царю, что выражалось и в его творчестве («Стансы», «Друзьям»). На листке, где он нарисовал профиль Мицкевича, Пушкин писал о «жужжанье клеветы», о «шепоте зависти», о «друзей предательском привете». А тем, кто внимательно слушал доводы Пушкина, не отвергал их, старался понять терзания поэта, равного ему талантом, был как раз Мицкевич. Говоря о Пушкине в лекции в Коллеж де Франс, Мицкевич сказал: «Он говаривал об этом своим друзьям-иностранцам, потому что русским в этом признаться не смел...» — и далее следуют приведенные в виде прямой речи Пушкина слова о его отношении к царю, о причинах, наполнявших горечью его душу. Единственным «другом-иностранцем», которого тут можно иметь в виду, был, разумеется, сам Мицкевич.

Многие специалисты по Мицкевичу полагали, что за перевод «Воспоминания» он взялся случайно. По мнению Вацлава Борового, возможно, что сам перевод Мицкевич сделал наспех, в ходе печатанья петербургского тома его стихотворений, чтобы заменить стихи, не пропущенные цензурой. Но рисунок, о котором мы говорим, пожалуй, подтверждает правоту Марии Дерналович, написавшей: «И, вероятно, не было делом случая то, что единственное произведение Пушкина, которое Мицкевич перевел, — это как раз полное душераздирающих терзаний стихотворение «Воспоминание»».

II

Вслед за черновиком «Воспоминания» в тетради идет стихотворение «Ты и вы», законченное 23 мая. А между ними — страница с выразительным профилем, который Лариса Керцелли, автор книги «Мир Пушкина в его рисунках», определила как следующий портрет польского поэта[6]. Керцелли предполагает, что это «изображение своеобразного, утонченного лица» воспроизводит «знаменитое состояние вдохновения импровизирующего Мицкевича».

Это истолкование можно принять как одну из возможностей. Мицкевич-импровизатор восхищал Пушкина. Я упомянул о вечере 30 апреля. В письме от 2 мая Жуковский сообщал об импровизации во время этой встречи: «Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растревожен, и все мы слушали с трепетом и слезами». В воспоминаниях, написанных 45 лет спустя, в 1873 г., Вяземский уточнял: «Мицкевич был не только великий поэт, но и великий импровизатор. Хотя эти два дарования должны, по-видимому, быть в близком родстве, но на деле это не так. Импровизи-

Профиль Мицкевича и орнаментальная птица на черновике стихотворения «Калмычке».

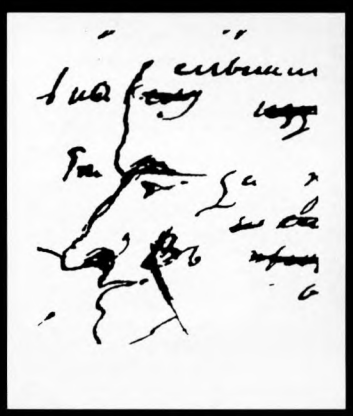
Типично пушкинская орнаментальная птица.

Профиль Мицкевича из черновика поэмы «Тазит». Конец 1829.

рованная, устная поэзия и поэзия писанная и обдуманная не одно и то же. Он был исключением из этого правила. Польский язык не имеет свойств, певучести, живописности итальянского; тем более импровизация его была новая победа, победа над трудностью и неподатливостью подобной задачи. Импровизированный стих его, свободно и стремительно, вырывался из уст его звучным и блестящим потоком. В импровизации его была мысль, чувство, картины и в высшей степени поэтические выражения. Можно было подумать, что он вдохновенно читает наизусть поэму, им уже написанную».

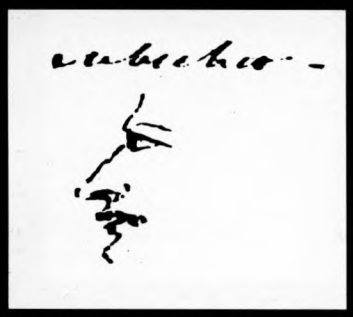
Я привел такой большой отрывок, потому что он подтверждает проницательные наблюдения Анны Ахматовой и заметки Вацлава Ледницкого, согласно которым Пушкин в «Египетских ночах» дал в импровизаторе портрет Мицкевича. В воспоминаниях Вяземского мы встречаем несколько деталей, точно воспроизведенных в «Египетских ночах». В том числе тот факт, что тема импровизации была выбрана по жребию из написанных на свернутых бумажках! Мне не встречалось упоминания о подобной практике, когда Мицкевич импровизировал в кругу соотечественников. У Пушкина в гостях были тогда Жуковский, Крылов, Хомяков, Плетнев и другие известные русские литераторы, и некоторые из них наверняка были настроены весьма скептически. Мицкевич решил подвергнуться своеобразной проверке, чтобы исключить любые подозрения в том, что «читает наизусть поэму, им уже написанную».

Мицкевич-импровизатор — это особая тема, заслуживающая добросовестного изучения. Мы и до сих пор не умеем ответить себе на вопрос, чем был его дар импровизации — счастьем или в каком-то смысле прекрасным пороком его гения, попросту растрачивавшим часть запасов его творческой энергии. А тому, кто будет заниматься этой темой, следует скорее анализировать «Египетские ночи», нежели вглядываться в атрибутированный Ларисой Керцелли профиль. Ибо она пишет, что с иконографической точки зрения ее определение подтверждают портреты Мицкевича того периода: портрет Ваньковича и рисунок Шмеллера 1829 года. Я же хочу обратить внимание на прямо-таки поразительное сходство пушкинского наброска и медальона Давида д'Анже. Прекрасный медальон поэта был выполнен летом 1829 г. в Веймаре. Если предыдущий рисунок, как я доказал, датирован точно, то относительно следующего Керцелли не приводит решительных доводов за то, что профиль возник одновременно с текстами «Воспоминания» и «Ты и вы». Пушкин часто возвращался к старым черновикам, а кроме того известно, что, создавая свои портреты, он любил использовать детали уже



Профиль Мицкевича из черновика стихотворения «Он между нами жил...»

Адам Мицкевич. Медальон работы Давида д'Анже.



Профиль Мицкевича между черновиками стихотворений «Воспоминание» и «Ты и вы». Л.Керцелли датирует его маем 1828.

имеющихся изображений. Сходство этого профиля с медальоном Давида д'Анже настолько поразительно, что почти исключает возможность, будто скульптор и поэт совершенно одинаково увидели Мицкевича. Значит, существует и другая возможность: Пушкин взялся за тетрадь с черновиком «Воспоминания», когда Мицкевич был уже за границей. С польским поэтом, находившимся на Западе, постоянно встречался кто-то из широкого круга их общих знакомых. Сделанный кем-нибудь из них рисунок с медальона мог быстро попасть в Россию.

III.

27 марта 1829 г.[7] оба поэта встретились, возможно, в последний раз на завтраке у Погодина в Москве. Мицкевич ненадолго приехал в Москву устроить различные дела, в частности ликвидировать недоразумение, связанное со слухами о том, будто он просил руки Каролины Ениш. Погодин записал в дневнике: «Завтрак у меня: представители Русской образованности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Венелин, ‹С.Т.›Аксак‹ов›, Верст‹овский›, ‹А.В.›Веневитинов». Два поэта о чем-то заспорили. Погодин записал: «Нечего было сказать о разгов‹оре› Пушк‹ина› и Мицкевича кроме: предрассудок холоден, а вера горяча». Напомню, что в это время Мицкевич уже получил разрешение выехать за границу, а Пушкин, несмотря на решительные отказы властей, продолжал мечтать о том, чтобы вырваться из России[8], но пока что собирался — без разрешения — на Кавказ. И как раз во время этого путешествия возник, пожалуй, самый известный и чаще всего воспроизводимый портрет Мицкевича — в черновике стихотворения «Калмычке».

Обстоятельства, в которых было написано это стихотворение, Пушкин описал в «Путешествии в Арзрум»: «На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее». Путешественник явно хотел воспользоваться случаем, но его попытка флирта закончилась тем, что он получил балалайкой по голове (это осталось в черновиках «Путешествия»). Встреча со степной Цирцеей, как назвал поэт предмет своего мимолетного интереса, породила стихотворение «Калмычке». В черновике стихотворения зачеркиваний и поправок немного. Зато так же, как на черновике «Воспоминания», Пушкин поставил в автографе дату, а вдобавок и место сочинения стихов: 22 мая Кап-Кой. Характерно, что поэт оставил старое название местности, в связи с закладкой русской крепости пере-

именованной во Владикавказ. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин употребляет уже новое название, предвещающее власть России на всём, тогда еще не до конца завоеванном Кавказе. Прибавлю, что в «Путешествии» можно найти замечания о политике России по отношению к чеченцам, звучащие сегодня, к сожалению, весьма злободневно. Но вернемся к стихотворению. Закончив его, поэт нарисовал нечто, что на вид выглядит как размашистая спираль, а под ней — профиль Мицкевича.

«В портрете Мицкевича, который посчастливилось узнать в рисунке Пушкина 1829 года, передано длинное тонкое лицо польского поэта, крылатый разлет его бровей и миндалевидные глаза, — пишет Т.Г.Цявловская. — Мы ощущаем воздетый к небу взгляд, полураскрывающиеся губы. И мы видим зарождающееся вдохновение поэта-импровизатора».

Описание автора книги «Рисунки Пушкина» внушительно — однако, когда Пушкин писал в Кап-Кое свое стихотворение, вряд ли он думал о поэте-импровизаторе. Мы, поляки, знаем эти стихи в динамичном, в принципе хорошем переводе Влодзимежа Слободника. Но в одном месте перевод не слишком верен. В последнем четверостишии:

Друзья! Не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе
Или в кибитке кочевой?

— второй стих переведен [дословно]: «где забвения пить сладости». Но Пушкин, разумеется, не писал ни о каком «питье сладостей забвенья», а подчеркивал внутреннюю пустоту: «забыться праздною душой». Мицкевич появился как тот, кто осуществляет давнюю, так никогда и не оставленную мечту русского поэта о выезде за границу. В этом смысле профиль польского поэта на листе со стихотворением, в финале которого как будто звучит смирение с судьбой, даже какой-то оттенок нигилизма, — раскрывает действительное состояние духа.

Исследователи черновика стихотворения «Калмычке» не обратили внимания на рисунок, находящийся над профилем Мицкевича. На вид это сплетенная спираль — как бы торможение разогнавшегося пера. Если присмотреться лучше, то хорошо видно, что это типично пушкинское изображение птицы. «Время от времени, — пишет в той же книге Т.Г.Цявловская, — появляются в рукописях Пушкина орнаментальные наброски, похожие на витиеватый росчерк пера. Изображают они птиц...» Мнимые спирали — это крылья, их трепет при взлёте или в полёте. И как раз такую птицу, стремящуюся взмахнуть крыльями, мы видим под стихотворением «Калмычке». А если присмотримся еще внимательней, то заметим, что от шеи птицы идет веревочка, что птица, желающая взлететь, находится на длинной привязи. Напоминаю: изображение птицы всегда ассоциируется у Пушкина с жаждой свободы. Профиль Мицкевича помещен здесь на нижнем поле так, что поэт как будто поглядывает на птицу. Красноречивая символика...

IV

Следующий набросок профиля принадлежит к портретам Мицкевича, опознанным раньше всего, и в то же время это вообще один из первых атрибутированных и опубликованных портретных рисунков Пушкина. Об этом профиле писал в книге «Рисунки поэта» (1933) Абрам Эфрос: «Главная примечательность рисунка состоит в том, что Пушкин изобразил себя увенчанным венком. Этому нет ни повторений, ни подобий во всей обширной группе его разнохарактерных автопортретов. (...) Автопортрет в венке тем любопытнее, что даже перед самим собой, в недоступных никому чужому черновиках, Пушкин не сразу решился утверждать, что он «памятник воздвиг себе нерукотворный»; набросав свое увенчанное лаврами изображение, он стал зачеркивать в нем как раз то, что давало портретное сходство, — характерную линию носа, губ, подбородка... (...) Во втором мужском профиле Н.Лернер верно усматривает портрет Мицкевича».

Оба профиля нарисованы на левом поле, внизу страницы черновика 1829 г. неоконченной поэмы «Тазит». Тазит у Пушкина — имя главного героя-чеченца, действие происходит на Кавказе. Однако

не только у чеченцев, но и ни у какого другого из многочисленных народов Кавказа не встречается такое мужское имя, то есть это имя вымышленное. Это позволяет некоторым ученым — совокупно с анализом самого текста — утверждать, что в образе Тазита таится сам поэт.

Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольнего куда
Младые сны его уводят?
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

Пушкин был свободен только в мечтаньях. В то время он по-прежнему думал о выезде за границу. Мечтал о взаимности красавицы Натальи Гончаровой. К ее матери в письме, написанном немного позже, он обращался почти теми же словами, какими влюбленный Тазит просит руки своей избранницы. Зато от него, от степени реализации его гениальной творческой структуры зависело его место в русской и мировой литературе. Поэтому он сопоставлял себя с Мицкевичем.

После выезда из России поэтическая слава Мицкевича не только не угасала, но продолжала расти. Преувеличенные рассказы о его триумфе при посещении Гёте, всё новые переводы, печатавшиеся в русских журналах, упоминания в письмах русских путешественников по Европе. Иван Киреевский, близкий знакомый обоих поэтов, в «Обозрении русской словесности 1829 года» писал: «...шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гёте, Шиллер, Шекспир, Байрон и Мицкевич». А говоря о русской и польской литературе, критик констатировал: «Чтобы обе словесности вступили в отношения непосредственные и заключили союз прочный, нужно было ***хоть одной из них*** (выделено мной. — *З.Р.*) иметь своего уполномоченного на сейме первоклассных правителей европейских умов (...). Мицкевич, сосредоточив в себе дух своего народа, первый дал польской поэзии право иметь свой голос среди умственных депутатов Европы и вместе с тем дал ей возможность действовать и на нашу поэзию».

В своем обозрении Киреевский писал о Пушкине, высоко, хотя и критически, оценил «Полтаву», но, как следует из подчеркнутого мной фрагмента, не признал ее автора уполномоченным русской словесности среди первоклассных талантов. Я не утверждаю, что, заполняя рисунками поля черновика «Тазита», Пушкин знал статью Киреевского, хотя это не исключено: позже он писал об этой статье. Зато он наверняка знал взгляды критика, составлявшие часть мнений более широкого круга людей, которых поэт ценил. Знал он и цену своей поэзии, свое место в русской литературе и свои творческие возможности.

V.

Хронологически последнее изображение Мицкевича долго считалось портретом Вольтера, черты которого Пушкин тоже не раз набрасывал в своих черновиках. Однако В.Лаврентьев справедливо связал профиль — нарисованный с явно сатирическим умыслом — с текстом, среди которого он оказался. Это черновик стихотворения «Он между нами жил...», написанного — или, точнее, писавшегося — в 1834 году. Об этом стихотворении, которое по замыслу явно было ответом на стихотворение Мицкевича «Русским друзьям», существует богатая литература. В то же время можно со всей ответственностью утверждать, что никаким другим произведением Пушкина, никакой другой деталью из его биографии так не злоупотребляли при конструировании легенды и просто неправды об отношениях двух поэтов. Это прежде всего касается русских и советских пушкинистов. Обобщение их позиций содержит оценка, содержащаяся в вышеназванной книге Т.Г.Цявловской, изданной в 1980 г.:

«Ложные толкования некоторых стихотворений Пушкина, распространившиеся среди определенной группы читателей, дошли и до Мицкевича. И со всей решительностью своей цельной натуры польский поэт написал цикл резких стихотворений, осуждающих не только официальную Россию, но и вообще Россию и не названного среди «русских друзей» Пушкина.

На несправедливые обвинения Мицкевича Пушкин не мог не ответить. Через год написал он стихотворение «Он между нами жил...»»

Четвертый том парижского издания сочинений Мицкевича, где был напечатан «Отрывок» из третьей части «Дзядов», тайно привез и преподнес Пушкину Сергей Соболевский, друг — без всяких кавычек — обоих поэтов, в июле 1833 года. Преподнес с ироническим и даже язвительным посвящением: «А.С.Пушкину, за прилежание, успехи и благонравие. С.Соболевский». Сам Соболевский отрицательно оценил шовинистические стихи Пушкина и Жуковского, включенные в брошюру «На взятие Варшавы», иронически отнесся к ее содержанию. В письме к Шевыреву он писал: «Пушкин тож толкует. Эка охота состязаться с Раичем и Шишковым» и приводил слова саркастически-горькой песни:

Матушка-Россия не берет невольно,
Берет добровольно,
Наступив на горло...[9]

Пушкин, получив том Мицкевича, переписал из «Отрывка» три стихотворения: «Русским друзьям», «Олешкевич» и «Памятник Петру Великому». Что интересно, он переписал их в тот же черновик, где была черновая рукопись «Тазита», за несколько страниц от профиля Мицкевича и своего автопортрета. На уровне своей гениальности он предпринял полемику с Мицкевичем в «Медном всаднике», подарив литературе одно из тех произведений, что острее всего затрагивают нерв русской истории и русской судьбы. Поэму он написал в октябре 1833 года. Почему он счел нужным в 1834 г. писать стихотворение о Мицкевиче, стихотворение, черновые инвективы и инсинуации не упоминаются даже в критических трудах и поэтому практически неизвестны[10], мы пока что не можем ответить. Однако хорошо свидетельствует о Пушкине то, что он оставил замысел продолжать стихотворение. Профиль-карикатура свидетельствует о том, в каком настроении писалось «Он между нами жил...». Напомню, что особенно проницательно, добросовестно и любопытно показал отношения обоих поэтов Виктор Ворошильский в своей знаменитой книге «Кто убил Пушкина?».

Я сосредоточился на содержании рисунков Пушкина. Здесь не анализировалась их форма, их художественная ценность, то, как пушкинский карандаш и пушкинское перо создавали изображения. Но это уже другая, и обширная, тема и задача для специалистов в этой области искусства, в последнее время повысившей свое значение.

Здислав Романовский *— прозаик, эссеист, публицист. Выпустил, в частности, четыре романа. Готовит к печати сборник статей о пребывании Адама Мицкевича в России.*

Lithuania

[1] Это слова Пушкина из письма Елизавете Хитрово, дочери М.И.Кутузова. Написано во время польского восстания 1830-1831. Виктор Ворошильский использовал их как название главы в своей книге «Кто убил Пушкина?». Полностью предложение звучит так: «Из всех поляков меня интересует один Мицкевич».

[2] Переводы польских цитат пушкинской эпохи приводятся по книге Д.П.Ивинского «Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений» (М., 2003), иногда с незначительными исправлениями. — *Здесь и далее прим. пер.*

[3] Пять достоверных (об одном из них, на листе с черновиками к поэме «Езерский», в статье ничего не сказано) и три под вопросом, т.е. определяемых также как изображения других лиц. См. Р.Г.Жуйкова. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб, 1996.

[4] Автор статьи, видимо, не закрепил свою атрибуцию. В каталоге Р.Г.Жуйковой об этом рисунке сказано: «*Опр.* Л.А.Краваль: Краваль Л[юбовь]. Рисунки Пушкина и портрет его времени // Кодры, 1989, №6».

[5] Возможно также, что хронологически первый портрет Мицкевича находится на листе с черновиками «Евгения Онегина» (1823), т.е. еще до личного знакомства двух поэтов. Определен А.М.Эфросом, который позднее дал другое определение (портрет И.И.Козлова), и М.Д.Беляевым. Другие определения — М.Ю.Виельгорский (А.М.Гордин), В.И.Панаев (А.Н.Марков), Ф.-Р.Шатобриан (Г.В.Пашнина).

[6] М.Д.Беляев ранее определял этот рисунок как портрет М.С.Воронцова.

[7] В тексте оригинала — «между 21 и 26 марта». На самом деле 26 марта Погодин, по записи в его дневнике, зашел к Пушкину, где застал Мицкевича, пригласил их обоих на завтрак и «слушал их разговоры». Цитируемая далее запись о завтраке датирована в дневнике 27 марта. См. «Приложение 1. Материалы к истории отношений» в вышеназванной книге Д.П.Ивинского.

[8] Поэт наших дней так передает ситуацию: «Пушкин был невыездной, / А Мицкевич — выездной. / Приезжал в Москву Мицкевич / Кажный божий выходной. / Пушкин брал его под ручку, / Вел, как брата, до пивной, / И читал стишки дорогой, / И знакомил со страной, / Со столицей и с женой. / Пан Адам и мистер Пушкин / Ели раков, пили мёд, / Пели польки и частушки, / Пили раков, ели мёд... / И друг друга уважали... / Увважжжали... вот... / Но Мицкевич уезжал — / Пушкин оставался. / Каждый искренно скучал, / Но чуть-чуть кривлялся» (Константин Арбенин. Пушкин мой. Главка «Пушкин и Мицкевич»)

[9] Это примечание прямо не относится к тексту публикуемой статьи, но, как мне кажется, будет небезынтересно нашим читателям.

В поисках точной цитаты (пока не получила ее от автора статьи) обратилась к помощи читателей русского «Живого журнала» — в надежде, что кто-то сможет найти письмо Соболевского к Шевыреву. Письма никто не нашел, но близкие к этому тексту слова нашлись. Привожу сообщения моих информантов.

У одного моего французского знакомого был автограф Мериме (некое письмо) с этими строками, записанными (по-русски) в таком виде:

Матушка Россеія
Не беретъ насилно
Беретъ добровольно
Наступя нагорло

По просьбе знакомого я провёл поиск источников этой цитаты, приводимой Мериме. В интернете я нашёл статью А.Иванова «Армия на марше», в которой говорится:

«Парижане, пропадавшие от страха в 1814 году при подходе «ля калмыкс», были потрясены неприкосновенностью личной и гражданской жизни, воцарившейся в павшей Франции с их приходом. Окончательно же добило потомков Роланда и Робеспьера наблюдение быта российских солдат, включая их песни о том, что «матушка-Россия не берет насильно». В высшей степени характерно, что песни такого рода зафиксировали не русские фольклористы, а французы (в том числе прославленный П.Мериме, знаток и пламенный поклонник русской культуры)».

Как мы видим, здесь вторая, «критическая» по отношению к России, часть цитаты опущена. Вторую часть текста цитировал великий князь Константин в письме к брату — царю Николаю I: «Я был, есть и буду, пока буду жив, русским, но не одним из тех слепых и глупых русских, которые держатся правила, что им все позволено, а другим ничего. Матушка наша Россия берет добровольно, наступив на горло, эта поговорка в очень большом ходу между нами и постоянно возбуждала во мне отвращение».

В другом месте этот эпизод изложен так:

«Фактический проводник российской политики в Польше заявил в письме к своему брату, императору Николаю I, что он — в отличие от вскармливающего русский шовинизм Карамзина — не принадлежит к числу тех самовлюбленных и глупых русских, которые полагают, что им все дозволено, а другим — нет. «Матушка наша Россия берет добровольно, наступая на горло», — подытожил великий князь подобную «мудрость» своих соплеменников, разочарованных отсутствием отклика на их бескорыстное желание взять под свою опеку судьбы других народов...»

Получила я и цитату из Петра Андреевича Вяземского: *«Будочники ходили сегодня по домам и приказывали, чтобы по две свечи стояли на окнах до часа пополуночи. (...) Матушка Россия не берет насильно, а всё добровольно, наступая на горло»* (Старая записная книжка. Ч.2).

Один из моих информантов нашел у Даля в «Пословицах и поговорках русского народа» (глава: ВОЛЯ – НЕВОЛЯ) такие фразы: *«Получил (Взял) добровольно, наступя на горло. Наступя на горло, да по доброй воле. Просят покорно, наступя на горло».*

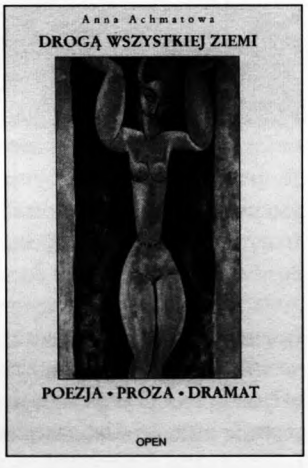
Остается повторить заданный этим же информантом вопрос: *«Так что же это — поговорка, солдатская песня или ещё что-то?»*

[10] В вышеупомянутой книге Д.П.Ивинского, капитальном труде на тему «Пушкин и Мицкевич», все эти черновики приведены и проанализированы.

Наталья Горбаневская

АХМАТОВА ПОМОРСКОГО

Анна Ахматова. Путем всея земли. Поэзия. Проза. Драма. Выбрал, перевел [на польский] и комментариями снабдил Адам Поморский. [Варшава], научное и литературное издательство «Опен», [2007]. 795 с.



Уже в приведенных здесь выходных данных сделанное переводчиком указано не во всей полноте (подозреваю, впрочем, что формулировка «выбрал, перевел и комментариями снабдил» принадлежит самому Поморскому). Во-первых, не только «комментариями», но в большинстве случаев (ко всей прозе и к драме «Энума элиш») — «комментариями и примечаниями». В отличие от общепринятого отнесения всего этого аппарата в конец, здесь они следуют за каждой строкой содержания. Само это содержание стоит привести целиком (опуская вышеупомянутые комментарии): чтобы русский читатель мог себе представить, что́ получил читатель польский.

Коротко о себе
Стихотворения
Поэма без героя
Энума элиш
Из «Прозы о поэме». Из «Прозы к поэме»
Pro domo sua. Листки из дневника
Из воспоминаний о Мандельштаме
Амедео Модильяни

И самое неожиданное: когда терпеливый читатель уже дочитал всю книгу, вплоть до содержания, а нетерпеливый, пробежав по диагонали, просто заглянул: а что там дальше (а что может быть дальше содержания?), он обнаруживает на чистой странице, правой странице чистого разворота, словно прощание, — двустишие (в польском переводе, естественно):

Непогребенных всех — я хоронила их,
Я всех оплакала, а кто меня оплачет?

Такое мощное заключительное ударение в книге, вынутое из контекста и в то же время организующее контекст, сильно расширяет восприятие и понимание. (Я, конечно, вместо скучных слов «сильно расширяет восприятие и понимание» хотела написать «... — это вам не хухры-мухры», но сомневаюсь, оценит ли редакция.)

Напоследок переводчик «снабдил» книгу — и это, может быть, главное во всем «снабжении» — обширным, на сто с лишним страниц, послесловием «Анна всея Руси» — по сути дела ученым, хотя не по-ученому эмоциональным, трудом об Анне Ахматовой, ее творчестве и поэтике. Одну, первую и самую принципиальную главку этого послесловия я перевела и предлагаю читателям «Новой Польши» — хотя бы для того, чтобы не пересказывать. Идея о том, что «Ахматову надо читать с конца», то есть читать раннюю Ахматову в свете поздней, выглядит настолько очевидной, что удивителен приоритет Поморского (по крайней мере — прямо в такой формулировке). Тот факт, который отметила еще сама Ахматова и который в наши дни стал общим местом ахматоведения: что Недоброво в своей статье 1914 года (опубликована в 1915-м) говорит о ней по́здней, о той, которой еще как бы не было — но, значит,

Адам Поморский

уже была! — в формулировке Поморского инвертирован, опрокинут: не просто *усматривать* в ранних книгах какие-то зачатки будущей Ахматовой, ее эволюции, а с помощью телескопа (или перископа) позднего творчества прямо *видеть* единство всего ее пути. Сам путь поворачивать в обратную сторону. То есть вдобавок к ахматовскому «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет» появляется еще одна инверсия: так в грядущем прошлое *зреет*.

Уже первый комментарий к стихам — к стихотворению «Хорони, хорони меня, ветер...» из книги «Вечер» — начинается словами: «Ввиду ключевых мотивов более позднего творчества поэтессы существенен жанровый характер этого юношеского стихотворения: монолог умершей». И следующий, к стихотворению «Три раза пытать приходила...»: «В ранней, неоромантической форме здесь выступают ключевые для Ахматовой мотивы: дурного *сна*, из которого возникает негативный *двойник* лирического субъекта».

Сон во сне — к этому всё идет. Если «Поэме без героя» Поморский посвятил сравнительно небольшой комментарий, отсылая читателя к ахматовской прозе «о» и «к» поэме, плюс, разумеется, важную аналитическую главку в своем послесловии, то с драмой «Энума элиш» (в одном из вариантов — с подзаголовком «Пролог, или Сон во сне») переводчик разбирался сам. Конечно, тоже главка в послесловии, но кроме того текст (с вариантами) завершается еще несколькими фрагментами из записных книжек Ахматовой и затем краткой характеристикой драмы, из которой выберу лишь важнейшее:

«Пьеса эта по сознательному замыслу поэтессы соединяет известный ей с молодости опыт гротескного «театра для себя» — иронической театральной мистерии Мейерхольда и Евреинова (а следовательно, и подвала «Бродячая собака») с уже современным театром абсурда, с восприятием Кафки (особенно «Процесса») и с автотематическим романом, т.е. романом, изображающим процесс собственного становления.

Сам текст произведения соотносился и переплетался с главными произведениями позднего периода творчества Ахматовой: с «Поэмой без героя», а также сопутствовавшей ей «Прозой о поэме» и фрагментарными набросками балетного либретто на канве «Поэмы», с «Северными элегиями» и с лирическими циклами «Cinque» и «Шиповник цветет (Из сожженной тетради)», связанными с мотивом Гостя из Будущего. (...) ...сегодня трудно окончательно установить, что такое наброски, извлеченные издателями из папки, сохранившейся в наследии поэтессы, — варианты ли, предназначенные для дальнейшей обработки и отсева, после сожжения пьесы в сороковые годы восстанавливавшиеся автором под конец жизни по памяти — своей и ранних читателей, или же это записи сцен, сознательно повторяемых, различающихся всё новыми деталями, на манер упомянутого в последней записи [из записных книжек, от 20 февр. 1966] «В прошлом году в Мариенбаде». Как ни говори, а такой характер одержимости возвратами носило всё позднее творчество Ахматовой — начиная с «Поэмы» и «Северных элегий» и кончая «Энумой элиш», вышеназванными лирическими циклами и «Листками из дневника»».

В связи с этим перед переводчиком встала та же головоломная проблема, которую так или иначе приходится решать составителям русских изданий, где драма «появилась не меньше чем в трех разных составах, скомпонованных из рассеянных рукописей автора». На основе этих публикаций Поморский составил текст (как я уже отметила, с вариантами), с которого делал перевод.

В этом кратком комментарии Поморский обещает более глубокий анализ драмы в рамках статьи «Анна всея Руси». И обещание выполняет. Но, что характерно для его подхода, начав главку со ссылки на знаменитую статью Недоброво, он замечает, что «критик в поисках истоков поэзии Ахматовой игнорирует театр». И далее следует подробный — но не отходящий от предмета, от Ахматовой, — рассказ о русском театре 10-х годов, о «Бродячей собаке», о возрождении в ту эпоху русских традиций лицедей-

ства. «Понятие это [лицедейство], — пишет Поморский, — живо в ахматовском контексте: в стихотворении, написанном при известии о мученической смерти Гумилева и слухе о самоубийстве Ахматовой, Хлебников наделил себя титулом Одинокого лицедея, возвращаясь к воспоминаниям 1915 года и прямо называя Ахматову». В спектакле кузминского «кукольного вертепа» (Рождество 1913) Поморский отмечает «союз вертепа и мистерии», о котором после спектакля писал в «Аполлоне» Сергей Ауслендер и который важен и для драмы «Энума элиш». Один из выводов, к которым приходит здесь переводчик, таков:

«В «Бродячей собаке» расположен центр мира всей «Энумы элиш» — от вавилонской мистерии до современной политической пародии и любовной арлекинады театральных кулис и сомнамбулических привидений, среди которых блуждает «Гость из будущего», постепенно теряя черты Исайи Берлина. Из «Бродячей собаки» и выводится эта поэтика иронии, замаскированной насмешки, пародии, передразнивания, маскарадного переодевания и, что интересно, скандала (через Достоевского отсылающая к Данте), которая стала подспудной поэтикой акмеизма, — особенно существенная для Ахматовой — как под конец жизни в ее «мистерии для себя» и в «скандальных» антимемуарах, где даже эпохальный для поэтессы и, в конце концов, отождествленный с началом «холодной войны» доклад Жданова является в красках скандала в коммунальной квартире»». Остановлюсь на этом. До конца главки (последней в статье) еще страницы и страницы. Глубокий анализ драмы «Энума элиш», или «Пролог», или «Сон во сне» и все послесловие заканчиваются загадочной фразой:

«Процесс перед судом памяти длится вечно, приговор на нем — гороскоп».

Хотелось бы в заключение сказать несколько слов и о поразительном качестве переводов. Увы, могу лишь дать честное слово, что переводы прекрасны, а многие стихи казались мне просто написанными Ахматовой... по-польски. Если б она написала по-польски, то так бы и написала.

Чтобы не быть совсем уж голословной, приведу по-польски восемь строчек (мучительно любимых) из Эпилога «Поэмы без героя», знаменитый врез частушечного ритма в вереницу «ахматовских строф»: «За тебя я заплатила / Чистоганом...». Вот перевод Адама Поморского:

Ja za ciebie uiściłam
Hojny datek,
Pod naganem przechodziłam
Dziesięć latek,
W prawo, w lewo — ani kroku,
Jasna sprawa:
I szeleści za mną z boku
Marna sława.

Адам Поморский

ПОЭТИКА ИНВЕРСИИ

Первая главка послесловия переводчика к книге:
Анна Ахматова. Путем всея земли

Ахматову надо читать с конца. Все ее творчество, когда глядишь в перспективе последних крупных произведений — прежде всего тех, что писались в эвакуации в Ташкенте, а потом до самого конца жизни: абсурдистской драмы «Энума элиш» и «Поэмы без героя», — выглядит несущим подспудное ощущение абсурда, общую тональность определяет ирония, а поэтика всего творчества управляется законами гротеска. Ироническими и гротескными были уже самые ранние стихи Ахматовой, с их макабрически-колдовскими мотивами, но и с такой, к примеру, знаменитой строфой:

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Иронична в ранних стихах женственность, образ которой современники считали главным новшеством Ахматовой в русской поэзии; ироничен эротический спектакль пола, созерцаемый из саркастического отдаления (которое пропадает в польских переводах). Как в вышеприведенной цитате, это не только и не столько лирический фрейдизм, сколько иронический гротеск мертвого двойника, воплощенного в мертвые предметы. В исходной точке теоретической посылкой лирики Ахматовой стали психологические концепции Бергсона: отмена оппозиции субъекта и объекта — а следовательно, и отмена абсолютности противостояния мертвых вещей и живых существ; image «чистого» — ни субъективного, ни объективного — опыта, не так далеко отстоящий от Гуссерлевского эйдоса; самонаблюдение, которое позволяет интуитивно уловить в непрерывности перемен непрерывность длительности в «живом» времени, длительности, не расчлененной на дискретные фрагменты пространства косной материи; следовательно, признание временно́го, а не пространственного характера жизни. Однако время, не ограниченное пространством, само ему уподобляется: аксиологической основой становится память, а архитектоническим горизонтом свободы — будущее, предвидением которого служит по самой своей природе сознание.

Это исповедание веры сохранялось у Ахматовой вплоть до последнего сборника стихотворений, изданного в 1965 г. (в изувеченном цензурой виде) под знаменательным, но незаметным заглавием «Бег времени».

Эта бергсоновско-гуссерлианская атмосфера окружала будущую поэтессу очень рано. В эпоху «русского возрождения» начала XX века это не удивительно. Влияния шли и из среды поэтов (символистов — не всегда намного старших по возрасту, но старших на одно культурное поколение), и из близко связанной с ней среды философов и мыслителей, к которым, в частности, принадлежал учитель Ахматовой в последнем классе знаменитой Фундуклеевской гимназии в Киеве (в 1906/1907 учебном году) Густав Шпет, выдающийся философ, психолог, главный в России популяризатор и продолжатель гуссерлианства и одновременно герменевтик avant la lettre.

Живописное свидетельство соученицы по гимназии стоит привести и для понимания юношеских истоков этого мировоззрения, которому поэтесса сохранила верность до самой смерти:

«Урок психологии в выпускном (седьмом) классе Киево-Фундуклеевской женской гимназии. Предмет трудный, но преподается он интересно — учитель Шпет, Густав Густавович, заставляет задумываться над рядом вопросов, сложных для нас, юных девушек, и на многое, бывшее прежде неясным, туманным, проливается яркий свет.

Сегодня урок посвящен ассоциативным представлениям. Густав Густавович предлагает нам самостоятельно привести ряд примеров из жизни или из литературы, когда одно представление вызывает в памяти другое. Дружным смехом сопровождается напоминание, как у мистрис Никльби из романа Диккенса «Николас Никльби», пользовавшегося у нас тогда большим успехом, погожее майское утро связывается с поросенком, жаренным с луком. И вдруг раздается спокойный, не то ленивый, не то монотонный голос:

«Столетия-фонарики! О, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!»

Торжественный размер, своеобразная манера чтения, необычные для нас образы заставляют насторожиться. Мы все смотрим на Аню Горенко, которая даже не встала, а говорит как во сне. Легкая улыбка, игравшая на лице Густава Густавовича, исчезла.

«Чьи это стихи?» – проверяет он ее. Раздается слегка презрительный ответ: «Валерия Брюсова». О Брюсове слышали тогда очень немногие из нас, а знать его стихи так, как Аня Горенко, никто, конечно, не мог. «Пример г-жи Горенко очень интересен», – говорит Густав Густавович. И он продолжает чтение и комментирование стихотворения, начатого Горенкой. На ее сжатых губах скользит легкая самодовольная улыбка. А мы от желтых квадратных фонарей переносимся в далекий знойный Египет. И мистрис Никльби с ее майским утром и жареным поросенком кажется нам такой неинтересной и обыденной».

Лирическая психология из ранних стихов с годами уступает место истории, однако сохраняется торжество времени над пространством, во всех снах и видениях находимое превосходство памяти и будущего (выходящих за предел индивидуальной жизни) над материальным настоящим, населенным гротескными, мертвыми двойниками. Гротеск и пророческая сила Ахматовой вытекают, таким образом, из общих истоков.

На примере творчества этой поэтессы — уникального по временно́му размаху (более полувека: 1909-1965) — можно, кстати, проследить развитие нового гротеска. От стаффажа раннемодернистских гибридов, мотивированных отсылками к фольклору и литературным традициям, через такой, как в вышеприведенном примере с перчаткой, разрыв непрерывности, расчленение психологического опыта (символ этого четвертования, начиная с ранних стихов, — мотив усекновения главы, один из ключевых в творчестве Ахматовой); через инверсию отношений, господствующих в мире мертвых вещей и живых явлений; через обогащение объективной действительности видениями и снами — страшными и ироническими в своей анамнезии; через нарастание акмеистического повествовательного разрушения иллюзии (вплоть до пародии автобиографизма) и усиливающейся интертекстуальной пародии (увенчанием которой стала «Поэма без героя») и вплоть до абсурда и лингвистического гротеска шизоидального «монолога» расчлененного «я», исследованием которого стали драма «Энума элиш» и господствующие в поздних стихах Ахматовой вылазки «по ту сторону зеркала» (по примеру «Алисы в Зазеркалье»).

Если истории придают смысл память и будущее, то в жизненном, «живом» времени всё больше места занимает их синтез: память будущего. Эта «прапамять» (заимствуем понятие у Гумилева) — отнюдь не мотив метемпсихоза, некогда популярный в европейском модернизме, и не только парадокс. В исторической действительности, которая живьем превращается в обряд из года в год повторяемой трагедии Террора (то есть античного дна ада — ассоциация, у русских модернистов живая), эта память будущего из парадоксальной становится абсурдной, ибо что такое абсурд, как не трагедия, которая повторяется. Повторяется, как отражение в зеркале: заключение в зеркалах — это пространственная метафора пребывания в действительности Террора, выведенная Ахматовой из фантасмагорических реалий разделенного на коммунальные, перенаселенные квартиры дворца графов Шереметевых, в котором поэтесса прожила сталинские четверть века. С точки зрения абсурдной мистерии истории своя былая жизнь становится «предысторией». Vorgeschichte предшествует Geschichte, как существование предшествует сути.

Суть, существо этого творчества в его второй половине (считая от пограничного 1940 года, когда вместе с окончанием «Реквиема» и стихов, связанных с ним тематически и хронологически, завершается первая эпоха Ахматовой) — не что иное, как инверсионное вспоминание будущего. Как говорит поэтесса во «Вступлении» к «Поэме без героя»: «Из года сорокового, / Как с башни, на всё гляжу, / Как будто прощаюсь снова / С тем, с чем давно простилась, / Как будто перекрестилась / И под темные своды схожу».

Первые поэтические инвокации («Пятнадцатилетние руки...», «Путем всея земли») закладывают фундамент памяти-совести в 1905 году. Это память того первого «потрясения на всю жизнь», как десятилетия спустя записала поэтесса. Здесь можно также предположить влияние подобных инвокаций первой памяти в важной для современников поэме Пастернака «Девятьсот пятый год» (при этом заметим, что под конец жизни, уже после «Доктора Живаго», Ахматова как нечто самое существенное подчеркивала свое недоумение перед тем, что Пастернак никогда ничего не вспоминает). Однако подлинной параллелью к этому как историческому, так и поэтическому 1905 году оказывается «Девятьсот тринадцатый год» в заглавии первой части «Поэмы без героя». Тут завязан узел: память сплетается с совестью.

«In my beginning is my end»: во времени, бег которого обращен с тех пор, как жизненный порядок подчиняется порядку абсурдной мистерии, которая обращает трагедию в пародию (в «вертеп» — по еще довольно простой формулировке 1935 года), этот заглавный год оказывается началом, от которого отсчитывается конец. Новый 1941 год переворачивает порядок своих цифр, становится Новым 1914 годом — началом эпохи, которой предстояло стать XX веком, тем «настоящим», «не календарным». Длинная тень будущего ложится на настоящее, а настоящее оказывается длящимся прошлым. Инверсия из «Четырех квартетов» Элиота, который ради своей поэмы и собственного надгробия перевернул девиз на гербе Марии Стюарт («In my end is my beginning» — на гербе, впрочем, по-французски), послужила Ахматовой не только в «Поэме без героя» как эпиграф, но и в жизненной борьбе с двойником. Мария Стюарт была ее — обезглавленным — двойником, особенно ненавистным, ибо признанным за реальный прототип леди Макбет (опять инверсия во времени и в соотношении Dichtung/Warheit), а история Макбета, как мы знаем от поэтессы, — это «убийство Кирова».

Ярость, которую возбуждали в Ахматовой повторявшиеся в 1960-е попытки «замуровать [ее] в 10-е годы», восхваление ее ранней лирики в ущерб позднему творчеству — по цензурным причинам публично известному лишь в осколках, — в свете ее реквиема памяти жертв сталинизма и других текстов не удивляет. Несколько фрагментов из цикла «Requiem», замаскированных в печати под любовную лирику, разделили судьбу всего наследия Ахматовой — поэтессы архисовременной, грозной и иронически жестокой, которую альбомный псевдоним почти необратимо заслонил от взглядов читателей.

Выдающийся знаток ее творчества Роман Тименчик, констатируя противоречие этого альбомного стереотипа с ироническим замыслом еще самых ранних стихов поэтессы, приводит меткое мнение Георгия Чулкова, относящееся к декабрю 1911 г, — за год до провозглашения акмеизма: «Почти в каждом стихотворении Ахматовой, как в бокале благоуханного вина, заключен тайно смертельный яд иронии. Эта ирония отдаленно напоминает улыбку Иннокентия Анненского и Жюля Лафорга, но она всегда тоньше, нежнее и женственнее, чем у этих безвременно погибших поэтов». Комментируя эту цитату, Тименчик подчеркивает в поэзии Ахматовой вес иронической конфронтации с историческим и политическим контекстом современности, без учета которых стихотворение становится неразборчивым, точнее — превращается как раз в банальный стереотип: «С годами ирония становится жестче, мужественнее и отчаяннее, но она по-прежнему определяет особый статус ахматовских стихов по отношению к миру внестиховой действительности. Полнота их содержания, сообщение, несомое ими, раскрывается только в соположении текста и околотекстовой реальности, в конфликте «буквального смысла» и неназванных, прямо сопутствовавших стихотворению обстоятельств».

Ахматову следует читать с конца. Только это может восстановить надлежащие пропорции и вывести это великое достояние литературы XX века из тоталитарного вымысла с той стороны зеркала.

Тадеуш Ружевич

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

из книг «Ну и что что во сне» (2006), «Выход» (2005), «Теневая зона» (2002), «Всегда фрагмент» (1996)

Мелкие объявления и предсказания

меняю зрение на осязание
осязание на обоняние
обоняние на вкус
вкус на пикантные палочки
с беконом в цветном перце
меняю палочки
на стишки

Опиши мне нежность
а я тебе скажу
будешь ли ты графоманом
опиши мне счастье
которое тебе выпало и
несчастье
которое на тебя обрушилось
а я скажу тебе кто ты
скажи мне в стихотворении
предельно кратком
чем отличается любовь
от ненависти
чем отличается
чёрный квадрат от белого
а я тебе скажу
будешь ли ты Малевичем
или только рамой для картины
скажи мне чем отличается
вторник от среды
а я скажу тебе кто ты
футуролог или футуро
брехун
скажи мне когда миру придёт конец
а я тебе скажу когда
ему не будет конца

Палец на губах

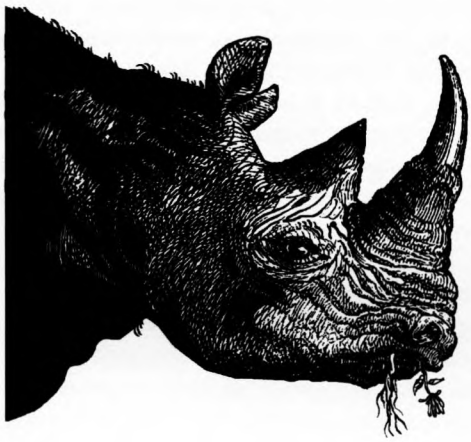
губы истины
стиснуты

палец на губах
говорит нам:
пришло время

молчать

никто не ответит
на вопрос
что есть истина

тот кто знал
тот кто сам был истиной
ушёл навсегда



* * *

я родился носорогом
с толстой шкурой и рогом на лбу

хотел я стать мотыльком
но мне сказали
ты должен быть носорогом

хотел стать
жаворонком аистом
но мне сказали это невозможно

я спрашивал почему — ответили
потому что ты носорог

я хотел быть обезьяной
даже попугаем

но мне сказали... НЕТ

мне приснилось что у меня
нежная розовая кожа
и профиль Клеопатры

но я тут же вспомнил
что у меня очень толстая шкура
а рог на лбу — это мой паспорт

как был ты носорогом так и будешь
до самой смерти

* * *
белизна не печалится
не веселеет
просто белеет

упрямый
я ей говорю
что она бела несомненно

но белизна не слушает — мол чепуха
она слепа
и глуха

она совершенна

и становится
всё белей
постепенно

Невысказанное

начнём разговор
слова скроют
то что случилось раньше
вне нас
из чего выхода нет

ты ещё не знаешь об этом

протягиваешь руки
думаешь я
всё ещё там
где ты меня оставила
стоишь
неподвижная неясная

правда понемногу достигает
твоего сердца

ты оглядываешься
и уходишь
в тупик

Паутина

четыре серых старухи
Беда Нищета Забота Вина
ждут где-то далеко

человек рождается
растёт
заводит семью
строит дом

четыре призрака
ждут
затаившись в фундаменте

строят человеку
другой дом
лабиринт в тупике

человек живёт любит
молится трудится
наполняет дом надеждой
плачем смехом тревогой

четыре серых старухи
играют с ним
в прятки
прячутся в сундуках
в шкафах на книжных полках

питаются перчатками пылью
грязью нафталином
глотают книги
гаснут серые тихие
под холодным светом луны
на бумажных цветах
дети бьют в ладоши
хотят прихлопнуть моль
моль превращается в тишину
тишина в музыку

четыре серых старухи ждут

человек приглашает
других людей
на крестины похороны
поминки и свадьбы
серебряные золотые
сквозь замочную скважину
незваными входят в дом
четыре серых старухи

первой входит Вина
за ней маячит Забота
следом растёт Нищета
зубы щерит Беда

дом превращается в клубок паутины

слышны голоса и стоны
скрежет зубов
жужжанье

боги спросонья отмахиваются
от назойливых людей
зевают

Формы поэзии

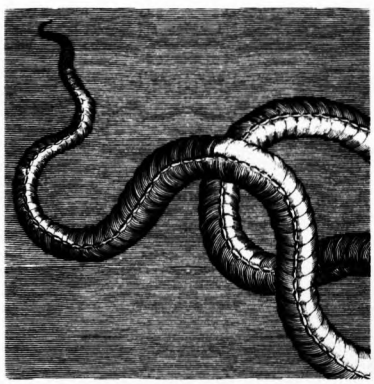
поэзия не всегда
принимает форму стихотворения

на шестом десятке
она является поэту
в облике дерева птицы
в сиянии света

в облике женщины
или в безмолвии

а то и просто живёт в нём
вне всякой формы

как чувство
любви гнева жалости



Из уст в уста

идея

имеет язык
который прекрасен и лжив
как змея
в раю

из уст философа
идея выходит чистой
она далека от «действительности»
как душа от тела

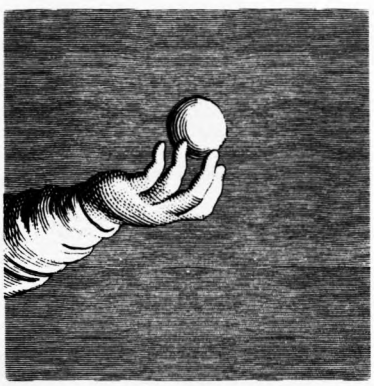
вот тут-то её
и пробует на вкус
политик
деятель

он её пережевывает
и выплёвывает
на головы гражданам

идея растёт у всех на устах

из уст политика
её выхватывает
журналюга
и приправив слюнями
хамством
провокацией
выделяет через органы
«массовой информации»

идея падает на брусчатку
выходит на панель
её шатает
влево-вправо
как пьяную шлюху



она переходит
из рук в руки
на глазах
онемевшего мира
превращается
в орудие преступления

а что же философ

молчит
уходит
не оглядываясь назад

будто не слыша слов:

«*Не то, что входит в уста,*
делает человека нечистым,
но то, что из уст исходит,
делает его нечистым...»

Почему поэты пьют водку

потому что они
видят что́ в них сидит
и что́ ещё может
вылезти

пьют потому что не могут слышать
ни того что́ сами себе говорят
ни того что́ им говорят другие

пьют потому что не прочь подложить свинью
собрату по цеху
но в трезвом виде
они так благородны

пьют перед зеркалом потому что боятся
проворонить того другого
который лучше и «милее»
(*свет мой зеркальце*
скажи...)

пьют потому что знают
всё что́ уже написали
и не знают что́ ещё
сумеют из себя выжать

Весна

Я сижу в саду.
Всё старо как мир.
Солнце, цветы, деревья.
Один только я молод,
Как собственный внук,
Как толпа моих внуков —
Их здесь не счесть.
Они надо мной смеются.
Я тоже.

Леопольд Стафф. Весна

где-то сижу
только не знаю где
всё старо как мир
солнце цветы деревья
девочки с сигаретами в зубах
мальчики со словом курва
(тоже в зубах) — молодой лес

всё старо
я тоже стар
как собственный дед

«Внук» пронёсся мимо
на горном велосипеде Вопя
сдорогистараяжопа
я онемел
потом обругал сопляка

он поехал дальше
а у меня
угрызения совести

Он надо мной смеётся
Я тоже...

Лешек Шаруга

ФЕНОМЕН РУЖЕВИЧА

Два поэта прошлого столетия сыграли решающую роль в развитии польской лирики. При взгляде с перспективы конца века всё более величественной предстает фигура Болеслава Лесьмяна, всё весомей становится слово Тадеуша Ружевича. Это разные поэты, даже рискну утверждать, что они антиподы. С одной стороны — воплощение «поэтичности», с другой — демонстративный отказ от всякой «поэтичности». Однако есть нечто, объединяющее оба феномена, нечто, из-за чего невозможно недооценить и отделить творчество одного из этих поэтов от творчества другого. Ибо в обоих случаях мы имеем дело с таким огромным зарядом поэтической энергии, что она почти разрывает языковые связи. Опять-таки: если в случае Лесьмяна можно сказать о взрыве, то в случае Ружевича — и это абсолютная новость в польской, да и в мировой поэзии — надо говорить, скорее, об имплозии — взрыве вовнутрь. Слову в расцвете звучного многоголосия (лесьмяновское: «Ибо это был голос, и только голос, и ничего кроме голоса») на другом полюсе соответствует конденсирующее смыслы безмолвие (ружевичевское: «называю молчанием»).

Тадеуш Ружевич родился в 1921 г. в городке Радомско, дебютировал во время войны нелегально изданной книгой «Лесное эхо». Был солдатом подпольной Армии Крайовой, как и его старший брат Януш — тоже многообещающий поэт, — убитый гестапо в 1944 году. Годы спустя, вместе с третьим из братьев, режиссером Станиславом, Тадеуш Ружевич издал потрясающую книгу «Наш старший брат». Своеобразным продолжением ее стал опубликованный в 1999 г. сборник «Мать уходит», подтверждение того факта, что поэт, обратившись к документальным формам, в 90-е годы подверг свое творчество весьма существенной переоценке. Этот выдающийся прозаик и драматург, остро чувствующий прихотливый ритм действительности и одаренный способностью преобразовывать его в ритм искусства, сделал поэзию корнем творимого им мира. Корень этот, если можно так выразиться, сформирован из самого благородного металла — молчания.

Ружевичевское молчание имеет двойную природу. С одной стороны, он немало почерпнул из богатой, формально разнородной лирики Леопольда Стаффа, которому отдал необычную дань великолепной книгой его избранных стихотворений («Кто этот странный незнакомец»; кстати, примерно тогда же Стафф составил превосходное избранное Лесьмяна). С другой стороны, Ружевич многим обязан авангардистской дисциплине стиха Юлиана Пшибося (впрочем, после краткого периода взаимопонимания пути этих авторов неизбежно разошлись: веривший в слово Пшибось не понимал отчаяния Ружевича, который утратил доверие к языку). В ружевичевском послесловии к избранному Стаффа мы читаем: «Танец поэзии окончил свою жизнь во время II Мировой войны, в концлагерях, созданных тоталитарными системами. Все мы, пережившие эпоху презрения, вместе с Андре Мальро задавали себе вопрос: «Умер человек на древней европейской земле или нет?». Поэзия движения Сопротивления и послевоенных лет дала на этот вопрос ответ не на языке Муз, а на человеческом языке. Возвращения всякого рода «поэтических танцев» не выдержали проверки временем. Слово перестало удивляться слову. Метафора перестала расцветать». Эти слова, ставшие комментарием к драме поэзии Стаффа, — в то же время открытая полемика с оптимизмом авангарда. Ружевич демонстративно отбрасывает веру в возрождение «языка Муз»: «Есть, конечно, поэты, которые последовательно, до конца предаются «поэтическому танцу». Невзирая на положение человечества, страны и свое собственное. Это позиция столь же бесплодная, сколь и героическая, столь же оптимистическая, сколь и смешная». Эти слова — не только прощание с Пшибосем, но и указание иного пути авангарду.

Однако что означает речь на «человеческом языке» и отказ от «языка Муз»? Ведь Ружевич последовательно отделывает свои произведения, заботится об их эстетическом измерении — могло бы показаться, что веры в поэзию он окончательно не утратил. Можно, тем не менее, понять это иначе: забота об эстетической функции

здесь — не культивирование «поэтичности», а работа, нацеленная на заострение драматизма поэтического высказывания. Стихотворение становится прежде всего не «творением», а «сообщением», информирующим о «положении человечества, страны и своем собственном». Поэт — а он и есть главный герой поэзии Ружевича — вновь и вновь пытается описать собственную ситуацию. Пытается, зная, что язык, которым он пользуется, исковеркан, что он — орудие преступления; отсюда стремление «очистить» язык, упростить, даже обнажить. При этом «нагое» слово поэзии Ружевича осложнено собственной парадоксальной природой, отражающей парадоксальную ситуацию человека, который знает, что «жизнь без бога возможна/ жизнь без бога невозможна», и с этим знанием предоставлен самому себе.

Столь же парадоксальна природа поэзии: «внутри поэзии / неподвижность пустота // вход внутрь / открыт / для всех // выхода нет». Это многозначный, полифункциональный комментарий из текста «По краям поэзии», завершающего книгу «Всегда фрагмент — recycling». Внутреннее пространство поэзии — неподвижный центр Вселенной, глаз циклона, где властвует покой, а по краям безумствует стихия жизни: «после того как стихи написаны / меня выметает / отбрасывает / на край поэзии // в самый центр жизни (...) по краям поэзии / под видом сенти-ментальной / смерти / кипит жизнь и поэзия / со вкусом / добра и зла // выветривается соль земли / слова / становятся бездомными». Слова бездомны вне стиха. Только в нем они находят приют, обретают себя, чистоту, невинность — однако по краям поэзии, вне неподвижного, приглушенного центра, они всё это теряют: «ни одно создание кроме человека / не пользуется словом / которое может стать орудием преступления».

Если вдуматься в своеобразную драму поэзии Ружевича, может оказаться, что драма эта глубже, чем обычно думают. При взгляде на нее с исторической перспективы видны две точки координат или, вернее, два источника недоразумений, вытекающих не из особенностей темперамента или взглядов, но из исключительности «ружевичевской ситуации». Центральная точка этой лирики — мир «концлагерей, созданных тоталитарными системами», его поэт переживает непосредственно, без исторической релятивизации, без внешних соотнесений. Центр этого мира — гибель. С точки зрения старших поколений, несмотря на весь ужас, можно было этот опыт релятивизировать, как поступил Ежи Загурский, писавший в 1947 г.: «Полагаю, есть надежда, что нынешнее разорение Центральной и значительной части Восточной Европы может иметь для человечества значение, подобное тому, какое имело падение Византии в XV веке; точнее говоря, не исключено, что человечество выйдет победителем из этого испытания гибелью». Для более молодых поколений война была уже всего лишь «историческим событием», чем-то относящимся к багажу коллективной памяти, как прочие события прошлого. Герой Ружевича — Поэт — всегда в центре гибели: это его духовная родина, неизменная координата его опыта и рефлексии, высшее содержание пережитого. И жизнь, и поэзия после такого опыта уже не могут быть тем, чем были прежде. Таким образом, произведения Ружевича — прежде всего попытка рассказать об этом пере-живании, в котором мало общего с милошевским «спасением»: «много лет я работаю / в этой профессии / к которой избран / и призван / она именуется поэзией».

Настоящая поэзия, «поэтические танцы» — в прошлом, подобно тому, как в прошлом — вера в невинность человека и непорочность слова. Раннее «называние молчанием» продолжено в позднейших текстах, таких как «Зеркало»: «тишина — зеркало / моих стихов / их отраженья молчат». Молчанию отвечает Молчание, что можно понимать как «молчаливое согласие» между поэтом и читателем, но и как то, что единственно возможная реакция на эти стихи — тишина. Нагромождение иронии и самоиронии неустанно то вновь создает, то устраняет дистанцию по отношению к миру этой поэзии и положению ее героя, — вот один из источников многочисленных и регулярно повторяющихся недоразумений, сопутствующих творчеству Ружевича (напомним хотя бы о том, что и коммунисты в период его дебюта, и правая критика последних лет дружно пользуются при описании этой поэзии понятием «нигилизм»). Но в то же время именно (само-)ироническая спираль определяет динамику этой поэзии, выстраивает систему ее внутренних и внешних напряжений. А также придает ей оригинальность, в силу которой Ружевичу хоть и можно подражать, но невозможно быть его «учеником», как невозможно быть «учеником» Лесьмяна.

Ружевичевское Молчание — своего рода чистилище слова, чистилище языка, искаженного преступлением, ложью, идеологией. Сегодня слово этой поэзии обретает новую динамику, возрождается его творческая мощь. Одна из последних книг поэта — «Мать уходит» — попытка нарисовать портрет современной семьи человеческой, сознающей, что она уцелела в эпоху тоталитарного зверства, но отлично знающей, что история продолжается, а грозные стихии, ныне с виду укрощенные, могут пробудиться вновь. В таком мире доверие невозможно. Однако возможно послание любви, выраженное парадоксальной формулой: «Всевидящие глаза матери смотрят на рождение смотрят всю жизнь смотрят после смерти с «того света». Даже если сын превращен в машину убийства в чудовище в палача глаза матери смотрят на него с любовью... смотрят».

Януш Андерман

Перевод
Марины Курганской

ДВА РАССКАЗА

Страна Советов

Дядюшка не любил касаться Советского Союза. Втянуть его в разговор о прошлом было невозможно. О том, чтобы записать свои воспоминания, он и слышать не хотел. «А если их случайно у меня найдут? — вопрошал он. — Что я скажу?» И тут же добавлял: «Хотя если найдут, то и спрашивать не станут, и так будет все ясно».

Этот зловещий «советский рай», ставший причиной стольких несчастий в семье, возбуждал наше любопытство, но дядя упорно молчал. Наверно, не хотел снова погружаться в ту жизнь, наверно, — но мы были слишком молоды, чтобы считаться с подобным обстоятельством. И дядюшка держал свои тайны при себе. Иногда за выпивкой выдавал какие-то обрывки, но из этих тягостных подробностей нам не удавалось составить целое. Кое-какую пищу для размышлений давало поведение его тещи, русской. Она несколько недель добиралась в наши края, чтобы навестить дочь; дядя, одолев свой срок, отправился на вечное поселение и там, думая, что никогда больше не увидит родной страны, женился на русской, однако, не прошло и четырнадцати лет, как он благополучно с ней сюда вернулся.

Эта теща; она хорошо знала жизнь и отказывалась верить, что одна семья может занимать двухкомнатную квартиру, она была убеждена, что другую семью арестовали, всех поголовно, или, в лучшем случае, выселили в какую-то отдаленную oblast'. Теща шарила по всем углам и даже заглядывала в шкафы в поисках козы-кормилицы, допытываясь, как ее спускают со второго этажа вниз, на выпас, и долго постигала тайну электрического освещения, которое, вопреки бравурным заявлениям Ленина, что «коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны», до ее села еще не добралось.

Была, однако, тема, на которую дядя охотно откликался: коррупция — явление в те годы в Польше малоизвестное; если уж подобное случалось, то именовали его взяточничеством.

— Людям там платят гроши, — рассказывал дядя, — и если хочешь прожить, приходится брать на лапу. Впрочем, это вековая традиция. Там всегда брали. Каждый, кто имел руки, брал. Так и повелось.

— Как это каждый? — удивлялись мы. — Ведь есть же занятия, где не удается брать взятки. Что тогда?

— Именно, занятия! Хорошо сказано! Само слово... занять... прямо просится...

— Да нет... Речь о таких профессиях...

— Тогда... — дядя мгновенно подавал реплику, включаясь в свою любимую игру, но сначала закуривал. После первой жадной за-

Rys. Paulina Zielona

тяжки оставалось полсигареты, а после второй окурок обжигал ему губы. «Вот там, — вырвалось у него однажды, — были папиросы так папиросы: клопы с потолка падали замертво, крепкие — ужас...»

— Тогда, пожалуйста, — говорил он сквозь вату дыма, — приведите мне пример профессии, где не удастся дать.

— Ну... — соображали мы вслух, — ведь есть же... Хотя бы, например, — мы выискивали самые немыслимые ситуации — например, если бригада в чистом поле привинчивает рельсы к шпалам...

— Ну, прям как дети! — умилялся дядя. — Это ж верная золотая жила! Начиная с продажи рельсов, шпал, болтов и инструментов! Только начиная!

— Как же? Если в чистом поле...

— Любое чистое поле где-нибудь да кончается, даже у них. И вот вам, пожалуйста, — полустанок.

— Ну и что?

— Как что? Не подмазать в этой ситуации себе дороже. Возьмем, к примеру, такой Енджеев. Там у них железнодорожная станция в двух километрах от города. Почему? В наказание, поскольку город еще при царе уперся, что не даст. И не дал, и вот уже восемьдесят лет его жители мотаются туда-сюда и проклинают свою судьбу. И тех, кто пожалел денег в девятнадцатом веке.

— Ладно, а, скажем, машинист? От кого он может получать взятки? Машинист.

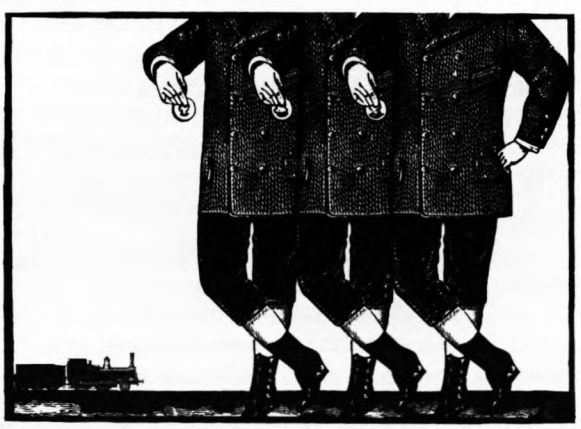
— Ой, да бросьте вы, машинист! Вот кто лопатой гребет! Это ведь от него зависит, поедет поезд или остановится в бескрайних просторах. Если пассажиры не скинутся, как доедут? А пока они думают, он сидит себе в тепле, ему не к спеху... Так что не морочьте голову!

— А вот, пожалуйста! — мы держались железнодорожной темы. — Пожалуйста! Как может брать на лапу женщина, которая сидит взаперти и через громкоговоритель объявляет о прибытии и отправлении поездов?

— Ну-у-у... — дядя посерьёзнел. — Да это просто золотое дно! Лучше не бывает.

— Но кто же ей даст? И как?

— Там, — дядя раскуривал очередную сигарету, словно жадно втягивал в рот ее содержимое, — там не принято ждать поезда на перроне. Ждать надо в зале ожидания, для порядка. Лишь когда через громкоговоритель объявят, что поезд прибыл, можно этот зал покинуть. Но сначала контролер в дверях обязан проверить билет. Он работает в паре с той женщиной, которая объявляет. Она запаздывает с информацией, а потом сообщает, что поезд, скажем в Комсомольск, отправляется через четыре минуты. Весь зал ожидания бросается к дверям, а контролер, не торопясь, рассматривает себе билеты на свет. Уже прошла минута, а он всего три проверил. ... Ну и что делать, если хочешь успеть на поезд? Делать нечего, надо дать. И пассажиры в панике пускают ушанку по кругу. А контролер делится с той женщиной, которая объявляет. Если движение на станции большое, то они быстро достигают благосостояния, только купить на нажитое все равно нечего. Конечно, и машинисту они должны отслюнить, чтобы подождал, пока пассажиры



сбросятся, и не трогался по расписанию. И начальнику поезда, всенепременно. А проводники сами о себе позаботятся, но это уже из другой оперы... Ну, что теперь скажете? Какие еще вам известны занятия, где невозможно взять? Ну?

Позднее, в восьмидесятые годы, дядя все же поддался на уговоры и принялся писать воспоминания о черных днях своей молодости. Но чтение нас разочаровало, поскольку подробностей там было не много. Дядя, почувствовав себя снова ввергнутым в ту бездну, главным образом обращался мыслью к своей стране, которую не надеялся больше увидеть никогда.

Ленин

Мы рассорились из-за Ленина, и разговор уже не клеился. Потом я вышел из ее парижского дома, где она обитала несколько лет, и кружил по улицам в поисках станции метро.

Она была второй знаменитой русской, с которой меня свела жизнь; с первой я познакомился заочно много лет назад, еще в школе, когда решил овладеть премудростями русского письменного. Молодежный еженедельник «На пшелай» печатал адреса молодых людей из нашего соцлагеря, желающих переписываться с поляками; я с помощью словарей составил письмо и отправил в Москву. Не прошло и месяца, как пришел ответ. Какой-то чудной конверт, который следовало, осторожно расклеив, расправить на столе, ибо он был исписан с внутренней стороны; таким способом советская экономика ухитрялась быть экономной по части писчей бумаги. В конверте, кроме сообщения, что отправительница письма любит музыку, кино, пешие походы и поэзию, была черно-белая фотография прекрасной девушки. Я часами со страхом всматривался в ее большие глаза, то и дело порывался писать ей и ревниво скрывал адрес от загребущих друзей. Спустя несколько месяцев, когда я уже подумывал поехать к ней — что из-за отсутствия паспорта и официального приглашения вряд ли было осуществимо, ибо Советский Союз не впускал к себе неорганизованных туристов из братской страны, — переписка прервалась; девушку с фотографии я увидел в кино. Она играла главную роль, это была звезда «Мосфильма». Школьница из Москвы за несколько копеек купила ее фото в киоске и вложила в свое первое письмо; с тех пор у меня душа не лежала к изучению русского.

Поэтесса Наталья Горбаневская, которую я навестил в Париже, была настоящей Натальей Горбаневской и к тому же говорила по-польски. По-польски мы с ней и поссорились в восемьдесят первом году из-за Ленина.

Она была в числе тех восьми, кто в 1968-м, через несколько дней после ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора, вышел на Красную площадь. Ее сын-подросток, который в парижской квартире прислушивался к нашему разговору, был девятым участником демонстрации протеста; он тогда спал в коляске. Восемь человек сели на парапет у Лобного места. Развернули несколько транспарантов: «Руки прочь от ЧССР. Долой оккупантов. За вашу и нашу свободу. Свободу Дубчеку. Да здравствует свободная и независимая Чехословакия»; их арестовали через несколько минут. В обвинительном заключении подчеркивалось, что плакаты содержали клевету и порочили советский государственный и общественный строй. Всем дали большие сроки. Лариса Богораз сказала на суде: «Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать». Ее приговорили к четырем годам ссылки.

Наталью Горбаневскую не судили; она была матерью двоих малолетних детей, и власти предпочли избежать международного скандала. Ее арестовали через год с лишним и отправили в психиатрическую

спецбольницу на принудительное лечение, там она пробыла год; ранее ее уже признали невменяемой, а диагноз поставили такой: «Не исключена вялотекущая шизофрения».

В семьдесят пятом она эмигрировала вместе с детьми. За переводы польской литературы на русский язык Н.Горбаневская была награждена премией парижской «Культуры». В восемьдесят первом я отыскал ее в Париже, и у нас сразу случилась размолвка из-за Ленина.

«Рассказы о Ленине» Зощенко были в начале семидесятых очень популярны в студенческой среде. Их достоинства становились особенно заметны при чтении вслух за кружкой пива. Это произведение было издано тридцатитысячным тиражом и сразу же предусмотрительно уценено с тринадцати злотых до двух. Неизвестно, кто первый углядел его в магазине дешевых изданий на Шевской улице в Кракове, среди словесной руды, выданной на гора́ Махееком, Путраментом, Станиславом Рышардом Добровольским* и классиками философии, не пользующимися спросом. Книгу разобрали в миг.

Зощенко был в Польше хорошо известен; его издавали еще в межвоенное двадцатилетие. Ни один автор из Восточной Европы не высмеял «советский рай» так, как он в «Голубой книге». «Рассказы о Ленине» тоже считались шедевром. Под видом коротких бесед для отсталых детей Зощенко создал житие Ленина, накадив ему с таким демонстративным обожанием, что людоед с бородкой стал чудовищно смешон. Существовали разные гипотезы, как столь абсурдной книге удалось усыпить бдительность властей и цензуры.

«Ленин учился очень хорошо, даже замечательно, — читали мы. — Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление. [...] И вот благодаря купанию и физкультуре, благодаря правильному отдыху Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу».

«Конечно, для товарища Ленина можно было бы найти наилучшую еду. Но он запрещал это делать. Он не мог позволить себе сытой жизни, когда голодала вся страна. И он даже чай пил без сахара». Ленин, глядя, куда летят пчелы, нашел домик пчеловода. «Пчеловод, увидев Ленина, до крайности удивился. Он сказал:

— Владимир Ильич, вы великий человек и великий гений. В каждом деле вы умеете находить что-нибудь особенное».

«И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил». Печник, услышав, что его зовут в Горки, испугался, поскольку однажды нагрубил Ленину. «Он говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся».

Ленин тотчас помог получить пенсию вдове кровельщика, который при жизни зарабатывал «ничего себе, довольно хорошо», так что его жена «даже пила чай внакладку». Надоедливой вдове сказали: «Только один человек может поднять

* Махеек Владислав (1920-1992), писатель. Путрамент Ежи (1910-1986), писатель, публицист. Добровольский Станислав Рышард (1907-1985), поэт, прозаик. Все трое — представители литературного истеблишмента коммунистической Польши. — *Прим. пер.*

твое дело: это Ленин. Сходи к нему, если хочешь». Вдовица узнала, что Ленин находится в Смольном, и, не мешкая, навестила вождя в тиши его кабинета.

Ленин не захотел взять рыбу у простого рыбака, которого «революция поставила на большую должность, с тем, чтобы он улучшил рыбную промышленность. [...] Рыба, не дождавшись советских сетей, уплывала в английские воды». Ленин посмотрел на рыбу с отвращением. «Он строго сказал: «У нас в стране дети голодают. Напрасно вы мне ее привезли»». Мама дорогая, подумал рыбак, что же теперь будет? Ленин даже мог пространно поблагодарить за отличную службу часового, который не дал ему пройти без пропуска в Смольный.

О том, сколько радости доставляла нам эта книга, я рассказал Горбаневской, а она посуровела: «Вы, наверное, сдурели, ведь Зощенко восхвалял Ленина совершенно серьезно, потому что хотел угодить властям».

— Исключено, — упирался я, — Ленин у него выглядит идиотом. В каждой фразе. Скорее всего, никто не отважился первым сказать об этом вслух, и рассказы сохранились для потомков.

Она даже слушать не хотела. «Так было принято писать о Ленине, писали, как о святом, — говорила она запальчиво, — все так писали! Вы ничего не понимаете. Это был Советский Союз! Зощенко написал из сервильности! Из трусости!»

— Не верю, — ответил я, — трус не мог написать такой вещи. Зощенко, должно быть, рассчитывал, что никому не взбредет в голову критиковать ее. Это лукавая книга.

Сыну Натальи Горбаневской наскучил наш разговор. Он одернул темно-серый свитер и вышел из кухни. Горбаневская со злостью без всякой надобности терла стекла очков. Я собирался спросить ее про редакции русских эмиграционных изданий, с которыми она сотрудничала, но подумал, что сделаю это в следующий раз. А через двенадцать лет, когда ей в свободной Польше вручали премию ПЕН-клуба, меня не было в Варшаве.

Из книги «Новые фотографии», «Выдавництво литерацке» 2007

Прим. Н.Горбаневской: Помню, как был у меня Януш Андерман, но совершенно не помню ссоры. На мой взгляд, мы, видимо, просто поспорили, однако расстались, казалось, вполне дружески. Я нагрузила Андермана — не только прозаика, но и переводчика с чешского — своими любимыми чешскими книжками, изданными на Западе, и потом с горечью узнала, что все их отобрали у него на границе (писатель вернулся в Польшу незадолго до военного положения).

Лешек Шаруга

РАССКАЗЫ АНДЕРМАНА

Януш Андерман (род. в 1949 г.) начинал как репортер в журнале «Студент»*. Во второй половине 70-х Андерман вошел в состав редакции независимого литературного журнала «Пульс»**. Как писатель он дебютировал в 1976 г. книгой «Игра в испорченный телефон» — повествованием о польской действительности эпохи ПНР, построенном подобно детской игре в испорченный телефон, когда первоначальный смысл после многократного пересказа деформируется и искажается до неузнаваемости. Сама словесная ткань этой прозы — не впрямую, но все же заметным образом — сигнализирует о постоянно действующем, так сказать, «факторе деформации» — цензуре. И не только цензуре, но и вездесущем соглядатайстве. Такой же прием писатель использует и в своей второй книге — «Игра на промедление». Не случайно ее герой в какой-то момент замечает: «Кружу по улицам и не могу отделаться от навязчивого ощущения, что я не один, хотя в это время город уже замирает». Рассказчики в обеих повестях — это кочующие из эпизода в эпизод неудачники, праздношатающиеся личности, одаренные острой наблюдательностью и чутким языковом слухом. Таковы они и во всех последующих книгах Андермана: «Нечем дышать», «Край света», а также в вышедшем недавно романе «Всё время» и в циклах рассказов «Фотографии» (публикация цикла до сих пор идет с продолжением в «Газете выборчей»).

В своей прозе Андерман прежде всего стремится передать атмосферу польской общественной жизни последних десятилетий, он один из немногих писателей, кто не только выискивает нелепости и парадоксы, сопровождающие изменения в стране, но и показывает разъедающие эту жизнь конфликты. При этом главным героем его прозы оказывается язык, представляющий собой пародию на разговорную речь, полную пропагандистских и журналистских клише, как, например, в рассказе о некогда популярной Велогонке мира:

«— Вы в восторге от пелетона***? Они ваш кумир? — с надеждой спрашивает (...) репортер.

— Не так чтоб очень, — с отвращением отвечает голос.

— Но вы ведь будете выражать свою поддержку красочной веренице?

— Не так чтоб очень».

Подобные диалоги и высказывания персонажей Андермана, эта своеобразная абракадабра повседневности, где слова перестают что-либо значить или утрачивают первоначальный смысл, а логика рассуждений поражает своей несвязностью, эта запечатленная в произведениях Андермана языковая магма, находящаяся в постоянном движении и постоянно порождающая комические эффекты (заметные, правда, лишь при взгляде со стороны), — свидетельствует о потерянности и страхе его героев перед непостижимой действительностью.

Из рассказов Андермана складывается мозаичная хроника новейшей истории Польши; речевые фигуры, которые мы замечаем в репликах его персонажей, — это почти отчаянное обличение мировоззренческого хаоса, где отсутствует какая бы то ни было иерархия ценностей, а основной отправной точкой в оценке действительности становится неосознанная неудовлетворенность. По сути, писатель показывает общество, члены которого, ощущая потерянность и отсутствие ориентиров, культивируют собственные комплексы и потому не способны к реалистичной самооценке.

---

* Культурно-публицистический журнал, который выходил в Кракове в 1967-1990 гг. с периодичностью 2 раза в месяц. — *Пер.*

** О «Пульсе» см. «Выписки» Л.Шаруги в этом номере. — *Ред.*

*** Пелетон (спорт.) — лидирующая группа в велосипедных гонках.

Петр Стасяк

НЕБАНАЛЬНО, ВИРТУАЛЬНО

Этот человек основывал ресторан, издавал журналы и комиксы, пробовал свои силы в таких сферах, как музыка и кинематография. Сегодня он — владелец «Мерлина», самого крупного в Польше книжного интернет-магазина. Збигнева Сыкульского очень хорошо характеризует слово, которое временами применяется в качестве определения его бизнеса, — мультимедийный.

Павильон из листового железа, расположенный в центре материально-технического обеспечения под Варшавой, производит впечатление своими размерами, но все равно остается каким-то серым и безликим. Внутри — запах свежей типографской краски и картона, километры полок и тонны книг. Среди них неторопливо кружат несколько десятков человек. Они комплектуют заказы, упаковывают их и рассылают по всему миру. Прямо-таки трудно поверить, что по другую сторону экрана, на сайте www.merlin.pl, одновременно находится 5 тыс. клиентов. А перед Рождеством их число удваивается. В течение этого периода «Мерлин» нарабатывает 40% годового оборота, а количество сотрудников в нем возрастает даже и в десять раз, так что между полками становится невозможно пройти. Каждые несколько секунд поступает новый заказ, кругом беготня, все трудятся в три смены, но в итоге за этот месяц с небольшим отсюда расходится более 100 тыс. посылок с подарками. В нынешнем году — это уже наверняка — падет очередной рекорд. Если руководителей «Мерлина» что-нибудь и огорчает, то лишь недостаток рабочих рук в такое горячее время.

В Польше не более нескольких десятков деловых замыслов в сфере Интернета благополучно миновали стадию боевого крещения и столкновения с рынком. Среди них, в частности, интернет-банк под названием mBank, некоторые порталы (Onet, Wirtualna Polska [Виртуальная Польша], Interia), аукционный сервис Allegro, коммуникаторы Gadu-Gadu (Болтовня) и Tlen (Кислород). Все они благополучно пережили 2001-2004 гг. — трудный период спада в е-экономике. Сегодня им удалось окрепнуть. У них даже существуют планы покорения новых стран; например, mBank начинает действовать в Чехии и Словакии.

Книжный интернет-магазин «Мерлин», вундеркинд Збигнева Сыкульского, тоже входит в этот список. Для достижения такого успеха магазин терпеливо трудился почти десять лет.

Шутка и Кант

Однако вся эта история берет свое начало много раньше. Не было бы никакого «Мерлина» без издательства «Прушинский и К°». Ближе к концу 80-х годов несколько институтских друзей решили шутки ради учредить компанию «Кант»*. Хотели в новогоднем номере газеты «Жиче Варшавы» выкупить место под такое объявление: «Всем своим кредиторам желаем более счастливого нового года. Компания «Кант»». В конце концов, публикация на страницах этой популярной газеты не появилась, но компания осталась. А предприимчивые приятели начали сообща вести дела. В конечном итоге их осталось четверо: Мечислав Прушинский (астрофизик), Тадеуш Винковский (философ), Яцек Герман-Ижицкий (полиграфист и африканист) и Збигнев Сыкульский (конструктор авиационных двигателей). Из этого квартета самым богатым опытом в бизнесе обладал Сыкульский, потому что работал торговым агентом в фирме «Воля». Продавал компьютеры.

---

* Как и в русском языке, это слово по-польски — не только фамилия великого философа, но и синоним слов «край, ребро, грань». Однако в польском оно имеет еще и дополнительное значение — «жульничество, мошенничество, махинация», на которое и намекали друзья-шутники. Впрочем, и по-русски у слова «кант» есть отчасти сходный жаргонный смысл: «краткий отдых, передышка, перекур; временная легкая работа». — *Пер.*

«Сумасшедшее было время. Мы были молоды, немного наивны и очень неопытны. У нас отсутствовали деньги, но зато и боязнь рисковать тоже отсутствовала», — вспоминает Тадеуш Винковский. По первому адресу фирмы прямо под полом находился сейф, где они держали миллионы злотых и облигации. Молодые люди были единственным небанковским учреждением, которое стало одним из соучредителей фондовой биржи в Варшаве. Они тогда мечтали заняться страховым бизнесом. В такой ситуации шутливое название компании стало немного мешать, и потому его изменили на «Кант ИММ». Летом 1990 г. на 100 тыс. долларов, взятых взаймы у знакомых, молодые люди основали издательство «Прушинский и К°». Это был выстрел в десятку. Их флагманская публикация, ежемесячник для женщин «Порадник домовый» («Домашний советчик»), имел в период наибольшего расцвета (в 1993 г.) тираж 3,3 млн. экз.

Хотя свою фамилию предоставил фирме Мечислав, все четыре компаньона имели в ней равные доли — по четверти. Решения принимались коллегиально. «Збышек всегда твердо ступал по земле и не витал в облаках. Из всех четырех президентов самым большим реалистом был именно он. Когда остальные мечтали и рисовали в воображении всякие картины, он спрашивал, кто за это заплатит», — вспоминает Рома Гурницкая, бывшая сотрудница и близкая знакомая всей четверки. Кроме того, он был с самого начала сильно нацелен на современные технологии, быстро влюбился в мультимедиа и Интернет.

Волшебство с улицы Гаражной

В 1996 г. Збигнев Сыкульский посетил в Америке первый и на сегодняшний день самый крупный в мире книжный интернет-магазин «Амазон». И заказал там для пробы какое-то чтиво Клайва Каслера. А две недели спустя получил бандероль. Этот факт его по-настоящему потряс.

«Поверьте мне, во времена, когда Интернет еще ползал на четвереньках, это было нечто», — говорит Сыкульский. А тогда он подумал, что в будущем подобный магазин может принести успех и в Польше. Замысел попал на благоприятную почву. Все компаньоны поддержали проект. Издательство «Прушинский и К°» приносило отличную прибыль. Их обуревало такое чувство, что деньги эти надо вложить — разумно и с толком. Только вот было не очень-то понятно, во что. Идеи выдвигались разные. Некоторые совсем никуда не годились. Например, туристическое агентство, которое обанкротилось, или больше десятка раскрученных, но потом закрытых газет.

Название «Мерлин» они позаимствовали у чернокнижника и мага из легенды о рыцарях Круглого стола — потому что тот умел делать всё. «Мерлин» сулил неплохие перспективы, хотя поначалу оказался еще и бездонной бочкой. В него закачали 10 млн. злотых. Требовалось написать компьютерную программу, которая бы распоряжалась всем, чего клиент, работая в Интернете и кликая «мышкой», не видит. «Включение новых позиций в каталог, управление книгами, базой данных, заказами, рассылкой. Я с самого начала понимал, что это не удастся выполнять вручную. Когда поступает несколько десятков заказов в день, традиционные методы срабатывают. Но когда их несколько тысяч, нужно обязательно использовать автомат», — говорит Сыкульский. Волшебная, магическая программная система, благодаря которой клиент кликал в Интернете, а через несколько дней в его дверь стучал курьер с посылкой, писалась два года.

Хотя официально магазин начал работать 1 апреля 1999 г., сайт www.merlin.pl работал в сети уже и раньше. Первые клиенты попадали на него случайно, заказывали книги, а фирма училась на ошибках. Один из первых заказов поступил из деревни под Опочно. «Рекламаций было немного», — заверяет Сыкульский.

Поначалу весь персонал «Мерлина» занимал одну комнатушку, а по вечерам посылки и бандероли упаковывались в помещении издательства на Гаражной улице, в варшавском районе Служевец. Гаражная стала, впрочем, символом. Все помнили, что в США крупнейшие предприятия в сфере е-экономики: портал Yahoo, аукцион eBay и прежде всего «Амазон» — начинали свои глобальные карьеры в гаражах собственных учредителей. «Стало быть, кое-какое сходство существует», — смеется сегодня Сыкульский.

Но уже через год-полтора после старта «Мерлина» ему было вовсе не до смеха. По всему миру лопнул тогда мыльный пузырь спекулятивных интернет-фирм, а предприятия в сфере е-бизнеса разорялись одно за другим. Но все-таки на фоне чисто виртуальных предприятий такой бизнес, как

книжный интернет-магазин, располагал солидными основаниями. Правда, для успешного функционирования «Мерлин» нуждался в громадном количестве наличных денег. А вот их-то у издательства «Прушинский и К°» было все меньше и меньше.

После прихода на рынок женских и иллюстрированных журналов сразу нескольких немецких медиа-концернов («Бауэр», «Грунер» + «Яр», «Аксель Шпрингер») там возникла огромная конкуренция. Польский издатель начал проигрывать в соревновании за читателей и деньги от рекламы. Четырем компаньонам заглянул в глаза призрак банкротства. Сыкульский — хотя и с внутренним сопротивлением — даже согласился спасать издательство путем продажи магазина «Мерлин», на который зарилась известная фирма «Агора», владелец не менее известной «Газеты выборчей».

В конце концов эта сделка не состоялась. Однако через несколько месяцев «Агора» купила газетно-журнальную часть «Прушинского» — «Порадник домовый» и 11 других наименований — за 72,2 млн. злотых. Тем самым история совершила полный круг. Потому что когда в 1990 г. бывшие журналистки разорившегося в ту пору журнала «Господыни» («Домохозяйка») сначала обратились с идеей о создании женского издания в «Агору», то руководители «Газеты выборчей» отвергли этот проект. Зато они порекомендовали дамам обратиться к четырем симпатичным парням, молодым и честолюбивым. 12 лет спустя «Порадник домовый» все-таки попал в концерн «Агора» — за изрядные деньги.

Продажа журналов и газет подправила финансовую ситуацию издательства «Прушинский и К°». Тем не менее это событие явилось для компаньонов потрясением. Внезапно они потеряли часть плодов всей жизни — медийную конструкцию, возводившуюся совместными усилиями на протяжении многих лет. Что-то в фирме дало трещину. Четыре компаньона разделили имущество и разошлись в разные стороны. Причем, хотя расстались они в добром согласии и по сей день остаются хорошими товарищами, горечь в сердцах осталась. Мечислав Прушинский издает книги и журналы. Тадеуш Винковский забрал типографию, которую превратил в самый крупный полиграфический концерн в этой части Европы. Герман-Ижицкий строит пансионат в предгорьях Бескид и ведет жизнь рантье. А Збигнев Сыкульский забрал свое дитя — «Мерлина».

Черный пояс висит на крючке

Знакомые говорят, что выход в самостоятельное плавание оказался для Сыкульского благотворным. Располагая в «Мерлине» мажоритарным пакетом акций, он им владеет и обладает решающим голосом. Говорят, в тот период, когда издательство клонилось к упадку, компаньонов уже раздражало, что существует один «Прушинский», а они втроем образуют только «К°». И вот наконец-то Сыкульский стал сам себе и рулем, и кораблем.

Сегодня ему 46 лет, и у него репутация симпатичного парня, который по отношению к сотрудникам ведет себя безупречно. Его не беспокоит, что «Мерлин» не был оригинальным замыслом, а многие из принятых в нем решений напоминают использованные в американском «Амазоне». Например, возможность добавлять рецензии на любой продукт, которая предоставляется каждому пользователю Интернета. Или знаменитая идея Джефа Безоса, создателя и владельца «Амазона», стимулировать продажи с помощью линка, то есть ссылки «Лица, которые купили эту книгу, заказали также...» (тем самым клиенту подсовывают сходные названия и подталкивают к дополнительным покупкам). У Сыкульского нет комплексов по поводу Большого брата из Америки. «Приспосабливая книжный интернет-магазин к польским реалиям, надо было решать столько проблем, что я все равно чувствую себя завоевателем», — говорит он. Впрочем, в нашем польском Интернете огромные состояния, выросшие в соответствии с компьютерным методом «копировать — вставить», — далеко не редкость. Примером может послужить хотя бы Лукаш Фолтын, который, программируя уже упоминавшийся коммуникатор Gadu-Gadu, размножил идею американско-израильской системы ICQ, в России ласково именуемой «Аська». Сегодня биржевая стоимость Gadu-Gadu достигает 0,5 млрд. злотых.

Хотя именно владелец принимает в фирме стратегические решения, Сыкульский на каждом шагу подчеркивает роль коллектива сотрудников. «Збышек много работает, но умеет пользоваться радостями жизни», — говорит Тадеуш Винковский. У Сыкульского жена-юрист и два взрослых сына. Он играет

в теннис и занимался дзюдо. Хотя черный пояс уже два года висит на крючке, Сыкульский мечтает о возвращении на татами. И признаётся, что не всё в его бизнес-карьере было успехом. В 1994 г. с большим шумом разорился продвигавшийся их издательством еженедельник «Газета родзинна» («Семейная газета»), которым руководили Сыкульский с Прушинским. Или другое. Свою кулинарную страсть основатель «Мерлина» пытался переплавить в элегантный ресторан, размещенный в большом административном здании в центре Варшавы. Но в конечном итоге Сыкульский был вынужден его закрыть. «Так уже устроен бизнес, что, кроме успехов, в нем случаются и поражения. Важно, однако, чтобы в сумме всё выходило в плюс», — комментирует начинания коллеги Мечислав Прушинский.

e-Магазин для интеллигентов

«Мерлин» пока что находится в плюсе. С того момента, как этот книжный магазин взял старт, поступления первого миллиона заказов пришлось ждать пять лет — до начала 2004 года. Второй миллион заказов набрался уже к августу 2005-го, а третий миллион — в конце сентября 2007-го. Динамика развития фирмы привела к тому, что в 2004 г. она победила в ежегодном рейтинге «Fast 50» — наиболее быстро развивающихся технологических компаний в Центральной Европе, — который готовит консалтинговая фирма «Deloitte&Touch».

В этом году поступления наверняка превысят 100 млн. злотых. «Мерлина» будет нести, как на крыльях, замечательная конъюнктура продаж в Интернете. Нынешняя осень оказалась для всех предприятий из сферы e-торговли рекордной. Согласно отчету польского отделения фирмы «Interactive Advertising Bureau» («Бюро интерактивной рекламы», «IAB Polska»), в стране имеется уже более 13 млн. пользователей интернета, из которых каждый третий делает в сети какие-то покупки. В 2006 г. эти люди приобрели товаров на сумму 5 млрд. злотых.

Поступало уже несколько предложений купить «Мерлин». Сыкульский систематически отказывает желающим. Пока он лишь допустил в компанию нового партнера — 41-летнего Петра Вилама (одного из соучредителей портала Onet.pl, несколько лет назад продавшего свои акции). За 25% долевого участия Вилам внес капитал, который «Мерлин» расходует теперь на инвестиции.

А они будут нужны. Конкуренты, до сих пор уступавшие поле боя фактически без борьбы, как раз сейчас начали просыпаться от летаргического сна. Сеть мультимедийных салонов «Эмпик» однажды уже безуспешно пыталась раскрутить продажи через интернет. Теперь она готовится ко второму заходу. «Осенью мы покажем, на что способны!» — обещает Томаш Цисек из empik.com. А прежде всего здесь важно то, что они могут себе позволить ценовую войну: у «Эмпика» 76 салонов и торговых точек в 44 городах Польши. Уже сегодня продажи через Интернет приносят «Эмпику» годовой оборот в 50 млн. злотых, а рекламную машину этой фирмы еще только собираются разогнать на полный ход. Как указывают аналитики, именно «Эмпик» — главный риф на пути «Мерлина».

Ярлык самого лучшего из книжных интернет-магазинов, который прилип к предприятию Сыкульского, может стать для него и балластом. Американский «Амазон» — это сегодня, кроме всего прочего, еще и важный игрок на рынке сбыта домашней электроники, продуктов питания или автомобильных запчастей. «Мерлин» же по-прежнему зависит от продажи книг и мультимедиа. И хотя в нем уже с давних пор предлагается электронное оборудование для дома или же игрушки, продаются они пока в минимальных количествах. Магазин когда-то торговал также одеждой и винами, но в конце концов данную мысль забросили. «Это как раз тот случай, который мы проспали», — признаёт даже сам Сыкульский. И хочет изменить ситуацию.

В мае «Мерлин» приобрел интернет-магазин e-cyfrowe.pl, который имеет дело с бытовой электроникой. Продолжаются и интенсивные работы по вступлению в новые сферы деятельности: продажу косметических средств и товаров для здоровья; инструментов и домашнего инвентаря из серии «сделай сам»; возможно, вновь одежды и вин. «Однако мы не хотим быть супермаркетом, где будут торговать шилом, мылом и хлорвинилом. Скорее думаем о сети специальных e-магазинов, объединенных совместной системой материально-технического обеспечения, которой мы уже располагаем», — объясняет Сыкульский. И всё это делается ради того, чтобы где-то не потерять волшебной магии марки «Мерлин».

Галина Воропаева

ОН СТРОИЛ МОСТЫ

Это имя возникло для меня из маленького примечания Якова Полонского к его «Татарской песне»: «Татарская песня эта была доставлена покойным Абаз-Кули-Ханом одному польскому поэту, Лада-Заблоцкому. Он перевел эту песню по-польски, прозой; я, как умел, русскими стихами...» Далее, в примечании к примечанию, сообщалось, что польский поэт Тадеуш Лада-Заблоцкий (1811-1847) учился в Московском университете и что был сослан в солдаты на Кавказ «по делу о распевании запрещенных песен». Первое обстоятельство побудило обратить на Заблоцкого самое пристальное внимание: я уже семь лет занимаюсь интернет-проектом «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» (poesis.ru), который в последние годы стал еще и книжным: выпущены два тома одноименной антологии, составляемой по хронологическому принципу, готовится третий. А тут потенциальный новый автор, по году рождения* попадающий как раз в готовящуюся книгу.

Биографические сведения, которые постепенно удавалось найти, интерес лишь усиливали: человек, оставивший след в нескольких культурах — польской, русской, белорусской, грузинской, азербайджанской. Товарищ юности Белинского. Яков Полонский писал о нем, имея в виду свое пребывание в Тифлисе в 1846 г.: «Он один посещал меня, читал мне, переводил мне стихи свои, и опять зажглась во мне неодолимая жажда высказываться стихами». Судьба, которая не может не напоминать судьбу Александра Полежаева, даже те же 34 года жизни, окажись правильной вторая версия года рождения — 1813. Но разница существенна: Полежаева схожие обстоятельства жизни если и не сломали, то, по крайней мере, убили (один из последних фактов жизни: больной скоротечной чахоткой, наказан розгами за побег из полка), Заблоцкий же прожил хотя и нелегкую, но полноценную творческую жизнь, в конце ее был назначен управляющим Кульпинскими соляными копями и умер от холеры — то есть по сути дела от несчастного случая.

Естественным следующим шагом было бы знакомство с поэзией Заблоцкого. Но, оказалось, на русском языке это сделать практически невозможно. В результате упорных поисков удалось найти лишь один русский перевод, опубликованный Марком Живовым в «Литературной Грузии» — он воспроизводится ниже. В сопровождающей статье «Польские певцы Кавказа» переводчик пишет: «К сожалению, стихи Заблоцкого до настоящего времени совершенно неизвестны ни русскому, ни грузинскому читателю»**. Со времени цитируемой публикации прошло 50 лет, но если что и изменилось за эти годы — то разве лишь то, что ставшее более глубоким в силу естественного хода времени забвение Заблоцкого дополнилось забвением еще и сделанного Живовым — по крайней мере, я не нашла никаких упоминаний в литературе о его статье и переводе.

Мне кажется, что пришло время вспомнить о Тадеуше Заблоцком независимо ни от какой магии круглых дат. Но если всё же она нужна для подкрепления уверенности, то пожалуйста: помимо упомянутых 50 лет со дня публикации единственного русского перевода***, в 2007 г. исполняется еще и 160 лет со дня смерти поэта.

---

* В литературе о Заблоцком есть расхождения относительно года его рождения: одни источники указывают 1811, другие — 1813. Второй вариант казался бы более вероятным, исходя из года поступления Заблоцкого в университет, но он нигде не сопровождается точной датой, тогда как в первом варианте она указывается: 28 августа. Мне представляется, что вопрос будет закрыт, когда не только будет дана ссылка на документ, подтверждающий тот или иной вариант, но и когда будет выяснено, откуда же возникла другая, неверная, версия.

** Если я ошибаюсь и существуют еще какие-то переводы на русский и меня уличат в ошибке — то это та самая ситуация, когда можно будет только порадоваться.

*** С переводами поэзии Заблоцкого на грузинский дело всё же обстоит лучше, чем с переводами на русский: помимо упоминающегося ниже перевода М.Туманишвили, в [3] сообщается также о переводах Г.Д.Эристави сонетов и «Алазанской долины». Добавим также, что еще больше повезло белорусскому читателю.

Надо сказать, что речь здесь не идет о каких-то новых исследованиях судьбы Заблоцкого — я использовала лишь опубликованные материалы. Таковых на русском языке обнаружилось три, все они вполне серьезны, хотя и не без противоречий друг другу, и все посвящены разным страницам жизни поэта. В [1] исследуются студенческие годы в Московском университете, арест, следствие, приговор; в [2] — кавказский период, в [3] — дружба и совместные литературные занятия с азербайджанским поэтом и историком Аббасом Кули-ханом Бакихановым. Добавив еще некоторые сведения с витебского сайта «Наш край», получаем следующую картину.

Тадеуш Лада-Заблоцкий родился в семье польского дворянина. Его родиной считается деревня Лугиничи на Витебщине. Окончив Витебскую гимназию, 26 октября 1831 г. был зачислен казенно-коштным студентом на словесное отделение Московского университета. Для поступления ему как поляку требовалось разрешение министра просвещения, и он его получил по ходатайству попечителя Белорусского учебного округа Г.И.Карташевского — с условием, что по окончании университета шесть лет прослужит учителем в Белоруссии. Имя его в университете было русифицировано: превратилось в Фаддея. Посещал ряд курсов, среди которых — курс российской словесности Победоносцева, занятия по латинскому языку Кубарева, лекции по теории искусства Надеждина. Познакомившись с Белинским, вошел в созданное им в студенческом общежитии «литературное общество 11 нумера». Вместе с Яном Савиничем организовал в среде польских студентов Московского университета тайное «Общество любителей отечественной словесности». Летом 1833 г. был арестован, исключен из университета и отправлен в Витебскую тюрьму. Об этом — во фрагменте из [1].

«В июне 1833 г. в Витебске началось следствие по политическому делу «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского городничего Силина». В донесении шефу жандармов и начальнику III Отделения гр. А.Х.Бенкендорфу от 27 июня 1833 г. генерал-губернатор Смоленской, Витебской и Могилевской губерний князь Н.Н.Хованский сообщал, что найденная песня — «самое возмутительное воззвание поляков против государя-императора и России». Расследование установило, что текст песни известен воспитаннику Витебской гимназии Гирш Браму, учителю Шепелевечу и дворянину Михайловскому. Привлеченный к допросу Михайловский показал, что он получил список песни «от студента Московского университета Ф.Заблоцкого».

Так в поле зрения сначала провинциальной администрации, а затем и высшей политической полиции империи попал казеннокоштный студент второго курса словесного отделения Московского университета Фаддей Заблоцкий.

Обвинение было серьезно. Заблоцкий уличался в распространении повстанческо-революционной песни, призывавшей к борьбе с царизмом. О содержании песни дает представление ее заключительное четверостишие (подстрочный перевод здесь заменен поэтическим переводом М.Живова. — Г.В.):

Царский трон страшнее ада,
Ныне чёрт воссел на нём.
Ждёт давно верёвка гада,
Отомстим или умрём!

29 июня Заблоцкий был арестован, 14 июля отправлен в Витебск. Из показаний Заблоцкого стало известно о существовании в Москве «тайного польского литературного общества»:

«Сие общество составилось следующим образом: я однажды предложил Савиничу издать в Москве альманах на польском языке. Здесь, кроме спекуляции, была еще цель языка. Савинич отвечал, что это без общих усилий нельзя исполнить, что для этого нужно составить общество литературное. Я сказал, чтобы он написал условия сего общества, и он это сделал; они находятся в моих бумагах. Сии условия предъявлены были Савиничем Белецкому, Каетану Коссовичу и Людвигу Максе, и они все согласились на них с большой радостью. Мы, однако же, долго не могли найти места, где бы могли собраться. Наконец, Белецкий уступил нам свою комнату, и мы в первый и в последний раз собрались 8 или 9 апреля сего года. Савинич, избранный нами предводителем (presus), во-первых, потому что он долго жил в Москве и был более нас опытен, и во-вторых, что был знаком почти со

всеми русскими литераторами, а следовательно, мог иметь всегда новейшие русские книги, прочел вступительную речь, в которой говорил о любви к отечественному языку и о том, что нужно, по возможности, каждому принесть какую-нибудь пользу литературе. Белецкий читал отрывок Гётева Фауста, Макса — следствие царствования Сигизмунда III, а я — стихотворение, находящееся в моих бумагах под заглавием «Мечта» (Mara). Это только было одно собрание у нас, и после единодушно мы оставили его, во-первых, потому, что не надеялись в таком малом числе издать что-нибудь хорошее, во-вторых, потому, что каждое тайное общество, хотя самое невинное, строго запрещено правительством. Кроме условий выраженных, мы еще обязывались по возможности знакомить русских с польскою литературою, а это произошло оттого, что студенты Московского университета, не зная польской литературы, худо о ней отзывались. А вследствие того Савинич издал польскую грамматику и приготовил к печати польско-русский карманный словарь, кроме сего перевел сочинение Мациевского о законодательстве славянском. Этот последний перевод он предпринял по просьбе М.Погодина, профессора университета, а я помещал разные извлечения из польских журналов в «Телескопе» и «Телеграфе»».

Естественно, что в своих следственных показаниях Заблоцкий избегал говорить о политических настроениях участников общества и ограничился характеристикой их вполне легальных литературных планов и намерений. Характерно, что Заблоцкий уклонялся и от разъяснения следствию единственно уязвимого пункта в тексте устава общества — требование хранить его существование в тайне, что резко противоречило невинности изложенных задач кружка и специально прокламированному отказу в его деятельности от политики».

Следствие длилось долго — около двух лет. Часть этого времени Заблоцкий провел на свободе, собирая материалы для задуманного труда «История цивилизации и литературы славянских народов» и сочиняя стихи, в основном посвященные родному краю. В июне 1835 г. было вынесено решение государственного Совета — Заблоцкого и двух его товарищей лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу. Окончательный приговор, утвержденный Николаем I в 1837 г., гласил: «Трех первых отдать в рядовые в Кавказский корпус, в разные батальоны...»

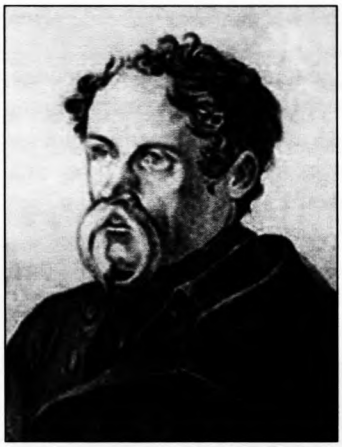
Летом 1837 г. Заблоцкий был доставлен сначала в Таганрог, а затем в станицу Безопасная и определен в батальон саперов. В 1838 г. находился в Царских колодцах в Тифлисе, в 1839 г. участвовал в походе против лезгин, был с полком в Шемахе, Кубе, Хазре. В 1842 г. с Нейшальской инвалидной командой жил то в Тифлисе, то во Владикавказе, то в Кайшауре. От военной службы был освобожден в 1843 г. — по состоянию здоровья и без права возвращения на родину. В том же году совершил путешествие вдоль границ Турции и Персии, в 1844-1846 гг. жил в Тифлисе. В ссылке, несмотря на тяготы солдатской службы, продолжал литературные занятия. Стихи, которые он писал на польском языке, публиковались в польских журналах «Атенеум», «Звезда», «Рубон», «Литературный ежегодник»; в 1845 г. в Петербурге издателем Ромуальдом Подберезским был выпущен сборник «Poezje Tadeusza Łady Zabłockiego». Переводил на польский язык Пушкина, в частности перевел поэму «Кавказский пленник». Изучал историю, литературу, этнографию народов Кавказа, собрал большой материал о грузинских и азербайджанских писателях. Работал над сочинениями «Опыты поэтические», «Материалы к истории славянской цивилизации и литературы», «Взгляды на историю грузинской литературы»; все они остались в рукописях. В Тифлисе присоединился к литературному кружку князя Михаила Туманишвили, который стал его ближайшим другом и познакомил его с поэтом Николаем Бараташвили. Заблоцкий и Туманишвили перевели по стихотворению друг друга: «Чашу» с грузинского на польский и «Алазанскую долину» с польского на грузинский. В 1846 г. познакомился с Полонским, дружил и занимался совместной литературной работой с А.К.Бакихановым, помог перевести на русский язык его сочинение по истории восточного Закавказья «Гюлистан-Ирам», Бакиханов же помог Заблоцкому с переводом на польский ряда собранных им народных азербайджанских и персидских песен.

Как это ни удивительно, но и отношения Заблоцкого с местным начальством складывались довольно благоприятно. Так, например, Живов цитирует фрагмент записки с характеристиками ссыльных поляков, поданной наместнику: «Отставной поручик саперов Заблоцкий с отличными способностями и непоколебимой честности, хороший писатель, но знает очень хорошо русский язык. (...) Здоровье

Заблоцкого весьма расстроено». В январе 1847 г. канцелярия наместника выразила благодарность за подаренные им в публичную библиотеку «разные книги». А после его смерти в августе того же года газета «Кавказ» сообщила, что «в Кульпах умер от холеры управляющий кульпинскими соляными промыслами Лада-Заблоцкий, обладавший значительным поэтическим талантом».

Вглядываясь снова и снова в судьбу забытого поэта, я вдруг подумала, что Тадеуш Лада-Заблоцкий — человек будущего, если по неистребимой привычке советских времен представлять себе будущее светлым. Ведь при несомненной любви к родному языку и родной культуре — любви, за которую было заплачено всей жизнью, — он был открыт каждой иной культуре, с которой его столкнула судьба. И вся его деятельность в литературе была, по сути дела, построением мостов между разными культурами.

Очень хотелось бы, чтобы переводчики-полонисты ввели по-настоящему это имя в русскую культуру. Тем более что сборник стихотворений Тадеуша Лады-Заблоцкого доступен: его свободно можно получить в Российской государственной библиотеке.



Тадеуш Лада-Заблоцкий

Тадеуш Лада-Заблоцкий

Перевод Марка Живова

НА ВЕРШИНЕ ДЖВАРИС-АГМАРТИ

Средь молний, под дождём, над бездной повисая,
С громами спор ведя, снега одолевая,
Вершины я достиг взнесённой к небу кручи,
Над головой лазурь, а подо мною тучи.
Они несутся вдаль, как океан безбрежный,
И лишь порой средь них пик засверкает снежный, —
И снова мгла. Но вдруг волшебный жезл пророка
Прорежет темноту, и видит ясно око
Сквозь бездну облаков, пурпурных на закате,
Как Терек пенится, Арагва волны катит.
Но шум и рокот волн сюда не долетают,
И буря жизни здесь меня не настигает.
О, как мне здесь легко! Как сердце воле радо!
Играет солнца луч на льдах цветами радуг,
На девственных снегах огнём пылают зори.
Как сладостно мне плыть душой в безбрежном море,
Где не уловит слух метелей завыванья,
Людские жалобы и горькие стенанья!
Земные долы — вам «прости» я посылаю,
И людям низменным, которых презираю.
О, я переступил теперь земные грани,
И завершился круг мучительных скитаний.
Постиг природу я и ощутил здесь вечность,
Миров передо мной простёрлась бесконечность.
Как сокол, вознесусь я над землёю тленной
И буду наравне с властителем вселенной!

Литература
1. М.Полякова. Студенческие годы Белинского. // Литературное наследство. № 56. М., 1950.
2. М.Живов. Польские певцы Кавказа. // Литературная Грузия, 1957, № 6.
3. Рейхман Ян. Тадеуш Лада-Заблоцкий и Аббас-Кули-хан Бакиханов (Кудси). // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Т.XXXVIII, 1960.

Войцех Орлинский

НЕОБХОДИМА ЛИ ПОЛЬША?

У любителя польской фантастики теперь только один выход — взять неделю-другую отпуска и укрыться где-нибудь в глуши, чтобы спокойно насладиться последним романом Яцека Дукая. Его лучшим романом.

Два года тому назад Дукай в известном эссе «Жалоба любителя кирпичей» на страницах «Газеты выборчей» просто объявил себя приверженцем традиционной, характерной для XIX века прозы, «широко разлитой на сотнях страниц, с эпическим дыханием, втягивающей так, что человек полностью погружается в чтение и вечер за вечером возвращается к нему, проваливаясь в фиктивный мир».

Идя наперекор модам и рыночным тенденциям, Дукай действительно регулярно предлагает читателям такие книги — «Лёд» занимает больше тысячи страниц, причем всех выпускников «курсов быстрого чтения» я должен предупредить, что Дукай — это не Стивен Кинг, быстрое чтение «по диагонали» — здесь просто недоступная опция.

Мало того, что не стоит Дукая читать «по диагонали», так как тут что ни фраза, то афоризм, так еще действие его романа отличается исключительной насыщенностью — трудно сосчитать все трупы, все смертельные поединки или хотя бы все тяжелые травмы, какие получает герой, сражаясь с многочисленными противниками или просто силами природы.

Быстро развивающееся действие «Льда» может даже обескуражить любителей Дукая — до сих пор его книги вызывали уважение интеллектуальным размахом и свежестью мысли (как бы в укор теоретикам, утверждающим, что в фантастике уже нельзя придумать ничего по-настоящему нового), но редко когда они читались с румянцем на щеках. Между тем, «Лёд» — роман остросюжетный par excellence.

Самое время уже написать что-нибудь об этом сюжете — хоть я и помню, что в том же эссе Дукай язвительно отзывался о романах, содержание которых можно изложить «в трех фразах». «Лёд» действительно так изложить не удастся.

Вместо этого попробуем описать. Действие «Льда» происходит в 1924 г. в альтернативной реальности, от нашей отличающейся тем, что́ разбилось в 1908 году в районе сибирской реки Подкаменная Тунгуска. В нашем мире там упало нечто неизвестное (астероид? ядро кометы?), во всяком случае это нечто наделало много шума и привело к тому, что далеко за пределами Сибири еще в течение многих недель наблюдались явления белых ночей.

В мире Дукая на тунгусском метеорите на нашу планету прибыл заглавный «Лёд». Что это, собственно, значит? Это главный герой романа и пытается понять на протяжении нескольких сотен страниц. Остальное же человечество 1924 года знает лишь, что на самом месте тунгусской катастрофы теперь царит так называемый абсолютный ноль — - 273° по Цельсию, температура, ниже которой запрещает опускаться физика.

Более того, волны холода, излучаемого с места удара, постепенно захватывают всю Российскую империю, достигая даже Варшавы. При этом оказывается, что вблизи абсолютного нуля происходят химические реакции, приводящие к возникновению нового типа минералов, добыча которых приносит огромные прибыли.

«Лёд» Дукая в буквальном и переносном смысле замораживает империю Романовых — денежный поток, хлещущий из добывающей промышленности, возвращает шатающейся царской России статус великой державы. В мире этого романа никогда не было первой мировой войны, а значит, и октябрьской революции, нет также речи о независимой Польше.

Однако герой романа — поляк: Дукай любит показывать нам свои необычные миры глазами соотечественника, вероятно, справедливо полагая, что родственность героя как-то поможет нам найти себя в этом мире. Впрочем, на этот раз роли меняются: скорее герой книги заставляет нас взглянуть своими глазами на польскую повседневность — вслед за Бенедиктом Гереславским, главным героем «Льда», мы начинаем задумываться, необходима ли Польша как таковая.

Разве в 1918 г. мы обрели независимость — как мы любим рассказывать в нашей национальной мифологии — благодаря духовной ценности нашей культуры? А может, это произошло благодаря исключительно ловкой политике Дмовского и Пилсудского или же оказалось просто счастливым стечением обстоятельств, чем-то вроде неожиданной ошибки исторического банкомата, который ошибся в нашу пользу и выплюнул пачку банкнотов, не имеющих обеспечения на счете?

В мире «Льда» такой ошибки не случилось. Поляки в романе производят впечатление людей, примирившихся с отсутствием надежд на обретение независимости, зато Сибирь после столетия ссылок «к белым медведям» они знают как собственный дворик и, значит, великолепно реализуют себя в роли пионеров молниеносно расцветшей промышленности, базирующейся на добыче и обработке новых минералов.

О независимости все еще мечтает Пилсудский, время от времени взрывающий сибирскую инфраструктуру и мечтающий взять российскую империю в клещи в союзе с Японией. Большинство поляков — не говоря уже о русских — считает его безответственным террористом, но, быть может, «товарищ Виктор» знает о тунгусской загадке что-то, чего не знают другие?

Царские власти явно вынуждены рассматривать такую возможность, раз они решают послать в Сибирь главного героя — сына ссыльного, который исчез где-то в ледяной беспредельности. На эту тему кружат самые фантастические слухи — согласно некоторым из них, он даже установил связь с тем, что взорвалось над Подкаменной Тунгусской.

Бенедикта Гереславского, вечного студента, выбитого из колеи, спившегося, азартного игрока, задолжавшего всем варшавским ростовщикам, царские власти в результате отправляют — чисто выбритым, элегантно одетым и посаженным в транссибирский экспресс — с миссией, которой он сам до конца не понимает. Ясное дело, различные влиятельные организации заинтересованы в том, чтобы он не доехал (или, наоборот, доехал), так как от его миссии зависят интересы разнообразных частных корпораций, спецслужб, военных разведок, религиозных сект и террористических группировок.

Хотя еще одно слово краткого изложения было бы уже преступлением, так как выдало бы читателям следующие сюжетные повороты, все-таки скажу, что воображение Яцека Дукая подбрасывает нам комментарии, которыми измененный ход истории сопроводили Николай Бердяев, Лев Троцкий, Григорий Распутин, Тадеуш Котарбинский, Никола Тесла, Вацлав Серошевский и уже упоминавшийся Юзеф Пилсудский. Зато я не выдам, с кем из этого перечня Гереславский встретится лично.

Эта книга Дукая больше, чем любая из прежних, заигрывает с современными польскими вопросами. Не был ли случайно год 1989-й такой же неожиданной ошибкой истории в нашу пользу? И — хотя бы на этот раз — не упустим ли мы выигрыша?

Сколько правды в мифах «поляка — вечного конспиратора» или «polnische Wirtschaft»? Дукай напоминает об участии поляков в хозяйственном завоевании Сибири до 1908 г. — факт, который мы вытеснили из национального сознания, так как сочетание слов «поляк в Сибири» автоматически должно ассоциироваться у нас с закованным в кандалы ссыльным, а не с бизнесменом, прикуривающим сигару от горящей банкноты, хотя и это правдиво. Более того, по описаниям Серошевского, свою ссылку рассматривавшего как научную экспедицию, после отбытия срока ссыльный нередко становился бизнесменом.

Вопросы, которые до сих пор ставил Дукай в своих романах, грешили академической абстрактностью — например: «Как бы выглядел космический корабль, если бы истинными были представления древних греков о физике?» («Другие песни»). На этот раз перед нами блестящие вопросы, прямо касающиеся польской повседневности, — и при этом можно ломать над ними голову, следя за захватывающим сюжетом, достойным Ладлума.

Никита Соколов

ДРУГАЯ РУСЬ

День народного единства и фильм «1612» глазами историка

Трудно себе вообразить праздник с историческим основанием, но без календарной привязки к событию. Отчасти поэтому изобретенный три года назад День народного единства получился изначально увечным: достоверно известно, что 4 ноября 1612 года ни по какому календарному стилю в Москве «никаких происшествий не случилось» (см. статью Стефана Братковского «Как оно было с этим Кремлем» в «Новой Польше», 2005, №12. — *Ред.)*.

Но это полбеды. Никакой праздник немыслим без ясного осознания празднуемого события. И с этим у Дня народного единства дела тоже обстоят неблагополучно. По данным последних соцопросов «Левада-центра», 48% россиян не знают, что именно они отмечают 4 ноября, а 59% заявляют, что отмечать ничего не намерены.

Ожидалось, что фильм Владимира Хотиненко «1612», созданный чуть ли не по заказу Администрации Президента, даст ответы на все вопросы. По крайней мере предложит мифологию и ясную тональность праздника: что и как мы празднуем. Ожидание небеспочвенное — такое уже случалось.

Андрей Смирнов, сделав в 1970-м фильм «Белорусский вокзал», поставил на место кичливых генералиссимусов, узурпировавших это торжество в свою пользу, и вернул празднику победы его подлинное человеческое измерение. А Эльдар Рязанов, снявший в 1975 году «Иронию судьбы, или С легким паром», нашел и закрепил верную тональность светло-грустного новогоднего праздника. Поэтому фильмы эти ежегодно показывают накануне или в самый день торжества. Они сделались неотъемлемой частью праздника, своего рода камертоном. Продукт, изготовленный Владимиром Хотиненко, вызывает в этом смысле глубокое разочарование.

Rys. Ignacy Czwartos

И это вдвойне досадно: исторический сюжет Смуты и вправду может пригодиться для понимания словосочетания «народное единство». Но создателей «1612» это, судя по всему, интересовало в последнюю очередь.

От разочарования ничуть не спасает то, что «1612» сделан с истинно голливудским размахом, «богато и пышно». В этой пышности режиссер видит важное отличие своего творения от фильма Пудовкина «Минин и Пожарский», снятого в 1939 году на тот же сюжет: «Да, там поражали масштабом некоторые сцены, но перья у гусар, вырезанные из бумаги, — хоть и трогательно, но бедно. У нас — роскошные перья», — похвастался он в газетном интервью.

Роскошные у команды Хотиненко не только перья, роскошно избыточен полет фантазии авторов в изображении удали и геройства тех, кого режиссер в Смутной эпохе готов считать «нашими». Пересказать содержание фильма затруднительно: эпизоды следуют один за другим вне всякой хронологической или сюжетной связи. «Наших» представляет в первую очередь холоп Андрей, бывший дворовый человек Годуновых, попадающий в услужение к знатному испанскому наемнику-пушкарю. После смерти хозяина Андрей рядится в его одежды и спасает от поляков царевну Ксению Годунову, и с ней целый город Наволок, и под конец едва не становится русским царем. Действие разворачивается на «историческом фоне» борьбы русского народа с бесчисленными интервентами — «шляхтичами», «гетманами», «нунциями» и прочими супостатами.

Все это сопряжено с изощренным натуралистическим кровопролитием — оно, видимо, тоже числится по разряду роскоши. Заключительный удар шпагой в рот, которым поразит Андрей гетмана в кульминационной сцене, камера будет смаковать добрых три минуты до окончания агонии злодея. Высидеть у экрана эти три минуты без аэрофлотского аварийного пакетика смогут только люди с очень крепкими нервами. Всем остальным пакетик может пригодиться уже к середине фильма. Если считать тональность фильма тональностью праздника, то многие хотиненковский вариант истолкуют как день всенародного единения садистов. Но замысел не так прост.

Способы усечения голов и вообще расставания персонажей с жизнью, языком или глазами действительно представлены в большом разнообразии. Но в самых неожиданных эпизодах обнаруживается поразительное целомудрие. Юного наследника — Федора Борисовича Годунова — по версии создателей фильма, умертвил анонимный польский гетман, раздавив ему сапогом горло. Дело не вполне понятное, ибо достоверно известно, что реальные убийцы наследника — князья Голицын и Мосальский, дворяне Молчанов и Шерефединов и трое безвестных стрельцов — безуспешно пытались задушить жилистого и отчаянно сопротивлявшегося Федора, пока не взяли его за «таеные уды и раздавы».

Объяснить уклонение от возможности показать замысловатый сексуально-садистский кадр можно только последовательностью Хотиненко, нарочито стремящегося ни в коем случае не изобразить чего-нибудь так, как было на самом деле — с точки зрения общедоступной ученой истории. Впрочем, то, что фильм «1612» настырно и нахально неисторичен, — не промах, а позиция, которую режиссер провозгласил в одном из интервью: «Достоверной истории не существует. Есть мифология истории, а не некая правда, которую хотят исказить». Прояснил он свою позицию ссылкой на известный кадр Сергея Эйзенштейна, «где матросы и солдаты лезут на ворота. И хотя никто ни на какие ворота никогда не лез, тем не менее эпизод существует как художественная правда».

Ввиду особого статуса заказчиков хотиненковского блокбастера его «художественная правда» приобретает особый общественный интерес. В чем эта правда заключается — и какую мифологию праздника можно из этой правды вывести?

Зритель, задавшийся таким вопросом, оказывается в недоумении довольно продолжительном: обилие нелепиц поражает воображение. Зрителю, может, и любопытно бы знать, отчего герой-татарин, верный мусульманин, носит польскую фамилию Костка? Отчего после сокрушения ворот русской крепости в образовавшуюся лазейку поляки бросаются не просто в конном строю, а еще развернувшись цепью (чего мировая военная практика не знала до времен Павла Грачева, отправившего на штурм Грозного танки без пехотного прикрытия)? Вопросов такого рода образуется множество. Но ответов никаких не дается — некогда: жанр фэнтези диктует высокий темп.

Впрочем, кое-где человек, не лишившийся здравого смысла и не совсем забывший школьный курс родной истории, настораживается всерьез. Как Федора Годунова мог убить польский гетман, хотя в Москве в 1605 году никого из польских «высокопоставленных лиц» еще не было и хотя известны реальные — русские — имена его убийц? Совершенно непонятно. Зато благодаря этому становится понятен общий замысел новой картинки Смуты. Она, с точки зрения команды Хотиненко и его заказчиков, есть борьба русского народа с иноземцами.

Для тех, кто сразу не уловил мысль режиссера, воевода Пожарского сообщает, что «под Москвой сойдутся две силы». Первая, конечно, «наши» — русские. Противная сила представлена исключительно иностранцами, в основном — поляками.

Такая схема для людей, специально занимающихся отечественной историей, — большое новшество. Концепция «иностранной интервенции» впервые была введена в оборот в сталинские времена, но и тогдашние услужливые борзописцы не решались отрицать, что интервенция лишь осложнила ход междоусобицы.

Смута, вообще-то, — это гражданская война между несколькими партиями внутри самого Московского государства. Предельно упрощенно: война между «опричной» партией приверженцев неограниченного самодержавия и партией сторонников более либеральной модели, выработанной в Древней Руси. В ходе этой «домашней» распри каждая из сторон искала помощи внешних союзников.

Одной помогали шведы, другой — литовцы, поляки и казаки.

В 1609 году сразу у нескольких лидеров в разных лагерях возникла идея прогнать всех наличных «царей» и вместе выбрать одного общего. Первые попытки успеха не имели, но в 1611-м на сцену выступил нижегородский староста Кузьма Минин, выдвинувший программу избрания новой московской власти «по совету всей земли». Но всего этого в фильме нет. Нет даже самого Минина.

«Государственный порядок», по Хотиненко, восстанавливается на Руси силами одной лишь «исполнительной власти» — князем Пожарским. Причем немыслимым для того времени способом — насаждением абсолютного самодержавия. Под лозунгом, сформулированным холопом Андреем, уравнявшим «царя в голове и царя на земле».

В реальности всё гораздо интереснее. Решалось дело в прямой полемике на небывалом Земском соборе, куда были созваны представители «всей земли», получившие от избирателей наказ говорить «вольно и бесстрашно».

Хотиненко гнет свое, но историческая реальность упрямо сопротивляется. И всякий раз, когда у фэнтезийного повествования концы не сходятся с концами, а повествователь загоняет себя в тупик, находится мистический выход: в кадре является белый единорог, и чудесным образом фильм движется дальше.

С мистичностью единорога тоже не все ясно. По большей части сцены с ним можно отнести к области видений, но прагматичный татарин Костка после одного такого видения внимательно обнюхивает оставленную на кусте прядь единорожьей шерсти, а испанский идальго рогом чудесного животного, способного исполнить все желания, залечивает рану на груди. И поскольку Хотиненко, несомненно, прав, утверждая, что «такая художественная правда и сохраняется в преданиях наиболее устойчиво», не исключено, что следующие поколения россиян будут считать праздник 4 ноября днем «народного единорожества»: «Един царь, един рог, един народ».

Между тем в событиях Смуты действительно можно найти основания для празднования народного единства. И дело вовсе не только в несамозваном царе. В ту эпоху было обнаружено, что в России может существовать сообщество граждан, лишенное сословных и имущественных барьеров. В ополчении участвовали не только именитые бояре, но и рядовые служилые люди, «торговые мужики» и даже крестьяне, которых за то и призвали в кои-то веки на Земский собор.

Единство это преодолевало и менее важные тогда, но особенно существенные теперь племенные барьеры. В ополчении и соборе участвовали наряду с великороссами и татары, и мордва, и черемисы.

Но, думаю, самым главным тогдашним открытием была невиданная прежде в Московском государстве форма политического единства центра и периферии. Уездные посадские миры в годы Смуты не единожды подумывали, не бросить ли к чёрту зажравшуюся столицу и не зажить ли спокойно наособицу. Но жить наособицу оказалось накладно, и тогда земские люди с окраин решили сами воссоздать государственный центр. Но поставили одно условие: этот центр должен принимать решения не ради «бездельной корысти» московских бояр, а в интересах и «по совету всей земли».

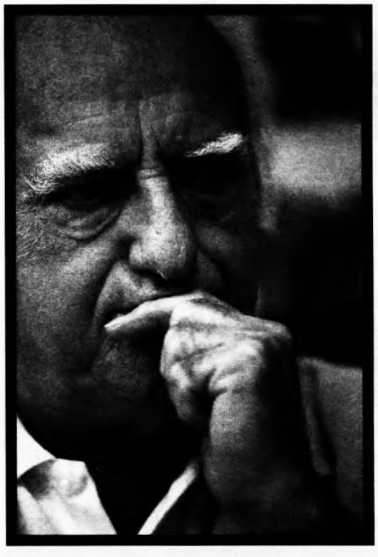
Сильная могла бы быть идеологема праздника, если бы инициаторы его искренне хотели утверждения в России благоустроенного правового государства и прочного гражданского общества. Но «совет всей земли» им, очевидно, без надобности.

большой город

Перепечатывается с любезного разрешения редакции журнала

Тадеуш Любельский

ОКОЛДОВАННЫЙ КИНЕМАТОГРАФОМ



Знаменательно, что Ежи Кавалерович умер в самом конце того же самого года, в котором — несколькими месяцами раньше — ушли из жизни Ингмар Бергман и Микеланджело Антониони. Он был моложе них, однако принадлежал к той же самой когорте визионеров, околдованных кинематографом, которые в 50-е годы создавали новую форму киноискусства. В своей книге «Больше, чем кино» (опубликованной в 2001 г. в литературной обработке Северина Кусмерчика и Станислава Завислинского) Кавалерович признавался в страстном желании снять такой фильм, где он рассказал бы о необыкновенном мире, в котором он рос и развивался. «Этот мир, давно уже скрывшийся за полосой тени, кажется [ныне] нереальным и особенным — со своими обычаями, нравственностью, образом мыслей, стилем жизни». И завидовал Бергману, сумевшему показать его в фильме «Фанни и Александр».

Византия и Рим

Кавалерович принадлежал к исчезающему кругу художников, которые сформировались в мире польских «восточных окраин». Местечко Гвоздец близ Коломыи, где он родился и рос, где его отец был начальником почты и куда сам режиссер уже никогда после войны не возвратился, лежало — как это определял сам Кавалерович — «на пограничье Византии и Рима». Населявшие его три национальности: евреи, составлявшие большинство, украинцы и поляки — жили в согласии и взаимном уважении. Ритуалы этого мира сделались матрицей его дальнейшего мышления о действительности: тут и спектакли в гвоздецком доме «Сокола», к которым постановщик — двоюродный дед режиссера со стороны отца — привлекал всю местную интеллигенцию; и трапезы в Рождественские сочельники, во время которых вместе садились к столу по тридцать человек, а потом на санях все ехали на рождественскую мессу; и летние купания в Пруте, «самой чистой реке мира»... Кавалерович переносил в свои ленты не только запавшие ему в память фрагменты этого мира — больше всего, пожалуй, в «Корчму» (1982), а также в «Мать Иоанну от ангелов» (1960), где он воссоздал монастырь отцов-бернардинцев в Гвоздеце. Переносил режиссер в послевоенную кинематографию и правила, установленные этим миром и усугубленные осознанием того, что он безвозвратно кончился: терпимость и уважение к инаковости, торжественность и размах, благородную наивность, умеряемую отсутствием иллюзий.

Кавалерович был среди создателей «польской школы», пожалуй, единственным художником — наряду с Тадеушем Конвицким, — который уже в ранней молодости стал маньяком кино. Кинематографом он заболел в Станиславе (ныне Ивано-Франковске), где ходил в гимназию, а отец его гимназического товарища был владельцем кинозала «Тон», одного из самых красивых в межвоенной Польше (кстати говоря, в том здании по сей день работает студийный кинотеатр под названием «Люмьер»). На протяжении трех последних довоенных сезонов Кавалерович не пропускал там ни одного фильма и до конца жизни считал этот период апогеем мирового киноискусства. Раньше, еще в киношке «Марс» в Коломые, он успел увидеть немой кинофильм «Камо грядеши», которым был очарован. И впоследствии ему уже не потребовалось длительного обучения искусству кино. Кавалерович ограничился годовым курсом кинематографической подготовки, который он в 1945/1946 учебном году (параллельно с учебой в Академии художеств) прошел по улице Юзефитов, 16 в Кракове (сейчас там Музей истории фотографии), — вместе с Войцехом Хасом и Натаном Гроссом*, — а потом уже учился киноделу на съемочной площадке в качестве ассистента у таких довоенных специалистов, как Бучковский и Зажицкий, затем у Ванды Якубовской, когда та работала над «Последним этапом».

* Н.Гросс (1920-2005) — кинорежиссер, писатель, поэт, журналист, который в 1950 г. выехал из Польши в Израиль; публиковался на польском языке и иврите.

Среди многочисленных заслуг Кавалеровича в развитии польского кино есть и носящие организаторско-продюсерско-наставнический характер. Он был первым представителем поколения послевоенных дебютантов, который добился успеха как режиссер. Его «Целлюлоза» (1953), поставленная еще в сталинскую эпоху и выполнявшая пропагандистские задачи, которые партия возлагала в ту пору на кинематографию, вместе с тем не уступала достижениям тогдашнего европейского кино. Благодаря этому ее создатель пользовался доверием власти, но вместе с тем еще и завоевал авторитет в собственной среде, где сделался естественным лидером в переломную для послевоенного польского кино эпоху после октября 1956-го. Тогда-то, став художественным руководителем творческого объединения «Кадр», Кавалерович собрал вокруг себя всех самых одаренных творцов будущей «польской школы», включая Тадеуша Конвицкого, Анджея Мунка и Анджея Вайду. В «Кадре» возникли самые важные фильмы школы: «Канал» и «Пепел и алмаз» Вайды, «Человек на рельсах» и «Эроика» Мунка, «Последний день лета» Конвицкого и «Крест за доблесть» Казимежа Куца. Впрочем, в «Кадре», преобразованном в 1989 г., наподобие других кинообъединений, в продюсерскую студию, Кавалерович оставался руководителем вплоть до смерти (не считая 1968-1972 гг.).

Кстати говоря, Кавалерович в течение целого ряда лет играл специфическую роль профессионального лидера, одновременно представлявшего собой — по причине членства в партии (никогда, однако, не обретавшего черт идеологического доктринерства) — что-то вроде защитного зонтика, распростертого над его профессиональной средой. В рамках этой роли он стал в 1966 г. первым председателем Союза польских кинематографистов, а потом, с 1978-го, когда его сменил на этом посту Анджей Вайда, — пожизненным почетным председателем Союза; в тех же самых рамках он покровительствовал появлению Фестиваля польских художественных фильмов в Гданьске.

Любовь и политика

Однако прежде всего Кавалерович был первым польским кинематографистом, который думал о создании фильмов в категориях формы. Он менял общепринятые фабульные условности и жанровые формулы, у него не было и никакой «тематической одержимости», которой режиссер старался бы соблюсти верность. Хотя стó ит напомнить, что Алиция Гельман, автор проницательных аналитических исследований, посвященных его фильмам, обратила внимание на определенную закономерность: в фильмах Кавалеровича, посвященных эмоциональным связям между женщиной и мужчиной (а это и было темой режиссера в период «польской школы», что выделяло его на ее фоне), вырисовывается постоянная схема двух пар, из которых одна, находящаяся на переднем плане, переживает любовь в ее крайнем измерении, а вторая, образующая фон, представляет собой тривиальное отражение первой. Лучше всего это видно в двух наивысших художественных достижениях режиссера (во всяком случае, относящихся к тому периоду) — в современном «Поезде» (1959) и исторической «Матери Иоанне от ангелов» [(1961)]. Позднее, в период после «польской школы», любимой темой Кавалеровича сделалась политика, механизмы борьбы за власть, которые он анализировал либо в манере универсальной исторической притчи — как в «Фараоне» (1965), либо в рамках поэтики реалистической реконструкции драмы, случившейся на начальном этапе Второй Речи Посполитой, — в «Смерти президента» (1977).

Однако в первую очередь Кавалерович считался режиссером, одержимым художественной формой, а также таким, который знает о кинематографическом ремесле всё. Читая недавно том воспоминаний кинорежиссера Януша Маевского «Ретроспективочка», я обратил внимание на фрагмент, где создатель «Урока мертвого языка» (1979) рассказывает, как, вступая на рубеже 50-60-х в круг кинематографистов-профессионалов, он старался избегать обязательной тогда ассистентуры. «Я боялся, что слишком надолго застряну на должности ассистента или даже второго режиссера и надежда на дебют отодвинется на многие годы. Впрочем, откровенно говоря, помимо Кавалеровича, я и не видел ни единого режиссера, от которого мог бы чему-либо научиться». И дальше в том же самом абзаце идут его замечания о наблюдениях за работой этого мастера во время съемок «Поезда» (где Маевский сыграл эпизодическую роль): «Он был тираном (...) но его тирания всегда преследовала только одну цель: стремление к безупречности во всех мелочах. Если Кавалерович требовал от сотрудника лучшего результата работы, то всегда знал, как ему нужно действовать, чтобы этого достигнуть. Видно было, что он великолепно знал все ремёсла, которые участвуют в создании фильма. Такое знание порождает уважение и готовность сносить любые требования, потому что это не каприз, но оправданное и хорошо обоснованное стремление к совершенству».

* * *

«Поезд» — это фильм Кавалеровича, к которому я возвращаюсь чаще всего. Он нисколько не состарился. И представляет собой совершенно выверенную конструкцию, в пределах которой все образующие ее элементы — от покачивающегося поезда до ролей актеров и мелодии, которую напевает, мурлыча вполголоса, Ванда Варская, размещены точно на своем месте. И вместе с тем эта лента по-прежнему кажется произведением открытым, всякий раз заново приглашающим к совместному переживанию зрительского приключения.

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В конце декабря — начале января в печати традиционно появляются всевозможные рейтинги и статьи, подводящие итоги культурных событий прошлого года. Сегодня мы сосредоточимся на литературе и кинематографии.

■ Издательский рынок процветает. По данным «Газеты выборчей», в 2007 г. доходы издательств побили все рекорды. Было издано почти 13 тыс. новых наименований книг. Какие из них продавались лучше всего? Вот несколько самых показательных примеров.

Главным бестселлером стало «Свидетельство» кардинала Станислава Дзивиша и Джанфранко Свидеркосчи — продано 850 тыс. экземпляров. Второе место (170 тыс.) разделили книги «Польская кухня. 1001 рецепт» и «Новые приключения Николя» Ж.-Ж.Семпе и Р.Госсинни. Тиражом почти 150 тыс. экземпляров разошлась книга о. Тадеуша Исаковича-Залеского «Священники и госбезопасность на примере Краковской архиепархии», посвященная люстрации духовенства и вызвавшая в свое время настоящую бурю в СМИ. «Трактат о лущении фасоли» Веслава Мысливского, награжденный в прошлом году двумя крупными литературными премиями — «Нике» и Премией города Гдыни, — купили 38 тыс. читателей. Переизданный (по случаю выхода фильма Тома Тыквера) «Парфюмер» Патрика Зюскинда разошелся тиражом 144 тыс. экземпляров, а книга Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского «ФСБ взрывает Россию» — 42 тысячи. Очень хорошо продавались книги умершего в прошлом году Рышарда Капустинского. Лучше всего — «Путешествия с Геродотом» (44 тыс. экземпляров), «Бурлящий поток истории» (35 тыс.) и «Черное дерево» (свыше 33 тыс.). Большим успехом пользовался также сборник интервью Витольда Береся и Кшиштофа Бурнетко «Капустинский: мне не охватить всего мира» — было продано 77 тыс. экземпляров. Сборник чешских репортажей Мариуша Щигела «Готтланд» нашел 16 тыс. покупателей, а одна из самых нашумевших книг прошлого года, эссе Ярослава Марека Рымкевича «Вешанье», — всего 4 тысячи.

■ **Именно «Вешанье» признал лучшей книгой 2007 года Кшиштоф Маслонь в своем личном рейтинге, опубликованном на страницах газеты «Жечпосполита». «Совершенно правы те, кто читает это превосходное историческое эссе, посвященное драматическим событиям 1794 г, когда в Варшаве, Вильне и Кракове были казнены изменники родины, в современном контексте», — написал критик во вступлении. И закончил свою рецензию тоном моралиста: «Если события, описанные в книге Рымкевича, могут нас чему-нибудь научить, то прежде всего тому, что измена государству и ренегатство должны быть наказаны». Напомним, что в прошлом году значительно бóльшую известность, чем «Вешанье», Ярославу Мареку Рымкевичу принесло интервью, в котором он заявил, что абсолютно все действия Ярослава Качинского — благо для Польши. Благотворны даже «его ошибки и промахи, его неудачи и неудавшиеся начинания». В том же интервью Рымкевич сравнил Польшу с сонным зубром, которого Качинский разбудил: «Он укусил зубра за задницу и благодаря этому войдет в историю». Поэт без колебаний приравнял бывшего премьера к маршалу Пилсудскому.**

Второе место в списке Маслоня занимает «Остров» Эустахия Рыльского, третье — «Эксцентрики» Влодзимежа Ковалевского. Главными разочарованиями года критик «Жечпосполитой» назвал «Бегунов» Ольги Токарчук, «Тайную вечерю» Павла Хюлле и «Дойчланд» Анджея Стасюка.

■ Несколько кинокритиков огласили на страницах «Дзенника» список десяти самых выдающихся фильмов 2007 года, в котором нашлось место (последнее) только для одной польской картины — «Двое и немного времени» Анджея Баранского. Фильм рассказывает о непростой дружбе поэта Мирона Бялошевского со слепой Ядвигой Станчак — личностью очень интересной и к тому же литературно одаренной. Прекрасные образы создали в этом фильме Кристина Янда и Анджей Худзяк.

■ **С точки зрения кинематографии оценила минувший год в «Жечпосполитой» Барбара Холлендер. По мнению рецензентки, польские режиссеры все еще боятся политических и социальных тем. Свести счеты с прошлым решился лишь Анджей Вайда в давно ожидаемой «Катыни». «Быть может, этот фильм — несколько монументальный и схематичный, но очень важный, — проторит путь следующим», — пишет Холлендер. Критик одобрительно отзывается о «Штучках» Анджея Якимовского и фильме Дороты Кендзежавской «Пора умирать». Первая картина повествует о вступлении в жизнь, вторая — об уходе из жизни. Обе они несут надежду, которая в польском кино, охваченном в последнее время депрессивными настроениями, представляет собой достойную упоминания новость. То же самое**

можно сказать о крупице оптимизма в фильме Томаша Вишневского «Все будет хорошо» и о его немалой дозе в «Заповеднике» дебютанта Лукаша Пальковского. И еще одно: в прошлом году в Польше побывали в кино 32 млн. зрителей.

■ В конце 2007 — начале 2008 года польская кинематография понесла две тяжелые утраты: скончались Ежи Кавалерович (проживший 85 лет) и Эдвард Клосинский (65 лет). Кавалерович, режиссер и сценарист, один из создателей знаменитой польской киношколы, «фараон польского кино», как назвали его в одной из прощальных речей, за свою жизнь снял 17 фильмов. Среди них были такие знаменитые, как «Мать Иоанна от ангелов», «Аустерия», «Поезд» (в советском прокате «Загадочный пассажир»), «Фараон», «Смерть президента», «Пленник Европы» и «Камо грядеши». В прошлом году на Фестивале художественных фильмов в Гдыне Ежи Кавалерович был награжден «Платиновыми львами» за творчество в целом. Из своих фильмов он больше всего ценил «Мать Иоанну от ангелов» по рассказу Ярослава Ивашкевича. ««Мать» — это мой самый совершенный фильм, — говорил он. — Содержание и форма сливаются в нем в единое целое. Много лет спустя я подумал, что не мог бы сделать этого по-другому». Урна с прахом Ежи Кавалеровича была захоронена на аллее Заслуженных военного кладбища в варшавских Повонзках. В последний путь режиссера провожали родные и близкие, сотрудники, а также многочисленные поклонники его таланта — в частности, президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, министр культуры Богдан Здроевский, Анджей Вайда, Барбара Брыльская, Юлиуш Махульский и Ежи Зельник. (Статью Тадеуша Любельского о Ежи Кавалеровиче – см. в этом номере).

■ **Эдвард Клосинский, один из самых выдающихся польских операторов, соавтор успеха нашего кино в 70-80-е годы, участвовал в съемках более чем 60 фильмов. Своей формой ему обязаны такие известнейшие картины, как «Земля обетованная», «Иллюминация», «Человек из мрамора», «Защитные цвета», «Барышни из Вилько», «Без наркоза», «Распорядитель бала», «Человек из железа», «Мать Крулей», «Хроника любовных происшествий», «Декалог-2», «Три цвета: белый». После его смерти Тадеуш Соболевский написал: «Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Кшиштоф Кеслёвский, Феликс Фальк, Януш Заорский, Марек Котерский и Ежи Штур находили в нем художественного партнера. Он соединял в себе черты великого профессионала и художника, воспитанного на живописи Вермеера, Рембрандта, Хоппера».**

На протяжении 27 лет Эдвард Клосинский был мужем Кристины Янды. «Они познакомились на съемках фильма «Человек из мрамора», — вспоминает Барбара Холлендер. — Долгие годы жили в Милянувеке, в старой вилле «Затишье». У них родилось двое сыновей. Вместе они воспитали и дочь Янды от первого брака Марию Северин. Актриса — энергичная и полная идей — всегда подчеркивала, сколь важной опорой был для нее муж. Он успокаивал ее, напоминал, что́ важно в жизни. И помогал во всем. Он стоял за камерой, когда она снимала «Косточку», последние несколько лет организовывал вместе с ней театр «Полония»».

«Он никогда меня не подводил. У этого человека нет слабостей», — написала о муже Кристина Янда в своем блоге.

■ Свой 25-й юбилей отмечает ежеквартальный журнал «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»), основанный в Париже Барбарой Торунчик. С 1992 г. редакция размещается в Варшаве, а тираж журнала составляет 6-8 тыс. экземпляров. «Тираж у нас такой же, какой был у довоенных «Вядомостей литерацких» и у «Культуры» Ежи Гедройца в период расцвета, — подчеркивает Торунчик и добавляет: — Такого тиража нет сегодня ни у одного европейского литературного журнала, сравнимого с нашим». За четверть века «Зешиты» повидали много литературных знаменитостей. Здесь печатали свои произведения Чеслав Милош, Иосиф Бродский, Вацлав Гавел, Милан Кундера, Збигнев Херберт, Ян Котт, Станислав Баранчак, Адам Загаевский и Томас Венцлова.

Русская литература всегда была широко представлена на страницах журнала, который с успехом популяризировал творчество Ахматовой, Цветаевой, Набокова, Бродского. Последний даже входил в редколлегию «Зешитов». В юбилейном сотом номере были напечатаны три его стихотворения 60-х годов, а также «Сероглазый король» и «Гость» Анны Ахматовой, произведения Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака (все в переводе Збигнева Дмитроцы). Томас Венцлова опубликовал обширные фрагменты своего дневника, связанные с автором «Остановки в пустыне» и озаглавленные «О последних трех месяцах Бродского в Советском Союзе». Они попрощались в Ленинграде возле почты на Невском. «Я дал ему бутылку «Малунининку» [литовской крепкой настойки], — записал Венцлова, — чтобы он выпил ее вместе с Оденом. А потом мы показали друг другу знак «V», два пальца, — и это было всё».

По случаю юбилея Барбаре Торунчик прислал поздравительное письмо выдающийся итальянский писатель Клаудио Магрис. В заключение он написал: «От всей души желаю следующей тысячи номеров. Или скорее, как сказали бы китайцы, следующих десяти тысяч». Мы присоединяемся к этим пожеланиям. (О «Зешитах литерацких см. также в «Выписках из культурной периодики» Лешека Шаруги в этом номере.)

• В рамках празднования 25-летия журнала редакция «Зешитов литерацких» присудила «Почетные и благодарственные грамоты», а также

титулы «Меценатов литературы и изящных искусств» заместителю главного редактора «Газеты выборчей» Хелене Лучиво, президенту Фонда им. Стефана Батория Александру Смоляру, Кшиштофу Апту, организовывавшему редакцию в Париже, и Адаму Михнику. На торжественной встрече в редакции «Газеты выборчей» были вручены премии «Зешитов литерацких». Премию им. Павла Херца для переводчиков получили Иоанна Гузе и Малгожата Лукасевич, издательскую премию — Ян Зелинский, премию за поэтический дебют — Наталья де Барбаро, премию за эссе — Юлиуш Куркевич.

■ С января лодзинский Новый театр носит имя Казимежа Деймека. В постановлении городского совета подчеркивается, что с именем Деймека, одного из основателей и многолетнего директора театра, связаны самые выдающиеся достижения этой сцены. На ней он поставил «Баню» Маяковского (1954), спектакль «Тьма окутала землю» Анджеевского (1957), «Житие Иосифа» Миколая Рея (1958), «Акрополь» Выспянского (1959) и «Оперетту» Гомбровича (1975).

■ **Кристина Курчаб-Редлих, автор сборника репортажей «Головой об стену Кремля» (в следующем номере мы опубликуем рецензию на эту книгу. — *Ред.*) получила почетную премию Познанского смотра издательских новинок «Книга осени 2007» — за честное и добросовестное представление непростой действительности посткоммунистической России. «Головой об стену Кремля» — это захватывающее описание 14 лет, проведенных в России, которая за это время, по словам автора, «прошла путь от коммунистического небытия к демократии и... обратно».**

Особенно важна в этой книге тема Чечни, куда Курчаб, многолетний корреспондент польских СМИ в России, неоднократно ездила. В снятых ею документальных фильмах представлены вопиющие случаи нарушения прав человека в Чечне. Во время встречи из цикла «Профессия — репортер» в познанском театре «Восьмого дня» Кристина Курчаб-Редлих сказала: «Я не адвокат чеченцев, я — охотник за фактами. Кремль подверг чеченцев моральному и физическому террору, а мир — террору лжи. Я не борюсь за свободу Чечни — я борюсь за правду о ней». В рецензии же, опубликованной на страницах «Политики», написано, что эта книга «не просто критически оценивает состояние российской демократии. Автора заботит скорее «изгнание» дьявола апатии, овладевшего российским обществом».

■ В краковском издательстве «a5» вышел сборник Виславы Шимборской «Счастливая любовь и другие стихи» с красной розой на обложке. 20-тысячный тираж разошелся мгновенно. Такого избранного нобелевской лауреатки мы еще не видели — более 40 лирических стихотворений и стихов о любви, начиная с самых старых и кончая последним, ранее не публиковавшимся стихотворением «Если бы». В сборнике есть стихи спокойные и шутливые, драматические и полные меланхолии или нежной иронии, как, например, «Мужское хозяйство». Случаются проникновенные элегии, такие как незабываемое стихотворение «Кот в пустой квартире», начинающееся со слов «Умереть — так с котом нельзя». Есть и самое, пожалуй, известное стихотворение поэтессы «Ничто не случается дважды» из изданного в 1957 г. сборника «Призыв к Йети», ставшее популярным благодаря песне, которую пела Луция Прус. Как пишет издатель Рышард Крыницкий (сам поэт), Вислава Шимборская не сразу согласилась напечатать этот сборник. Хорошо, что в конце концов ее удалось уговорить. Получился прекрасный том. В рецензии, опубликованной на страницах «Дзенника», Магдалена Мечницкая размышляет, что такое любовь (для Шимборской означающая бунт против общества, человеческой природы и судьбы) в сегодняшнем мире, где любовным безумием нас шантажируют чуть ли не все песни, фильмы, телесериалы и массово издаваемые романы. И с горечью отвечает: это норма, необходимость, обязанность. «Если нам не везет в любви, мы не только остаемся в одиночестве, но и чувствуем себя отбросами общества, маргиналами. Ибо то, что когда-то было бунтом против мещанской скуки, сегодня стало квинтэссенцией мещанства. Героиня стихов Шимборской еще этого не испытала. Любовь для нее — лишь бегство от мещанства, а не мещанский императив».

■ **В списке «Прощания-2007», опубликованном шведской газетой «Дагенс нюхетер», Рышард Капустинский упоминается как одна из десяти самых выдающихся личностей, ушедших от нас в прошлом году. Кроме него в список вошли, в частности, бывший президент России Борис Ельцин и убитая надежда пакистанской оппозиции Беназир Бхутто, а из деятелей культуры — российский виртуоз виолончели Мстислав Ростропович, итальянский тенор Лучано Паваротти, шведский режиссер Ингмар Бергман и эстонский писатель Яан Кросс. Автор заметки о Рышарде Капустинском Ханне Кьёллер написала, что «он унес с собой в могилу свой особый взгляд на Африку», наиболее полно представленный в «Черном дереве». По мнению шведского комментатора, польский писатель с редкой убедительностью показал жителей Африки такими же, как мы сами, равными нам, европейцам. «Капустинский никогда не похлопывал их покровительственно по плечу. Он всегда смотрел им прямо в глаза и благодаря этому мог говорить о них столь важные вещи».**

■ Незадолго до первой годовщины смерти Рышарда Капустинского (он умер 23 января 2007 г.) в издательстве «Знак» вышла книга «Я дал голос бедным» с предисловием вдовы писателя Алиции Капустинской. Книга представляет собой запись последнего путешествия

и встреч Капустинского с итальянской молодежью в городке Больцано. Писатель рассказывал школьникам и студентам о встречах с Другим. Героями его рассказов были тутси, хуту, ненцы, чуваши, амхара, индейцы Боливии, народы индийского субконтинента... В книге читатель найдет также лекцию Капустинского в Тридентском университете и биографию писателя авторства двух итальянских журналистов: Наталины Мосна и Альберто Кончи. «Несмотря на всю жестокость, которую он пережил, несмотря на болезни, насилие, нужду, Рышард был таким, каким его увидели студенты в Больцано, — написал Павел Смоленский в «Газете выборчей». — Невысокий, с шаркающей походкой, улыбчивый, заинтересованный, деликатный, терпеливый, извиняющийся. И добрый. Он давал голос бедным. Даже если они были неправы — ведь вокруг не было никого другого, кто бы за них заступился». Именно таким он и был, таким мы его и запомним.

От редакции: Прибавим, что на сайте газеты «Нью-Йорк таймс» (http://movies.nytimes.com/awardsseason/oscars2008.html) идет голосование по кандидатурам, выдвинутым на премии «Оскар». Оно, разумеется, не определяет результатов голосования Американской киноакадемии, однако может повлиять на ее (хотя бы некоторых) членов. Самое мощное голосование, по численности голосующих намного обогнавшее все остальные категории, идет в категории «Иностранный фильм». Здесь «Катынь» Анджея Вайды соперничает с австрийским («Фальшивомонетчики»), израильским («Бофор), казахским («Монгол») и российским («12») кинофильмами. В момент редактирования этой хроники (6 февраля, 23.30) за «Катынь» было подано 91% голосов, за австрийскую картину — 3%, за израильскую, казахскую и за «12» Никиты Михалкова — по 2%. Вручение премий «Оскар» состоится 24 февраля.

Кинофильм Анджея Вайды широко обсуждается в русском ЖЖ, особенно после того как Наталья Горбаневская вывесила свою рецензию из №7 «Новой Польши» за прошлый год (http://ng68.livejournal.com/7687.html#cutid1). 7 февраля один из участников ЖЖ оставил в своем дневнике запись: «Кстати, новая скрижаль польского национального канона — фильм Вайды «Катынь» — доступен в сети в отличном качестве. Все дружно скачиваем и учимся настоящему патриотическому воспитанию подрастающего поколения» (http://favorov.livejournal.com/).

А Виктор Шендерович еще 27 октября, после закрытого просмотра кинофильма в Польском культурном центре, писал в своем ЖЖ: «В основе фильма — документальная, по дням и часам восстановленная история Катыни. МЫ должны это увидеть и узнать. НАМ, а не полякам, надо бы посмотреть всей страной фильм великого Вайды. Да не по одному разу, — а пока не выблюем из себя Сталина и имперское хамство, вернувшееся под новыми псевдонимами; пока не почувствуем вину перед мертвыми. Хотя бы своими, для начала: в СССР таких непокаянных катыней — тысячи...

А мы все празднуем свое величие и учим мир духовности». (http://shenderovich.livejournal.com/20103.html).

Вопреки ожиданиям многих кинокритиков фильм Анджея Вайды «Катынь» не получил премии «Оскар».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Годовщины за годовщинами... И сам я недавно выступал в качестве музейного объекта как один из редакторов неподцензурного литературного ежеквартального журнала «Пульс», который мы основали с Яцеком Березиным, Витольдом Сулковским, Тадеушем Валендовским (никого из них троих уже нет в живых) и еще несколькими друзьями 30 лет назад. По этому случаю в Лодзи выпустили специальный номер журнала (№13-бис — нумерация тем более забавная, что 13-й номер не вышел: весь тираж изъяли органы накануне военного положения), куда вошло избранное из «отечественного» журнала (у «Пульса» было продолжение в эмиграции, но состав лондонской редакции был уже другой). С некоторым удивлением я обнаружил, что большинство перепечаток сохранило свою жизненность — это касается, в частности, дискуссии, начатой статьей Адама Михника «Творческая интеллигенция и коммунизм в Польше после 1945 года», в которой принял участие и Густав Герлинг-Грудзинский. Эта дискуссия продолжается, собственно, до сих пор, обрастает более или менее интересными комментариями, публикуются всё более интересные материалы из архивов Института национальной памяти, часто поразительные. Тут невозможно излагать это и обсуждать, но на одно я хотел бы обратить внимание: на то, что уже тогда, во второй половине 70-х, начались те споры и дискуссии, которые по сей день влияют на формирование позиций и по-прежнему кажутся нерешенными. А у меня такое впечатление, что окончательного решения не будет никогда. Ибо на прошлое мы всегда смотрим с точки зрения уже свершившейся истории и «лучше знаем», что следовало делать, чем те, кому тогда надо было принимать такие решения и совершать такой выбор, о которых им не только пришлось пожалеть, но против результатов которых они сами потом должны были бороться, как это было хотя бы с Виктором Ворошильским, первым главным редактором «Записа» — первого «подпольного» литературного журнала: сразу после войны он (1929 г.р.) обратился в коммунизм.

Слово «подпольный» я сознательно беру в кавычки. Редакции наших журналов — не так, как через несколько лет, во время военного положения, — были явными: мы открыто печатали в каждом номере фамилии редакторов, их адреса и телефоны. Подпольной была — и должна была быть — техника: процесс печати, раздобывание бумаги, организация типографского оборудования и материалов. А пишу я об этом, потому что часто вынужден всё это объяснять своим студентам, родившимся в 80-е: им непонятно, как это нельзя свободно купить любое количество бумаги или печатный станок, не говоря уж о том, что сама деятельность цензуры представляется им варварством, в цивилизованном мире не имеющим никакого оправдания. Я стараюсь растолковать им положение культуры в порабощенном обществе так, как в 70-е мне приходилось объяснять многим моим радикально настроенным друзьям, что то, что мы делаем, делаем затем, чтобы в будущем иметь возможность этого не делать. Ну и теперь празднуем годовщину за годовщиной — событий, гражданских начинаний, различных независимых акций. Среди нас есть и такие, кто стремится учреждать некие организации ветеранов, что, с одной стороны, меня забавляет, однако с другой — представляется вполне осмысленным: я вижу причины, по которым период часто многолетних трудов — тогда рассматривавшейся как «общественная работа» — следует включить в трудовой стаж и учитывать при выходе на пенсию.

Впрочем, это разговор на целую отдельную статью. Между тем юбилейные размышления, особенно связанные с возникновением независимой печати в коммунистические времена — того, что по-русски называется самиздат, — наводят внимание на некоторые затруднения, связанные с теми давними независимыми издательскими начинаниями. Это не были затруднения, возникавшие только внутри Польши, касались они и эмиграции. Интересным материалом на эту тему может служить статья Барбары Торунчик, напечатанная в последнем номере **«Зешитов литерацких»** («Литературных тетрадей», 2007, №4/100) в связи с 25-летием этого ежеквартального журнала. Вот как она описывает начало своей деятельности — а это было во время военного положения, когда художественные проблемы выглядели делом маргинальным: «Когда мы учреждали «Зешиты литерацке», образцом нам служил Ежи Гедройц. В особенности Ежи Гедройц — издатель первого номера «Культуры», редактор журнала в 50-е годы, создатель «Библиотеки «Культуры»»».

Обращая внимание на политические обстоятельства создания журнала Гедройца и сильный натиск политики, Торунчик подчеркивает: «Даже Чапский прощался с потерянным раем чистой живописи, когда после войны связывал свою судьбу с «Культурой». Однако первый номер этого журнала, включая статью Чапского, воспроизводил, словно контрнаступление против разрушений, принесенных войной, карту великой европейской культуры с именами Поля Валери, Бенедетто Кроче, Федерико Гарсии Лорки на обложке. Здесь должен был прокладываться путь в будущее. И название журнала было выбрано в соответствии с этим вызовом: «Культура» (а не «Политика», как назывался журнал, издававшийся Гедройцем до войны в Варшаве). (...) В польской культуре мышления, однако, традиционно действовал закон «Благородно, увы», о чем Милош напоминал на страницах «Культуры» уже в 80-е, в статье, которая так и называлась. Так что не забудем, что первыми, кто в Польше отважно и без комплексов требовали свободы в искусстве во имя независимости и интеллектуального уровня польской культуры, были Витольд Гомбрович, Чеслав Милош, Константы А. Еленский, Юзеф Чапский, Ежи Стемповский, Густав Герлинг-Грудзинский. Авторы «Культуры», как мы о них привыкли думать».

В 1982 г., когда возникла инициатива издания нового журнала, положение казалось по-своему похожим на послевоенное. Торунчик пишет: «Когда мы в Париже в 1982 г. начинали издавать «Зешиты литерацке», Ежи Гедройцу было 76 лет, и он продолжал выполнять свою политическую миссию. В этом он был, как всегда, незаменим. (...) В те горячие денечки первой «Солидарности», военного положения и потом 1989-го года редактор и не мог, и, наверное, не захотел бы предоставить свои страницы переводам Баранчака из Бродского и Шекспира, статьям Войцеха Карпинского о Ницше, Ван Гоге, Гофманстале (...). В 1981 г. Гедройц продолжал чувствовать себя творческим и активным, обращенным в будущее. Еще не пришла пора, говорит он в «Разговорах в Мезон-Лаффите в 1981 году» (...) печатать работы о творчестве «разбойничьих писателей», то есть подводить итоги и осмысливать огромные достижения польской эмиграции — «его» писателей (...). Может быть, он был прав. Роль комментатора, извлечение выводов из полученных уроков, как правило, выпадает следующим поколениям. (...) Прозвучал наконец вопрос, всегда сопровождавший книги, строящие мост в будущее, особенно в Польше. Кто-то из нас должен был им задаться. Таким-то образом и были созданы «Зешиты литерацке»».

Характеризуя свой журнал, Барбара Торунчик пишет: «В журнале с первого номера существовала рубрика «Срединная Европа». Публиковавшиеся там писатели сыграли огромную роль в великом повороте 80-90-х годов. Бродский, Ахматова, Цветаева, Набоков, Исайя Берлин, Михник, Гавел, Голан, Кундера, Венцлова, Элиаде, Чоран — вот имена, появлявшиеся в этой рубрике, и, пожалуй, те же люди оказали тогда наибольшее влияние на наше личное, неполитическое понимание свободы — это излюбленная тема Бродского и Набокова, Цветаевой и Гавела. Но и Гомбровича, неизданные произведения и письма которого мы тоже печатали, и Чапского, дневниками которого мы начали наш издательский путь. Книгой Адама Загаевского «Солидарность и одиночество» (...) в 1986 г. открылась «Библиотека «Зешитов литерацких»»; эта книга была духовным манифестом мыслителя и художника времен «Солидарности»».

Шло время: «Когда мы переносили «Зешиты литерацке» из Парижа в Варшаву, Ежи Гедройцу было 84 года. Он издавал «Культуру» еще 10 лет. Он воздвиг себе нерукотворный памятник. (...) Споры, которые он вызывал, угасли, к сожалению, с его смертью в 2000 году. Уже никто не побуждает к дискуссии о нашей публичной жизни с такой, как у него, энергией, изобретательностью и вкусом, а к издательской деятельности — с таким безошибочным ощущением таланта автора и ранга его произведений. Как будто сразу после смерти Гедройца в нашей умственной жизни пропала мера, критерии, умение различать. Сегодня мы стоим перед новыми требованиями. Ежи Гедройцу не нужно было задаваться вопросами, как издавать элитарный журнал во времена рыночной экономики и массовой культуры, диктата вкусов гротгеровского патриотизма (синонима плоского «романтизма». — *Л.Ш.*), пропагандируемого государственным телевидением в интерьерах из «Династии». Во времена независимой Польши, которой управляет система партий, где любая коалиция приемлема, даже союз бывших активистов «Солидарности» родом из демократической оппозиции с радикальными традиционалистами из борцов за независимость и крайними националистами. Где министр просвещения изгоняет из школ книги Гомбровича и Конрада, ширит ненависть, послушание, конформизм [речь идет о бывшем министре Романе Гертыхе]. Где правит закон прибыли и закон минимализации затрат, особенно государственных расходов на культуру и занимающиеся ею журналы, по природе убыточные. Где высокой культуре не служит меценатом ни государство, ни бизнес (за немногими похвальными исключениями). Часто я задаю себе вопрос, что бы сказал нам сегодня Ежи Гедройц».

Думаю, известно, что бы он сказал. Как обычно, подчеркнул бы, что даже в таких трудных условиях, как эмигрантские, «Культура» сумела выжить без мецената, который ставил бы ее в зависимость от себя, и сохранила полную независимость — несмотря на то, что существовала в пространстве, где действовали законы рынка и закон минимализации затрат. И сумела выжить еще и потому, что нашла золотую середину между политикой и культурой. Так, впрочем, происходит и сегодня. Живут не только — все время борясь с финансовыми трудностями — «Зешиты литерацке», но и другие достойные внимания элитарные журналы, такие как, с одной стороны, быдгощский «Квартальник артистичный» («Художественный ежеквартальный журнал»), а с другой — гданьский **«Пшеглёнд политичный»** («Политическое обозрение»).

В последнем номере этого гданьского журнала (№85-86, 2007) — среди учредителей которого в 1982 г. в условиях полного подполья (а значит, прошел еще один юбилей: 25-летие) был, кстати, сегодняшний премьер-министр Туск — мы находим несколько статей, подводящих итоги прошлогодних парламентских выборов. Выбираю отрывки из статьи Михала Вархали «Третье повествование, третий путь»:

«Что дальше? Мы стоим на поле брани после культурной войны. (...) Есть у нас и новая исходная точка, и новая, либеральная партия у власти, партия, которая обещает новую надежду и даже экономическое чудо. Это хорошие условия для того, чтобы создать новое повествование о Польше, о польской модернизации — повествование, в котором не было бы забыто прошлое (и до 1989-го, и после), но правда была бы показана без идеологических упрощений, не заметая сор в углы во имя «выбора будущего». Так, чтобы прошлое действительно могло стать трамплином нынешней и в особенности будущей деятельности. Замазывать прошлое, считать, что оно несущественно, — это всегда кончается возвращением старых демонов, приводит к тому, что в конце концов они захватывают власть над настоящим. (...) «Священные истории», предлагавшиеся как апологетами Третьей Речи Посполитой, так и «нравственными революционерами» Четвертой, были идеологическими картинками, предназначенными как раз для того, чтобы замазать истины, невыгодные с точки зрения текущей политики и текущих интересов. Их целью было ликвидировать двусмысленность, тяготеющую над прошлым, загнать его в ясные схемы — будь то «выбора будущего» (предвыборный лозунг Квасневского. — *Л.Ш.*), будь то «исторической политики» (пропагандистская политика Качинского. — *Л.Ш.*). А в этой схеме — укоренить безальтернативную картину сегодняшнего дня. Ее противникам оставалось бы только смириться с ярлыками экстремистов или членов «системы».

Сегодня священная история Четвертой Речи Посполитой, созданная «Правом и справедливостью», положена на лопатки. Однако было бы плохо, если бы новая политическая исходная точка стала просто возвратом к гегемонии священной истории апологетов Третьей Речи Посполитой. Если бы новые правители (а вместе с ними верхи интеллигенции) позволили захватить себя волне «антикачизма» и по образцу этих апологетов вместе с водой неудачливости ПиС вылить и ребенка их верного социологического диагноза болячек польской демократии. Новое повествование, написать которое мы сегодня имеем возможность, не должно стать новым гегемоном, который заменит гегемонов павших или гегемонов несостоявшихся. Оно должно быть настоящим метаповествованием, которое извлечет уроки из ошибок и извращений предыдущих повествований. (...)

Откуда черпать материал для этого нового повествования? Идей сегодня кружит в плюрализированном польском дискурсе немало, чему способствовал карнавал «семантической революции» 2003-2004 гг., то есть периода, когда эта революция еще не превратилась в войну «ПиС против всех». (...) Правы, вероятно, те, кто считает, что сегодня основная задача — восстановить общественное доверие, а путь к этому ведет через реактивацию идеи общности, охватывающей и тех, кто до сих пор функционировал за ее рамками. Да только республиканство, образец которого — первая «Солидарность», нуждается в отчетливом концептуальном развитии. (...) Но эту задачу может выполнить лишь подлинно открытый дискурс, глашатаи которого поймут, что как нет сегодня возврата к революционной напыщенности, точно так же нет возврата и к «мягкому релятивизму» 90-х годов, в рамках которого любые разговоры об общности были подозрительны, а царил навязчивый интеллигентский нарциссизм, поучающий всех, кто с его приговорами не соглашался, что они «не доросли до демократии»».

Что же, вспоминаются слова одной песни, которая приобрела огромную популярность во время военного положения: «Мы хотим быть собой». Но как? Войцех Млынарский в те же времена пел: «Делай свое». Ясно. Вопрос только: вместе или по отдельности? Одно несомненно: о Польше нет одного-единственного повествования. Да так оно и лучше всего.

Ежи Помяновский

ЭТУ КНИГУ НЕОБХОДИМО ПРОЧИТАТЬ

По выбору Ежи Гедройца в его издательстве «Институт литерацкий» («Литературный институт», издательство парижской «Культуры». — *Пер.*) вышла 541 книга — среди них особого внимания заслуживают «Мои воспоминания» Вацлава Сольского, и особенно внимания русских читателей. Тому есть несколько причин, отнюдь не заурядных. Автор, родившийся в 1897 г. (скончался в США на 94-м году жизни), сын лодзинского врача, сразу после начала мировой войны уехал с семьей в Москву, уже полную польских беженцев. Там он попал в круги самого левого крыла революционеров. И так глубоко он в них погрузился, что среди 429 фамилий в именном указателе к толстому тому его воспоминаний мы находим не только почти всех вождей польской компартии, расстрелянных по приказу Сталина в 1938 г., но и ведущие фигуры советского истеблишмента. Тут есть Бухарин и Ворошилов, Литвинов и Луначарский, Каменев, Карахан, Зиновьев, Радек, Раковский, Раскольников и его жена Лариса Рейснер («никогда не видел женщины красивее» — пишет Сольский), есть Крупская, Крестинский, Крыленко, Молотов, Стеклов, Тухачевский, Чичерин и Володарский — называю только тех, с кем Сольский встречался лично. Более того, несколько раз он говорил с Лениным и Троцким, а первым большевиком, который произвел на него сильное впечатление, был Дзержинский. Но в том, что рассказывает Сольский об этих личностях, нет ни следа придыхания или частных пристрастий. Автор — отнюдь не сентиментальный мемуарист, он хочет быть свидетелем своей эпохи и уже в первых словах вступления к книге заявляет:

«Авторы чуть ли не всех воспоминаний (...) дополняют своим воображением то, что сохранили в памяти. А я по профессии писатель, так что мне было бы еще легче дополнить и приукрасить. Поэтому с первой же страницы хочу пообещать читателям и себе самому, что устою перед этими соблазнами. Напишу только правду — так, как я ее помню».

Но такое намерение, как правило, декларируют все известные нам мемуаристы. Поэтому сразу скажем, что Сольский принадлежит к тому ничтожному меньшинству, которое избежало соблазнов самохвальства и сочинительства. Зато он отличается наблюдательностью, и его рассказы о встречах с теми, кого описывали сотни сочинителей панегириков и тысячи разрушителей легенд, носят тот тон добросовестности, которого не подделаешь. Он говорит, что Володарский был оратором лучше Троцкого, потому что обходился без эффектов красноречия. Ленина Сольский считает политиком исключительным — за то, что тот формулировал свои суждения, не окутывая их туманом; разговор с ним Сольский приводит по памяти с поразительной достоверностью.

Уже по описанию первой встречи с Дзержинским — в Москве, после февральской революции, на митинге у памятника Скобелеву, — видно, что от большевизма и его вождей автора оттолкнула не столько их жестокость, сколько ложь, которую они употребляли в защиту своего учения, причем в присутствии простых людей, которых обязаны были защищать. Его раздражает, что польский шляхтич изображает из себя рабочего, его возмущает — после Рапальского договора — тайный экспорт советского оружия в веймарскую Германию. Более того, он клеймит этот сговор в прекрасном фельетоне — будучи корреспондентом «Известий» в Берлине.

Чем дальше углубляется он в двадцатые годы, чем ближе год «великого перелома», то есть смертоносной коллективизации, тем больше в книге важных примеров драматического процесса перерождения тех принципов и надежд, которые тысячам Сольских повелевали видеть в советской идеологии и ее практическом применении профилактическое средство — безжалостное, но необходимое — против всех грехов мира эксплуатации и классового насилия. Этапы этого разочарования описаны как будто сухо, но это результат сознательного выбора автора: говорить бесстрастно о том, что он сам видел и пережил. И он порвал со страной Советов и работой на нее уже в конце 1928 года. Тем не менее мож-

но утверждать, что внимательный читатель воспоминаний Сольского узнает о сути дела не меньше, чем из знаменитых книг Артура Кестлера. У нашего автора крупные козыри: он познал источники и самые истоки процесса, то, что он познал, он видел ясно, а результаты заранее предвидел.

Для историков книга Сольского — серьезный источник. История октябрьского переворота и его первых последствий — это особенно трудная, пересеченная местность научных исследований: эта история была предметом многократных и многосторонних манипуляций (историческая политика предъявляет свои требования), а сверх того — подавляющее большинство знающих очевидцев, т.е. участников решающих деяний советской компартии, правительства, командования вооруженными силами, получили пулю в затылок вскоре после того, как Сольскому удалось унести ноги и остаться за границей, где он долго молчал. То, что он пишет о ликвидации Учредительного собрания, о подавлении Кронштадтского восстания, о партийных интригах, борьбе бульдогов под кремлевским ковром, — очень важное свидетельство. Вдобавок свидетельство, оставленное писателем. Сольский был автором романов ничуть не хуже, чем какой-нибудь «Рвач» Эренбурга. Конечно, о ВАПП Сольский пишет с чувством корпоративной солидарности, не упоминая про ее инквизиторский пыл. Но то, что бросается в глаза в этой книге, вопреки искренним заблуждениям и партийным усилиям активиста, — это похвала творческой роли диссидентов в любом общественном движении. Последние защитники веры — это по сути не ортодоксы, а еретики.

Сдержанно описывая в заключительной главе «Моих воспоминаний» обстоятельства своего решения, Сольский признаётся, что, порвав с советской Россией, он остался верен родному польскому языку и своим ранним взглядам, которыми проникся в лодзинские времена, читая рассказы Стефана Жеромского «Доктор Петр» и «Силачка». Мораль, извлеченную из них, он излагает так: «Обманывать самого себя, предавать самого себя — наихудшее предательство; то, что говорят люди, неважно кто, и все книги, и все теории — всё это может быть хорошим или плохим, но поступать надо так, как ты сам думаешь и чувствуешь, в согласии со своим собственным кодексом». При таких исходных посылках невозможно долго оставаться верным режиму, который требует повиновения вождю и его учению.

Вацлав Сольский

Перевод
Натальи Горбаневской

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

О ВАПП [Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей] в Советском Союзе и за границей написана добрая дюжина книг и сотни, если не тысячи статей*. Сейчас, когда я пишу об этой литературной организации, я вынужден ограничиться самыми существенными вопросами, что не так-то легко. Но ограничиться необходимо, иначе я утонул бы в горах материала, не каждому читателю интересного — хотя для меня всё еще актуального и близкого, ибо в течение нескольких лет я был одним из руководителей ВАПП и понимаю, что несу ответственность за ее деятельность.

С чего же начать? Может, лучше всего с конца. Когда Сталин в апреле 1932 г. ликвидировал все писательские организации, «Правда» поместила большую статью, в которой о других организациях было совсем немного — обосновывался главным образом роспуск ВАПП. В статье говорилось, что одной из главных ошибок ВАПП было выдвижение лозунга «живого человека в литературе» и тезиса, согласно которому мир — это прежде всего человек. Большая Советская Энциклопедия (издания 1955 г.) объясняет ликвидацию ВАПП тем, что лозунг «живого человека» сводился к показу советских людей как внутренне сломленных и противоречивых, и тем, что ВАПП противопоставила свою политическую линию политике партии в области литературы.

Действительно, грубо говоря, так оно и было, только надо объяснить, что́ значат обвинения «Правды» и БСЭ. Лозунг «живого человека в литературе» означал борьбу с лакировкой, с навязыванием литературе стопроцентных героев-коммунистов, совершенно бумажных, обладающих только положительными чертами. Это, однако, не значит, что сами члены ВАПП не писали агиток или «производственных романов». Некоторые писали еще до того, как ВАПП ликвидировали. Не следует также считать, что ВАПП всегда и везде исповедовала те принципы, в которых ее обвинила «Правда». Всяко бывало.

Если говорить о противостоянии политической линии ВАПП политике партии — тоже всяко бывало. ВАПП — и я как один из ее руководителей — принципиально поддерживала в литературе политику партии. Но эта политика в разные периоды бывала разной, и вследствие этого ВАПП по-разному к ней относилась. Ленину никогда не приходило в голову, что партия или правительство должны руководить литературой, делая из нее орудие пропаганды, во всяком случае он не выразил такого рода поползновений ни письменно, ни в публичных выступлениях. Зато эту идею проповедовал Троцкий. Ее можно найти в его книге «Литература и революция», где он писал, что задача партии в области литературы — тормозить любые упадочнические тенденции и всё, что может вызвать конфликты между пролетариатом и революционной интеллигенцией, добавляя, что партия обязана ликвидировать такого рода опасные тенденции «независимо от формальных достижений» тех или иных писателей, то есть не считаясь с тем, талантливый это писатель или нет, обладает произведение художественными достоинствами или ничего собой не представляет. Если к этому прибавить, что Троцкий в той же книге выступает за необходимость «бдительной революционной цензуры», то станет ясно, что самым главным вопросом для него было, приносят ли литературные произведения пользу политическим целям.

Главным, историческим и, собственно, единственным документом, определяющим отношение коммунистической партии к литературе, было опубликованное 1 июля 1925 г. постановление ЦК РКП(б) [«О политике партии в области художественной литературы»]. Оно было принято через полтора года после смерти Ленина, тогда, когда Сталин, хоть уже и генеральный секретарь, в вопросах такого рода еще роли не играл, — он ими занялся лишь позже. Автором постановления был Николай Бухарин. Я его в те времена знал. Помню, однажды в разговоре со мной и писателем Юрием Либединским он сказал, что постановление в точности отражало взгляды Ленина на литературу и искусство вообще, высказанные Лениным в частных разговорах с ним. Вероятно, так оно и было. Но в этом случае можно считать, что Ленин определенных

* Самая исчерпывающая и опирающаяся на наибольшее число источников работа в этой области: Edward J. Brown. The Proletarian Episode in Russian Literature. 1928-1932. New York, Columbia Univ. Press, 1953.

взглядов по данным вопросам не имел. Ибо постановление было скорее двусмысленным, и даже более чем двусмысленным. В нем говорилось, что литература должна удовлетворять растущие культурные потребности трудящихся масс, а уровень ее должен быть высоким как с идеологической, так и с художественной точки зрения. Высокий идеологический уровень, конечно, означает руководство литературой и использование ее в целях политической пропаганды. Но сразу вслед за этим позиция смягчается: в постановлении говорится, что партия не допустит, чтобы в дела литературы вмешивались некомпетентные лица, и будет бороться с тенденциями, навязывающими литературе какие-то задачи в приказном порядке. Одним словом, и Богу свечка, и чёрту кочерга.

Поскольку постановление было более чем двусмысленным (я привел лишь главные его положения), постольку все литературные организации, в том числе и ВАПП, пользовались этим, считая, что это вода на их мельницу. Глашатаем партии по этим вопросам был тогда некий Варейкис, который заведовал отделом печати ЦК. Варейкис полностью поддерживал позицию ВАПП, когда разговаривал с ее представителями, а при встречах с представителями других организаций поддерживал их точку зрения. Вмешательство ЦК поначалу, впрочем, выражалось в утверждении редакторов и членов редколлегий литературных журналов. Варейкис был лишь официальным глашатаем ЦК, притом что сам ЦК еще не выработал определенной политики в области литературы, несмотря на единогласное принятие бухаринского постановления. У ЦК не было, кстати, ни времени, ни охоты заниматься этими вопросами. Как раз тогда, в 1925 г., в высших партийных сферах уже начиналась борьба за власть. На ее первой стадии Сталин вместе с Зиновьевым и Каменевым создал в политбюро знаменитую «тройку», которая при поддержке большинства боролась против Троцкого. Позже Зиновьев и Каменев создали с Троцким общий антисталинский блок, но тогда Сталин располагал в политбюро уже подавляющим большинством. В 1927 г. Троцкий был исключен из партии. Новая антисталинская оппозиция, во главе которой вместе с Бухариным стояли Зиновьев, Каменев и Томский, была Сталиным разгромлена.

Эта борьба за власть «наверху», разумеется, находила грозные отголоски в писательской среде. Одним из ее результатов стало то, что Сталин, отдавая себе отчет в том, какое значение в России всегда имела литература, уже в том же 1925 или 1926 г. начал приглашать к себе в кабинет в здании ЦК представителей писательских организаций и подолгу с ними беседовал. Я хорошо помню такие посещения сталинского кабинета и расскажу о них далее. Но прежде я хотел бы сказать несколько слов о людях, стоявших во главе ВАПП.

ВАПП была численно самой крупной писательской организацией. В те годы, о которых я пишу (1925-1928), в ней было две тысячи членов и отделения по всему Советскому Союзу. Съезды ВАПП выбирали правление, а правление — исполнительный комитет в составе 16 человек. Только трое из них (Александр Фадеев, Владимир Ермилов и Александр Сурков) после чисток продолжали сотрудничать со сталинским режимом. Литературный критик Леопольд Авербах и драматург Владимир Киршон были в конце 1930-х расстреляны, большинство остальных членов исполкома провело многие годы в сталинских лагерях и тюрьмах. Сейчас, когда я это пишу (1972), только один из них кроме меня, Александр Сурков, еще жив.

Никто из них не был осужден в ходе судебного процесса. «Судили» их в газетах, обвиняя в том, что они фашисты, агенты иностранных разведок и т.п., — как тогда это было принято. Потом, в 50-е годы, они были «посмертно реабилитированы». Такого рода обвинения в печати обычно свидетельствовали, что тех, против кого они выдвинуты, уже нет в живых. Открытые судебные процессы устраивали только тем, в ком власти были уверены, что в зале суда они «признают свою вину».

▌Беседы со Сталиным. — Пропаганда и искусство

Редакция главного органа печати ВАПП (главного, потому что лишь в Москве у нас их было несколько, а во всём Советском Союзе — десятки) помещалась в одной комнате в Доме Герцена. Эта комната одновременно была нашим генеральным штабом. Орган этот назывался «На литературном посту», главным редактором был Леопольд Авербах. Посреди комнаты стоял большой стол, а на одной стене виднелась большая клякса, обведенная красным карандашом. Клякса имела историческое значение. Писатель Валайтис, литовец, писавший по-русски, однажды запустил чернильницей в писателя Либединского, но не попал, а попал в стену. Валайтис напечатал в какой-то газете статью, восхвалявшую пьесы наркома просвещения Анатолия Луначарского, которые, как всем было известно, никаких похвал не заслуживали. Либединский обвинил Валайтиса в том, что он подлизывается к Луначарскому — который, кстати, был человеком весьма культурным и интеллигентным, только бездарным. В ответ на это обвинение Валайтис и схватился за чернильницу.

Другие стены редакции были украшены надписями, из которых кое-что я хорошо помню: «Избегай деревенских тем, если ты не отличаешь дойной коровы от В.Ермилова», «Наша творческая наглость ни в чем не уступает вашей». Первая надпись относилась к Владимиру Ермилову, главному редактору журнала «Молодая гвардия» и одному из лидеров ВАПП, вторая была направлена против других писательских групп, обвинявших нас, что мы нагло ведем литературные споры, а слова «ни в чем не уступает» были взяты из обычного в те годы газетного жаргона. Почти в каждой статье о производстве советских пуговиц, карандашей или сельскохозяйственных машин — а то и о виде московских скверов — газеты подчеркивали, что всё это ничем не уступает западным образцам.

И вот в этой редакционной комнате однажды зазвонил телефон. Было около одиннадцати часов утра. В это время в редакции всегда было полно людей — на этот раз, кроме Авербаха, были Либединский, Фадеев, Ермилов и я. Наверное, еще кто-то, но остальных я уже не помню. Но чтобы дальнейшее было понятно, мне придется сказать еще несколько слов о Ермилове.

В дальнейшем Ермилов стал чем-то вроде сталинского помощника по делам литературы и печатал толстые книги и статьи в «Правде», вынося в них приговоры. В те времена он был молодым человеком, светловолосым и голубоглазым, совершенно лишенным шеи. Ему было что-нибудь около 20-22 лет, и он отличался чрезвычайной наивностью. Нашим любимым занятием было выдумывать разные невозможные истории, в которые он свято верил. В этом особенно отличался Владимир Киршон. Часто мы звонили Ермилову днем и ночью, изменяя голос и представляясь каким-нибудь из кремлевских вождей, чтобы обругать его за ту или иную напечатанную в «Молодой гвардии» статью. Ермилов в таких случаях рассказывал нам на следующий день, что ему звонил Бухарин или еще кто, и советовался с нами, как поступить.

Когда зазвонил телефон в редакции, Ермилов взял трубку и, услышав, кто говорит, думал, что его снова разыгрывают. Ему показалось, что он узнал голос Киршона, и он резко разругал его. Авербах, знавший, что Киршона нет в Москве, вырвал у него трубку, и только тогда оказалось, что звонит лично Сталин. Он просил нескольких членов руководства ВАПП прийти к нему на следующий день.

Даты этого первого посещения Сталина я не помню (потом были и другие). Было это, должно быть, в 1926 году. Мы тогда уже знали, что Сталин начал интересоваться литературой. Об этом нам сказал Луначарский, который поддерживал с ВАПП дружеские отношения, как ему это было свойственно. Когда Федор Раскольников, тоже один из руководителей ВАПП, и я спросили Луначарского, дошли ли до него слухи об этих новых интересах Сталина, нарком просвещения поднял кверху брови и сказал, что действительно Сталин читает *книги*, включая *романы* и даже *стихи*. Подчеркивая эти слова, он поднимал брови всё выше, желая дать нам понять, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Никто из нас Сталина еще не знал и никогда с ним не говорил. Что касается меня, то время от времени я его видел, но не вблизи. Когда он встал из-за стола, чтобы с нами поздороваться, мне бросилось в глаза, какой он низкорослый. Кожа у него была смуглая, а лицо испещрено оспенными пятнами или, может быть, следами какого-то кожного заболевания. Говорил он с очень сильным грузинским акцентом. (Много лет спустя я слышал в Нью-Йорке записанную на пластинку его речь во время войны. Тогда он говорил по-русски уже почти без акцента.)

Он радушно поздоровался с нами и попросил рассказать о нашей работе. Мы договорились, что это сделает Либединский. Сталин слушал, куря трубку, но у меня было впечатление, что его мало интересует то, что говорит Либединский. Он сразу спросил, кто был у телефона, когда он звонил. Он, как оказалось, слышал крики Ермилова и ответные проклятия Авербаха. Мы объяснили ему, в чем дело. Это привело его в отличное настроение. Он позвал какого-то секретаря и рассказал ему, что произошло, но довольно нескладно. Секретарь ничего не понял, но сделал вид, что понимает, и извлек из себя вежливый смешок.

Либединский принялся докладывать дальше, Сталин, расхаживая по комнате, слушал уже с откровенным нетерпением. Либединский что-то такое сказал о том, как собирал материалы к своему роману. Сталин, который до этого, видимо, недослышал его фамилию — или, может, она ему ничего не говорила,— оживился и начал расспрашивать, долго ли он писал свой роман, как называются другие его книги и т.п. Кто-то из нас спросил его, читал ли он «Неделю». Сталин ответил, что нет, но прочтет. В дальнейшем ходе разговора он обращался исключительно к Либединскому, игнорируя остальных. Мы понимали, почему. О «Неделе» Троцкий написал в «Правде» большую хвалебную статью, и Сталин наверняка эту статью читал.*

* В связи с «Неделей» о Либединском тогда ходил такой анекдот: «Кто такой Либединский? Неделя, которая тянется слишком долго». Анекдот был язвительный, но несправедливый. Юрий Либединский был очень одаренным и смелым писателем, что доказывает хотя бы его роман «Рождение героя».

Уж не помню, в этот раз или в другой Сталин спросил нас, почему мы преследуем писателя Федора Гладкова. Речь шла о романе Гладкова «Цемент». Этот роман, вне сомнения прототип всей будущей подобной халтуры — не только в России, но и в других странах, — фальсифицировал действительность, приспосабливая ее к агитационным лозунгам и делая из героев бумажные манекены. Однако он был признан шедевром, в печати о нем появились восторженные рецензии, и партийные агитаторы усиленно пропагандировали его на собраниях по всему Советскому Союзу. ВАПП решил противостоять этой общей волне энтузиазма. Мы считали это необходимым не только из общих соображений, но еще и потому, что автор «Цемента» был одним из ведущих деятелей ВАПП. Поэтому его роман считали, можно сказать, программным для ВАПП, образцом того направления в литературе, которое ВАПП поддерживает. Этого мы не могли позволить, и журналы ВАПП напечатали несколько статей с критикой «Цемента». Самую резкую статью, появившуюся в «На литературном посту», написал Александр Фадеев. Фадеев писал, что герой «Цемента» Глеб Чумалов — типичный «железный коммунист с железным подбородком», что всё, что он говорит, взято живьем из статей в «Правде» и что уже многие начинающие писатели, подражая Гладкову, пишут такие же агитки, что весьма вредно*.

Лично для меня конфликт ВАПП с Гладковым, который в результате этого конфликта из ВАПП вышел, был особенно неприятным, так как он был первым редактором моих русских рассказов. Потом я видел его в Москве редко, но испытывал перед ним долг благодарности. Это, вероятно, было причиной, по которой я не принимал участие в кампании ВАПП против Гладкова и по которой уклонился от ответа, когда Сталин, обращаясь ко мне, спросил, почему мы преследуем Гладкова. Сталину ответил кто-то другой — кажется, Либединский. Но Сталин прервал его и снова обратился ко мне. Дальше разговор происходил примерно так:

— Вы, товарищ Сольский, приехали из-за границы, я слышал, что вы знаете языки, так что, наверное, за границей читали *их* книги.

— Да.

— Вы читали *их* книги. У них, у капиталистов, есть свои писатели, которые их восхваляют и распространяют их — капиталистические — идеи, нам надо иметь своих писателей. Вы с этим согласны?

Я ответил что-то вроде того, что писатели в капиталистических странах редко восхваляют капитализм и правительства своих стран, потому что это было бы конформизмом, а писатели, можно сказать, по своей профессии, во всяком случае большие писатели, — антиконформисты, бунтовщики, не принимающие существующего положения дел. Но Сталин не откликнулся на этот довод. Он снова обращался ко мне:

— Вы читали, что о нас написал Уэллс? Был здесь, разговаривал с Владимиром Ильичом, приняли мы его как нельзя лучше, а он? Вернулся в свою Англию и напечатал о нас сплошные гадости. И не приходится удивляться. Капиталистический писатель.

— Но другие капиталистические писатели, — сказал кто-то, — тоже приезжают и в своих книгах хвалят то, что тут увидели.

— Хвалят-хвалят. Дорого нам это обходится. Литература должна вытекать из внутренней убежденности, как у Гладкова, а вы мне тут рассказываете, что таких людей, как у него в книгах, у нас нет. Вы не понимаете, что Гладков ставит этого своего Чумалова в пример для подражания, вот что! И, разумеется, восхваляет его, а как же иначе? Ясно, что восхваляет, вы должны гордиться, что у вас в организации такой *полезный* писатель, а вы его преследуете.

Помню, что после этой беседы со Сталиным исполком ВАПП созвал специальное заседание, продолжавшееся несколько часов. Мы серьезно обсуждали, не послушаться ли Сталина и не переменить ли свое отношение к «Цементу». И решили не менять. В то время такое решение еще было возможно. Сталин еще не был диктатором и последней инстанцией во всех вопросах.

Весьма вероятно, что этот конфликт ВАПП со Сталиным стал затем если не главной, то во всяком случае одной из причин ее роспуска. У Сталина была хорошая память, а Гладков пользовался особой его симпатией и часто бывал у него на подмосковной даче. А то, что лично Сталин, а не кто-то другой поста-

* Много лет спустя тот же Фадеев написал не менее бессмысленный роман. Его «Молодая гвардия» была переведена на многие языки, в Москве по ней поставили кинокартину и оперу. Это была невероятная халтура, тем еще превосходящая роман Гладкова с точки зрения искусственности, что «железные подбородки» здесь не только у мужчин — героев романа, но и у женщин. Но «Молодая гвардия» вышла только после II Мировой войны. В то время, о котором я пишу, Фадеев был одаренным писателем, о чем свидетельствует его первый роман «Разгром».

новил распустить ВАПП — как, впрочем, и все остальные писательские организации, — не подлежит сомнению. Годы спустя Каганович выступил с критикой давно уже не существовавшей ВАПП и сказал, что в 1932 г. Сталин постановил распустить эту организацию, потому что ВАПП, вместо того чтобы стать центром, организующим широкие писательские массы, мешала развитию советской литературы, и потому что все попытки повлиять на ВАПП, чтобы она изменила свою ошибочную политику, не удались*.

Вопрос об отношении ВАПП к Гладкову выглядел бы, наверное, иначе, если бы ВАПП, как Сталин, считала Гладкова революционно полезным писателем. Но дело в том, что как я, так и мои друзья из ВАПП считали, что Гладков и тот род литературы, который он воплощал, вредят развитию революции.

Я уже писал об этом, но мне кажется, что нужно прибавить еще несколько слов.

Готовя эту главу моих воспоминаний, я просмотрел несколько книг, говорящих об отношении литературы к политике и пропаганде, прочитал и статьи, которые писал на эту тему в 20-е годы. Теперь я, как и тогда, думаю, что независимо от намерений и взглядов автора китч и халтура в литературе компрометируют идеи, которые он хотел пропагандировать. Это кажется мне очевидной и элементарной истиной. Сегодня я также знаю — но не уверен, что знал уже тогда, — что все без исключения литературные произведения, написанные с замыслом показать верность того или иного философского тезиса, литературно ничего не стоят — разве что писатель в ходе работы над книгой откажется от намерения пропагандировать свой тезис или так его скроет, что читатель и не заметит, что автор хотел в своем романе что-то доказать. Так это произошло у Толстого в «Анне Карениной». В послесловии к этому прекрасному роману Толстой написал, что́ он «хотел сказать». Речь шла о таинстве брака, о его нерушимости. Его героиня, как он считал, понесла заслуженное наказание за то, что бросила мужа. Толстой хотел написать тенденциозный роман, но его художественная совесть ему этого не позволила, и без этого послесловия мало кто догадался бы, что у него был такой замысел.

Но это только одна сторона вопроса. Руководители ВАПП, и я в их числе, были прежде всего революционерами и только потом — писателями. Таков был основополагающий принцип ВАПП, и этим, по нашему мнению, она отличалась от других писательских организаций. Мне лично тогда и в голову не приходило, что в градации ценностей литература или искусство стоят выше революционных программ и задач. Я тогда не знал — и сегодня не знаю, — что такое искусство, хотя изучил тогда и позже множество сочинений, старающихся ответить на этот вопрос, но к своей профессии писателя относился как к работе верующего коммуниста на отрезке литературы — не более того.

Так же относились к своей профессии и мои друзья из ВАПП. Лето 1927 г. я проводил в Мисхоре, в Крыму, вместе с Киршоном, Авербахом и еще несколькими писателями и критиками. Мы все время вели споры на тему, которая не давала нам покоя: можно ли — и как именно — использовать искусство в революционных целях. Все мы были согласны, что только искусство действует на людей эмоционально, только оно обращается к их чувствам и что вследствие этого воздействие искусства сильнее всякой пропаганды, опирающейся на рациональные аргументы. Из этого мы делали вывод, что мы, писатели, обязаны влиять на читателя в революционном направлении. Мнения разделялись лишь тогда, когда обсуждалось, как это следует делать, в каких границах это вообще возможно.

Мы не нашли полного ответа на этот вопрос, но частичный — нашли. В этом нам помог, сам того не ведая, Исаак Бабель.

Однажды в Москве Бабель рассказал мне одну историю из времен своего детства. Его рассказ запомнился мне очень крепко. Бабель жил тогда в Одессе. Когда ему было 13-14 лет, один его родственник подарил ему часы.

Это были первые его часы, и Бабель ими очень гордился и дорожил. Среди его знакомых был один вор и хулиган, старше его лет на десять, живший на той же улице. Бабель пошел к нему поделиться радостью. Вор посмотрел на часы, после чего спокойно положил их себе в карман и велел Бабелю катиться ко всем чертям.

Бабель ничего не мог сделать. Хулигана боялась вся улица, известно было, что он носит при себе нож. «Я вышел из этого дома, — рассказывал Бабель, — стал перед воротами и принялся плакать, отчасти со злости на себя самого, укоряя себя в том, что пошел к нему, а отчасти из-за понесенной обиды».

На протяжении нескольких недель Бабель не встречал воришку. Но в один прекрасный день хулиган пришел к нему и рассказал, что какой-то журналист подарил ему билет в оперный театр, которым сам не мог воспользоваться. Хулиган никогда до того не был в театре. Он сказал Бабелю, что театр его не интере-

* Большевистская партия и советская литература. Краткий обзор документов // Новый мир, 1947, №5.

сует, это забава для дураков, но все-таки хотел узнать у Бабеля, идти ему или не идти. Бабель уговорил его пойти. Вор решил, что пойдет на несколько минут, самое большее на четверть часа, чтобы удовлетворить любопытство: он же отлично знает, что это только потеря времени. О часах он не сказал ни слова.

Вечером Бабель ждал его на улице перед театром. Вор не вышел ни через четверть часа, ни даже во время антракта. Он остался до конца спектакля, а когда Бабель, который хотел узнать, какое впечатление произвел спектакль на хулигана, и только для этого дожидался его на улице, спросил его об этом, тот не ответил ни слова. Он был так потрясен, что не мог говорить. Только после долгого молчания он вынул из кармана часы и отдал их Бабелю. Он не объяснил, почему, только сказал — если я хорошо запомнил рассказ Бабеля — следующее:

— Были там танцы, и пели. Играла музыка. И хорошо пели, так что, одним словом, бери свои часы и убирайся на все четыре стороны.*

Мы обсуждали в Мисхоре эту историю. Мы понимали, что вор вернул Бабелю часы не потому, что нравственное содержание спектакля, который он посмотрел, состояло в том, что воровать не надо, что кража — дело грешное. Опера несомненно этой заповеди не содержала. Однако она склонила вора к определенному поступку — может, не прямо, а косвенно, — а это и есть цель любой пропаганды. Выходит, опера была пропагандой, но пропагандой своеобразной. Она не призывала быть честным, но само столкновение с искусством пробудило в воре дремлющие в нем положительные, или «благородные» чувства. Выразить их он не умел и, вероятно, стыдился, потому и велел Бабелю убираться.

Из этого нашего анализа мы извлекли выводы. Они состояли в том, что искусство можно использовать в целях пропаганды только тогда, когда речь идет о пробуждении в человеке не дурных его свойств, а лишь исключительно добрых. Это можно сформулировать еще строже. Самый прекрасный роман, самое сильное музыкальное сочинение или картина — я говорю, разумеется, о настоящем искусстве, не о его коммерческих или иных эрзацах, — никого не могут склонить к подлым поступкам. Настоящее искусство может быть движителем деяния только в том случае, когда пропагандируются общечеловеческие и положительные идеи, которые всегда будут альтруистическими, ибо эгоизм не найдет в них места.

И еще одно: для каждого человека положительно только то, что он сам считает положительным, притом не потому, что кто-то его убедил исповедовать те или иные принципы, а потому, что он *сам чувствует*, что́ хорошо, а что́ плохо. Повлиять на его внутреннюю настроенность и изменить ее в том или ином направлении можно, но нелегко, и никакая пропаганда, если говорить о достижении недобрых целей, не может этого сделать при помощи искусства. Идеи концлагерных газовых печей, сталинских лагерей и массовых убийств, как и вообще идеи тоталитарной диктатуры, невозможно пропагандировать с помощью романов или поэм, поэтому в сталинской России, гитлеровской Германии или муссолиниевской Италии литература перестала существовать.

* Позже Бабель написал рассказ «Ди Грассо», основанный на этом случае. Но содержание рассказа отличается от того, что я слышал. Это замечательный рассказ, но его сырой материал — истинная история — произвел на меня большее впечатление.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Здравствуйте, уважаемый господин Ян Стренковский!

Совершенно неожиданно для себя я нашла в сети Вашу статью «Солидарность с «Солидарностью»» в журнале «Новая Польша» (2007, №№ 7-8). И в ней упоминание о моих друзьях, в то время рижанах, — Валерии и Лилии Сулимовых и обо мне, Клавдии Ротмановой. Неожиданно оказалось, что Вы упомянули, а следовательно, и увековечили в архивах журнала и меня, притащившую в дом к Сулимовым для отправки в Польшу такую скромную мелочь: пакеты с мукой и макаронами, чай, кофе, сахар... В те времена я тихо краснела от убогости моих подарков — но друзья сказали, что и этому найдется применение в голодающих семьях Польши того времени.

Но не только это — повод беспокоить Вас письмом! Из статьи я поняла, что Вам известно, что *«Сулимов перевел и распространял «21 требование» Межзаводского забастовочного комитета (август 1980) и «Послание трудящимся Восточной Европы», принятое I Съездом «Солидарности» в Гданьске осенью 1981 года».*

Кстати, переведенные Валерием документы не раз изымались у него во время регулярных в то время обысков. Изымались и его дайджесты «Польша сама о себе» и «Польша сама о себе, пока могла говорить». Валерий составил эти сборники из статей, напечатанных в начале военного положения, главным образом в подпольной польской прессе. Я была литредактором первого сборника «Польша сама о себе». Второй сборник редактировала наша общая приятельница из Ленинграда, известная правозащитница Ирина Цуркова. А Лиля, Валерина жена, распечатывала дайджесты на своей пишущей машинке — для знакомых, которые тогда интересовались событиями в Польше. Их, сочувствующих «Солидарности», было немало.

А позже, в середине «перестройки», получив после очень долгого перерыва заграничный паспорт, Валерий регулярно начал ездить в Польшу за литературой — в том числе и за религиозной, на русском языке недоступной в тогдашнем Советском Союзе. Переводил религиозную литературу — уже по заказам, для издательства в Ватикане.

С 1992 г. Валерий и Лилия Сулимовы переехали в Ольштын. Работали много и тяжело: Валерий — на строительных работах, Лиля — поваром. А в 1996 г. Валерий получил польское гражданство за заслуги в борьбе за независимость Польши. До недавнего времени всего двадцать человек удостоились такой формулировки при присуждении гражданства Республики Польша. Лиля не дождалась этого события. Жарким летом 1995-го она умерла от инфаркта. Год спустя Валерий разыскал меня в Дюссельдорфе, где я живу уже с 1993 года. И вот уже второй год, как мы — супруги.

Смотрим польское телевидение, читаем прессу. Валера регулярно покупает журналы «Ньюсуик-Польша», «Впрост», «Политика», газеты «Ангора» и «Само жиче». И по нескольку раз в год ездим в Краков, в котором мечтаем поселиться навсегда.

Была бы очень рада, если бы Вы откликнулись на мое письмо!

С уважением,
Клавдия Ротманова
(Дюссельдорф, Германия)

Вместе с фильмом Анджея Вайды опять вспоминаем события тех лет. Хотелось бы и мне поделиться частью семейных воспоминаний, потому что эта часть для силезцев весьма нетипична. Катынь — это история немногих силезских семей, в сравнении с количеством погибших там людей из других частей Польши.

Брату моего деда, Юзефу, было 28 лет, когда в августе 1938 г. он приехал проститься с матерью, сестрами и братом. Сказал, что их отправляют на восток. Юзеф был рядовым полицейским, служил в пограничном отделении силезской полиции в Богумине (сейчас это чешский город в Заользье). Не знал, что не вернется, просто прощался, как каждый, кто отправляется в путь. Из его деревни — Бжезе на Одре, сейчас это район города Рацибужа, — с ним уезжал еще один полицейский, Вильгельм Ридигель, отец шестерых детей. У Юзефа ни жены, ни детей ещё не было, и прощание было не таким грустным...

Единственное известие о нем, какое получила потом его мать, — это была обычная почтовая открытка, без всяких рисунков, которую он отправил в декабре: поздравления с Рождеством. Она пришла поздно в немецкую тогда Силезию, только в феврале: среди многих штемпелей выделялся русский с названием местности Осташков, ну и интересен также берлинский, с датой 20 февраля. Был там и адрес, куда отправлять письма, на русском языке. Странным казалось всем написание имени и фамилии кириллицей: Юзеф Пак. От этой открытки сохранилась только половина, жаль...

Недавно я узнала, что, согласно документам, Юзеф был обычным узником лагеря, ничем не провинившимся и ничем особым не отличившимся. Из Осташковского лагеря он был отправлен в Калинин, где его расстреляли, а потом похоронили в Медном. Расстреляли его, вероятно, 23-25 апреля 1940 года.

После того как немцы обнародовали всё о Катыни, прабабушка уже никогда не спрашивала ни у кого о сыне, сама догадалась. А говорила официальную правду: его судьба неизвестна, и всё. И не рассказывала о нём. В окрестностях люди думали, что погиб на фронте... На Восточном фронте, как и их сыновья, солдаты немецкой армии. Но это уже отдельная часть истории силезских семей.

Из семейного альбома:
Марианна Пак с детьми.
Юзеф стоит первый справа.

В 2001 г. власти города Рацибуж повесили в районе Бжезе гранитную памятную плиту с фамилиями двух погибших: Юзефа Пака и Вильгельма Ридигеля.

В своем описании я опиралась на семейные воспоминания, слышанные от моей мамы, и на информацию из книги «Miednoje. Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego», Warszawa, 2006. Алексею Памятных я благодарна за указание на эту книгу и пояснение используемых в документах обозначений.

Ивона Кнура, Рацибуж (Iwona Knura, Racibórz)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Л. Фляшен о Гротовском
Беседы с Эрнстом Орловским и Лукашем Турским
Памяти Стефана Меллера
Песни Яна Кохановского в исполнении Лешека Длугоша
К. Люпа – интервью
В. Язневич: С. Лем в русскоязычном мире
И. Лаппо: С. Мрожек в русском театре
О. Закиров: из воспоминаний
Б. Поцей о Ванде Ландовской
Работа для иностранцев в Польше
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA *na świecie*

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

Cena 7 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589